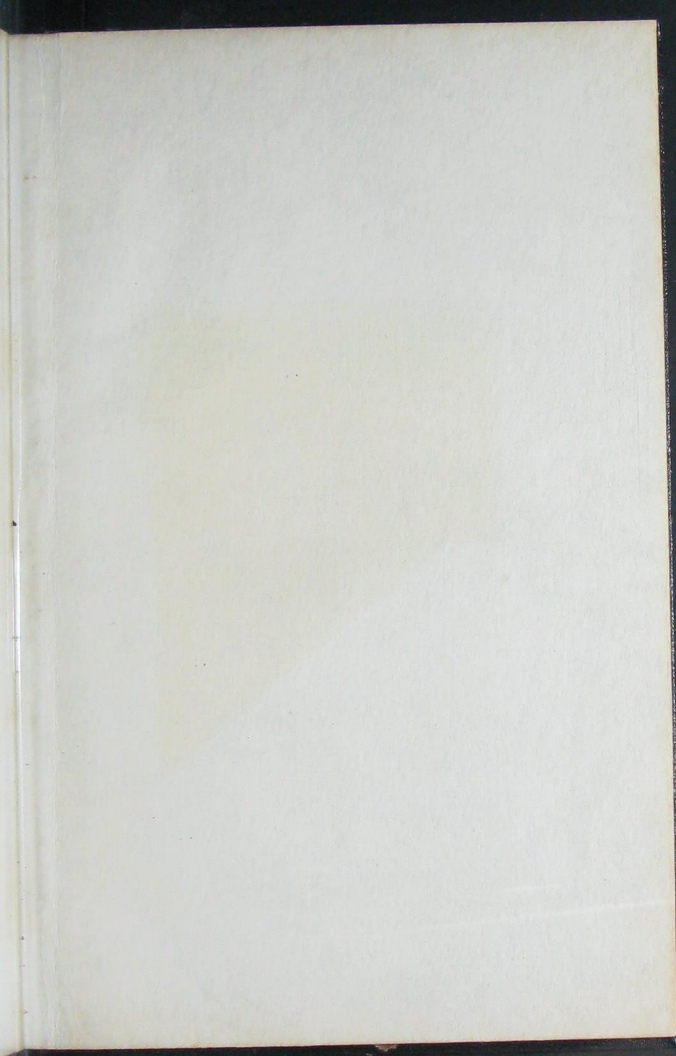

Д890(49кп-4х2):429

Д89(2374к-2х2)-13

2890

2-й приклад

ВСЕУКРАИНСКАЯ
РЕДАКЦИЯ ИСТОРИИ ФАБРИК
И ЗАВОДОВ

★

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

★

ПРОБНЫЕ
ГЛАВЫ

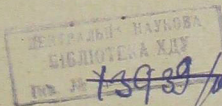
Редакция: Н. Потапчин, П. Панч, Е. Голова,
Е. Орлов, Н. Решетняк

№ 30048
1931/34
(III)

26.1954

1934
ХАРЬКОВ
„УКР.
РОБІТНИК“

579895

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

2890

Библиографическое описание этого из-
дания помещено в „Літописі Україн-
ського Друку“, „Картковому Реперту-
арі“ и других ~~українських~~ української
Книжної Палати

ХУСР

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые в этом сборнике материалы являются *пробными* работами авторов истории заводов Украины.

Редакция издает эти пробные работы для того, чтобы познакомить партийную, рабочую, литературную и научно-историческую общественность с ходом и результатами творческих исканий товарищей, работающих над историей заводов.

Ни одна из этих глав и отрывков еще не представляет собою законченной работы. Книга истории заводов может считаться законченной только тогда, когда она будет обсуждена, проверена и одобрена заводскими большевиками, старыми рабочими кадрами, инженерно-техническими работниками; когда она будет выверена Марксо-Ленинской исторической и литературной критикой. Поэтому редакция „Истории заводов“ издает сборник в порядке *подготовки* к изданию книг об отдельных заводах.

Редакция рассчитывает, что первый сборник пробных глав будет широко обсужден в заводских партийных организациях, на рабочих собраниях, в литературных кружках; мы рассчитываем, что этот сборник найдет отклик среди писателей, критиков и историков.

Само собой разумеется, что после такого всестороннего обсуждения материалы сборника будут переработаны в соответствии с той критикой, которую они заслуживают.

Всеукраинская редакция „Истории заводов“

2890

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“ УКРАИНЫ

Грандиозность задач второй пятилетки построения бесклассового общества, четко намеченные в решениях XII Всеукраинского и XVII Всесоюзного съездов партии, требуют большого напряжения сил, мобилизации политического, хозяйственного и технического опыта всей предыдущей работы и борьбы миллионных масс трудящихся, требуют совершенно иных масштабов и качества социалистического воспитания широких масс, которые в значительной своей части еще не избавились от мелко-буржуазных предрассудков, мелко-собственнической психологии.

Наша теперешняя работа над конкретными задачами, выдвинутыми перед страной последними партийными съездами, должна быть пронизана пафосом также и всей предыдущей борьбы рабочего класса, всем его собственным опытом этой борьбы за победу революции, за выполнение лозунгов нашей партии. Вот почему и задача создания „Истории заводов“ должна рассматриваться нами, как одно из лучших средств социалистического воспитания рабочих.

Лозунг—„рабочий класс пишет свою историю“—включает в себе всю грандиозность процесса воспитания масс на конкретном материале опыта героического прошлого революционной борьбы пролетариата и его творческой работы.

Товарищ Сталин на XVII съезде партии сказал, что „победа была достигнута систематической и жестокой борьбой с различного рода трудностями на пути проведения линии партии, преодолением этих трудностей, мобилизацией партии и рабочего класса на дело преодоления трудностей, организации борьбы за преодоление трудностей“.

История заводов и должна как-раз рассказать об этой конкретной борьбе рабочих со всеми трудностями на различных этапах революционной борьбы рабочего класса, должна показать, как рабочие под руководством партии преодолевали все эти трудности на пути осуществления генеральной линии партии на индустриализацию страны, на осуществление лозунга — догнать и перегнать.

Соответствующие постановления ЦК партии, а также огромнейшая работа М. Горького подняли и объединили вокруг создания истории заводов широкие массы рабочих,

в первую очередь старых кадровиков, принимавших активное участие в прошлой революционной борьбе пролетариата за победу революции, за установление диктатуры пролетариата, и которые в настоящее время также самоотверженно борются за построение бесклассового общества. Рабочие создают в настоящее время свою историю, сотни лучших ударников включились в работу заводских редакций и авторских групп по созданию истории заводов. Рабочими написано сотни листов воспоминаний из исторического прошлого заводов.

Опыт работы прошлого года по истории заводов уже показал, что при всей сложности и при огромном политическом значении этой работы еще много есть таких организаций и отдельных их руководителей, которые недооценивают дело „истории заводов“, некоторые не понимая ее значения, а некоторые сознательно игнорируя ее. Опыт также показал, что и многие авторы, как начинающие, так и профессионалы писатели, еще и до сего времени не могут твердо определить свои, как они сами говорят, творческие установки в создании такой литературы, как „История заводов“.

Всем хорошо известны указания, какие дали постановления ЦК ВКП(б) и в частности многочисленные выступления тов. Горького, которые четко наметили конкретные задачи создания „Истории заводов“.

„Надобно знать роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства,—завода, как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода, как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны. Надо знать завод в его современном значении, как организатора социалистического сознания и социалистического производства“ (М. Горький).

Дело создания „истории заводов“ стало общепролетарским делом, в которое втягиваются все более широкие массы рабочих, понимающие что „история заводов“ имеет исключительное значение не только для рабочих СССР, но и для рабочих капиталистических стран, которые должны овладеть всем революционным и хозяйственно-политическим опытом пролетариата Советских Республик.

В то же время для буржуазной истории характерно возвращение к средневековой идее неизменности мирового порядка и отрицание объективности исторического акта. Один из буржуазных идеологов Леви Брюль несколько лет тому назад писал в „Revue de cynthèse historique“:

„Можно утверждать, что собственно объект истории создают не столько факты сами по себе, сколько то коллективное мнение, которое создается вокруг них. Всякий

раз, когда есть в наличии расхождения и несогласованность между реальным фактом и представлением о нем, история должна базироваться на этом последнем”.

Подобная философия истории есть яркий признак упадка буржуазной исторической науки. И нет ничего удивительного для нас в факте отмены истории декретом в фашистской Италии.

Этой упаднической философии буржуазной историографии противостоит в СССР общепролетарское уважение к объективному опыту, чувство связи современного с прошедшим, уважение к революционному историзму.

В буржуазном мире упадок исторических наук, у нас в СССР — расцвет марксистской историографии, расцвет новых литературных исторических жанров. И чрезвычайно значительным фактором в советской историографии есть работа над созданием „истории заводов“.

„Рабочий народ должен знать все, что он делает, — он должен знать свою историю. Основным наполнением истории служат великий труд рабочих масс и разнообразное творчество единиц, которые выдвигаются массой и формируют ее опыт, как науку, технику, искусство“ (М. Горький).

От авторов, работающих сейчас над созданием истории заводов, требуется исключительно серьезное и ответственное отношение к своей работе. Передать молодежи, новым кадрам рабочих боевые большевистские традиции борьбы за социалистическую промышленность — и передать в живой, художественной форме — задача чрезвычайно сложная и ответственная, требующая большой кропотливой работы.

„История заводов“ должна стоять на высоком теоретическом и художественном уровне. Она прежде всего должна быть высока своей большевистской партийностью. Нужно решительно бороться против малейшего срыва, малейшего отклонения в сторону буржуазной, меньшевистской, оппортунистической, так называемой, „объективности“, как бы ни кричали наши враги о необходимости объективности исторических исследований и о недопустимости партийности в них.

Мы четко формулируем наше требование: историческая правдивость и большевистская партийность — необходимые условия создания истории заводов. „Историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией нашей партии, с теми огромнейшими новыми задачами, какие стоят перед нами сегодня, и которые еще будут стоять завтра“ (Л. Каганович).

Главная редакция в своих установках, неоднократные выступления работников „истории заводов“, выступления самих авторов, имеющих известную практику работы на объектах, историю которых они пишут, подчеркивали исклю-

чительную важность работы по истории заводов. Но, к сожалению, та работа, которую мы имеем на украинских объектах, работа наших авторских бригад еще далеко не соответствует всем этим задачам. В работе каждого автора можем найти те или иные ошибки, которые необходимо сейчас категорически предупредить, от которых необходимо избавиться немедленно. Эти ошибки при дальнейшем углублении могут в конце концов привести к тому, что будет создаваться не книжка, которая должна научить новое молодое поколение рабочих, как бороться за дело революции, не книжка, которая должна передать новому поколению традиции революционной борьбы прошедших лет, а такие произведения, которым, в лучшем случае, придется завоевывать себе место только где-нибудь на полках библиотек.

Перед всей работой и конкретно перед каждой книжкой из истории заводов, которую пишет тот или иной автор, поставлены вполне конкретные требования; они соответствуют чрезвычайно четким и ясным установкам М. Горького, который, определяя, какая книжка нам нужна, сказал:

„Любой станок, любая машина хорошо работать будут лишь тогда, если отдельные части их отшлифованы и связаны между собой настолько совершенно, что трение между частями сведено к минимуму. Книга тоже требует совершенства: хорошей мы называем книгу тогда, когда она так сделана, что читатель воспринимает ее смысл, не затрачивая излишних усилий. Знание—это оружие. Чем легче и острее оружие, тем более удобно владеть им. Изложение исторических событий требует последовательности и связности. Каждый факт—звено бытовой цепи, которой была окована вся дореволюционная жизнь рабочего класса; факты противоречивы, и это их достоинство: стальная правда большевизма выкована из социальных противоречий. Нужно показать, как факт, исходя из факта, создавал третий факт, и как сумма тех или иных фактов у одних рабочих угашала классовое самосознание, у других—революционно возбуждала его. Это трудно. Для рабочих-ленинцев это не должно быть трудно: они знают, что такое социальная диалектика“.

Вот четкая и ясная установка о необходимой нам книжке, каким основным задачам она должна соответствовать. Об этом каждому автору, каждой бригаде довольно вразумительно сказала соответствующая инструкция главной редакции: *вся серия книг по истории заводов должна быть проникнута единством марксо-ленинского метода и содержания, определяемым единой программой.*

„...Стержнем программы должны быть сравнительный

показ и конкретное *противопоставление* двух систем — капиталистической и социалистической. Весь материал в сборнике поэтому организуется и освещается в двух основных частях: предприятие в условиях предкапиталистического и капиталистического режима, с основным упором на показ методов и форм капиталистической эксплуатации рабочего класса и предприятия в условиях строящегося социализма, с четким и конкретным указанием того нового в рабочем классе, что создается социалистическими условиями производства, труда, быта, культуры и проч.“

Таким образом *„История заводов“* должна быть *массовой серией научно-художественных книг*, которые ярко, художественно, увлекательно, понятно широким массам трудящихся рассказали бы о революционном движении рабочих, подали бы живых людей — представителей рабочего класса в их работе и борьбе, в их быте и политическом развитии, показали бы рост их классовой сознательности, их борьбу с разнообразными врагами, меньшевиками, эсерами, петлюровцами, троцкистами, правыми оппортунистами и проч.

История заводов должна наглядно противопоставить послеоктябрьское предприятие последовательно социалистического, а затем типа — дооктябрьского капиталистического; должна показать весь пафос пролетарской революции и социалистического строительства и тем самым воспитывать молодое поколение пролетариата в духе усвоения героических традиций большевизма, в духе понимания важности интернационального характера и революционной ответственности социалистического труда.

Задача авторов как раз и состоит в том, чтобы создать живую книжку, которая захватывала бы трудящихся, книжку, в которой на конкретных примерах была бы показана диалектика экономического, политического, культурного развития заводов в процессе классовой борьбы пролетариата *вначале за диктатуру пролетариата, за укрепление этой диктатуры и потом за социалистическое строительство в условиях укрепления диктатуры пролетариата.*

Такой задаче должен служить и способ литературного изложения материалов. Инструкциями Главной редакции были допущены все виды литературных жанров, лишь бы они были основаны на точно проверенных фактах или исторических документах: научно-исследовательские статьи, мемуары, очерки, повести, романы, рассказы живых свидетелей, биографии и автобиографии деятелей и т. д.

Это однако не относится к основной книге „Ист. завода“ при создании которой необходимо добиваться того, чтобы в ней были освещены все основные, наиболее ценные, боевые

2890

моменты развития борьбы пролетариата, а не формальный, хронологический перечень событий, не механическое составление архивных документов, как это делается иногда в произведениях отдельных авторов.

Произвольный показ, произвольный монтаж исторических документов это та отрицательная сторона работы некоторых авторов, которая иногда наблюдается, и против которой необходимо решительно возражать.

Нам не нужна пестрая хрестоматия даже и художественно обработанного материала, нам нужна такая цельная книга, которая была бы написана просто и увлекательно, чтобы она была доступна всем рабочим, всей массе трудящихся, была бы интересна и полезна для этих миллионов масс читателей из рабочей среды, учащейся молодежи, колхозного актива.

Перед нами задача—написать художественное руководство классовой борьбы пролетариата и целой истории завода; написать историю живую, интересную, увлекательную, художественную и обязательно научную, в которой показать живых людей класса, в корне перестраивающего жизнь, делающего революцию в экономике, культуре, быте, в сознании людей.

Никак нельзя забывать и интернационального значения произведений по истории заводов. Наилучшие книги будут переведены на различные иностранные языки. Рабочие капиталистических предприятий будут изучать опыт революционной борьбы рабочего класса СССР и героической работы на фронте строительства социалистического общества в СССР—отечестве трудящихся всего мира.

В свете всех этих задач основные недостатки работы отдельных авторов над созданием истории заводов сводятся в основном к следующему:

Еще есть вульгаризация, упрощенчество и даже извращение марксо-ленинско-сталинского учения об исторических процессах. Часто нет настоящего показа роли партии, не уделяется достаточного внимания борьбе против националистических врагов на различных этапах социалистического строительства, что на Украине имеет особо большое значение. Допускается механистический показ технико-экономического развития предприятия вне развития классовой борьбы. В работах по истории заводов часто нет необходимой ленинской научности и настоящей художественности. Допускается иногда схематическое иллюстрирование, а также цеховая ограниченность, отрыв истории предприятия от истории рабочего движения в целом. Эти чрезвычайно большие ошибки можно ясно видеть на конкретных примерах уже написанных глав по истории заводов.

Есть опасные попытки свести „Историю заводов“ к беллетристическому описанию (к созданию повести) с целиком выдуманными событиями, с выдуманными собирательными и сквозными героями.

Нельзя, например, отрицать целесообразность проведения через произведение сквозных людей, это иногда необходимо. Но все же найти действительную, настоящую, действующую личность, а не заниматься выдумками, которые снижают фактическую историческую значимость произведения. И показать эту сквозную личность необходимо в тесной связи с общим историческим процессом революционного движения.

„Наше продвижение к бесклассовому обществу—как сказал тов. Сталин—не есть стихийный процесс“ (Доклад на XVII съезде).

Поэтому правдиво, научно, художественно необходимо показать на материалах каждого объекта наше продвижение вперед во всей его диалектике; уметь показать все трудности нашего роста, раскрыть классовую сущность этого процесса, показать, как строилось или перестраивалось не только само предприятие, но и как реконструировались сами люди—строители бесклассового общества.

„История заводов“ должна быть по существу школой партийного просвещения, институтом писательского мастерства для писателя. Так должны мы ее расценивать. Но все это, безусловно, возможно лишь при том условии, когда товарищи, которые взялись за эту работу, отнесутся к ней настолько внимательно и ответственно, как того требует партия во всех своих директивах.

Кое-кто из писателей, несмотря на все эти объяснения, еще и до сих пор блуждает в сумерках вопросов—„как писать историю завода, в каком жанре, в каком аспекте, как относиться к фигурам героев строителей, как их нужно подавать“.

— „Пишите правду о жизни“—сказал писателям т. Сталин. Это простое и ясное формулирование задач пролетарских писателей также относится и к работе над историей заводов.

Социалистический реализм—вот творческий метод создания истории заводов. Полноценность же произведения зависит от того, как автор сможет овладеть и организовать материал, как он сможет построить его и в образах раскрыть события. Как чрезвычайно положительный, необходимо отметить тот факт, что работа по истории заводов стала одним из рычагов борьбы против отставания многих писателей от практики социалистического строительства. Включаясь в самую гущу рабочих масс, в повседневные процессы работы производства, шаг за шагом изучая

его историю, а вместе с ней и историю классовой борьбы пролетариата, прорабатывая материал борьбы партии с оппортунистами всех мастей — писатель на всех этих материалах воспитывает, повышает и заостряет свое классовое сознание, укрепляет себя осознанием всех процессов классовой борьбы.

„На работе по истории заводов литературная молодежь получает возможность научиться писать о живом историческом деле ее класса... В Союзе социалистических советов создаются почти ежедневно, почти небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощение ее в жизнь в действительность.

На работе по истории заводов должны образоваться кадры людей, которые со временем обязаны будут создать институт по изучению роста и развития социалистической промышленности в Союзе советов“ (М. Горький).

В произведениях по истории заводов мы имеем примеры, когда товарищи отходят от требований, которые перед каждым из них поставлены, не подходят к созданию книг по истории заводов с четких позиций социалистического реализма; в работах отдельных авторов можно видеть известные политические и художественные срывы, которые необходимо расценивать как отход от позиций социалистического реализма — этого основного метода нашей художественной литературы.

Иногда авторы, определяя метод своей работы над созданием художественной книжки по истории заводов, забывают о том, что художественный метод определяется не посредственно не теми предметами и явлениями, какие писатель изучает и описывает, а всей практикой класса, в свете миропонимания которого этот писатель раскрывает действительность. Материал сам по себе еще не гарантирует социально-идейного направления, а некоторые писатели, в особенности работающие над „историей заводов“, не понимая этого, попадают в плен материала, не умея должным образом овладеть им как следует, его изложить, критически его обработать. Очень часто, например, совершенно неосновательно дискуссияют — можно ли применять сюжет в истории заводов, забывая, что именно сюжет в „истории заводов“ играет основную, руководящую роль. Он не выдуманный, он дается самой жизнью, самой практикой борьбы и труда трудящихся. Он есть выявление закономерного развития данного предприятия и этого ни в коем случае нельзя ни забывать, ни игнорировать.

Еще Чернышевский в своих высказываниях о „Семейной хронике“ Аксакова подчеркивал, что познания прошлого можно достигнуть при помощи как научной, так и художественной литературы. Последняя дает нам образное по-

знание истории, но Чернышевский отмечает, что ни история, ни беллетристика, отдельно взятые, не могут полностью обслуживать наши потребности в познании прошлого. В свое время Энгельс сказал относительно романов Бальзака, что в понимании определенной эпохи во Франции эти романы дали ему больше, нежели работы экономистов и статистиков.

Маркс в своих высказываниях о книжке Флеровского „Положение рабочего класса в России“ подчеркивает глубокую художественность этого произведения и одновременно отмечает „беспощадную правду“ действительности, которую нарисовал Флеровский. Наконец, чрезвычайно характерным в этом отношении есть высказывание Ленина о книге Тодорского „Год с винтовкой и плугом“:

„Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием книг из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни“.

В познании прошлого большую роль играет соединение правдивости истории с художественностью беллетристики, а это также многие из наших товарищей упускают из поля зрения. И если у какого-нибудь автора есть желание подать произведение более художественно, он обязательно это делает за счет правдивости изложения фактов, документов, которые он должен отобразить в истории предприятия, но бывает и наоборот, когда он хочет отобразить как следует фактический материал, он обязательно срывается и не один, а много раз в своем художественном методе какой он взял для того, чтобы написать историю данного предприятия.

Мы имеем ввиду этим лишь подчеркнуть недопустимость такого разрешения вопроса, как это делают некоторые товарищи, когда они считают, что обязательно та или иная сторона произведения пострадает, и совершенно не случайно поэтому ходят разговоры о целесообразности или нецелесообразности, о допустимости или недопустимости домысла и вымысла при создании истории заводов.

Приведем несколько примеров, как отдельные писатели поняли задачу подхода к материалу и к отображению его в книжке по истории заводов. К сожалению, нет возможности яркими фактами проиллюстрировать это на наших украинских материалах. Пока что, у нас на Украине есть только отдельные куски, отдельные главы истории заводов, по которым очень трудно говорить о будущей истории того или иного предприятия.

Есть различные формы книг по истории заводов. Вот один тип—это книга тов. Пааялина „История завода им. Ленина“ (Ленинград).

От начала и до конца автор отказался от беллетристического типа изложения. За небольшим исключением в книжке нет и живого художественного изложения, но все же признано, что автор со своей задачей, создать „историю завода“, справился. В издании Главной редакции есть иного типа книжка, которую считают пока наиболее удачной. Это „История Ижорского завода“ Завьялова. Нет необходимости много цитировать данную книгу, но несколько фактов стоит проиллюстрировать. Вот отрывок из 5-й главы „Накануне“.

„Кризис шагал по стране. Он потушил домы на юге России, остановил вагонетки с углем на глубине шахт, наглухо закрыл ворота многих предприятий. Кризис царил в стране, но опустошающее дыхание его не коснулось Ижорских берегов. Здесь в самый разгар кризиса вздымались новые громады корпусов, чаще становился высеченный лес труб, и гуще облака из дыма и копоти, витавшие над посадом. Царское правительство, готовясь к войне, строило новые боевые корабли. Броненосцы „Бородино“, „Князь Суворов“, „Слава“, „Иоанн Златоуст“, „Андрей первозванный“ и шесть крейсеров в течение четырех лет, начиная с 1901 года, предстояло одеть в броню“.

Начав таким образом, тов. Завьялов шаг за шагом подводит читателя к пониманию исторических процессов на заводе, роста завода, революционной борьбы и даже технических вопросов. В своей книге он отбрасывает то, чем некоторые иные историки, литераторы засоряют свои произведения, а именно: многочисленные ненужные факты. Завьялов, наоборот, берет какой-нибудь центральный факт и вокруг него (в данном случае вокруг миноносца № 141) показывает и состояние техники завода и описывает его историю, давая правильные обобщения определенных исторических процессов, характерных не только для одного Ижорского завода, а и для целого ряда других, подобных предприятий России.

Автор удачно подходит к тому, чтобы отдельные факты связать в единое целое, дать обобщающий портрет того или иного социального типа. Так, например, Завьялов создает такой портрет офицера Савельева, годами безнаказанно носившего под полами своей шинели куски дорогой меди. Рабочего за фунт украденной меди выбрасывают с завода, офицера же не смеют обыскивать. Все об этом знают и Савельева зовут „медным офицером“.

Так на конкретной фигуре показано хищническое отношение к заводскому имуществу. В образе „медного офицера“ дано обобщение черт типичных для заводской и военной бюрократической верхушки того времени. И этот образ не вымысел, не плод фантазии автора. Это живая историческая личность, существование которой и в дальнейшем подтверждается автором целым рядом фактов.

Домысел в произведении по истории завода допустим такой, который оправдан основным сюжетом, который в свою очередь обоснован конкретными историческими фактами. Не плохим примером в этом отношении может быть отрывок из истории завода „Красный пролетарий“ „Памятные тропы“ Никифорова в „Правде“ за 22/III; вот отдельные места очерка:

„Дело давнее, сказка длинная... Сечет мелкий осенний дождь. По Калужской улице, утопая в грязи, обходя лужи идет женщина, а за ней, забко подергивая плечами, несколько поодаль шагает сын.

Женщина говорит.

— Ты, Петенька, не робей, пойд-от не с'едят нас. Попросим, как следует, поклонимся, гляди — бог поможет. Все обойдется. Работать будешь.

... Пришли наконец в контору завода. Стены конторы строгие, лица служащих — без выражения, гробница, где никто уже не внемлет мольбам, не верит слезам.

Двери открыл швейцар, худой и щуплый человечек, которого должно быть долго и ненасытно сосала жизнь и, высосав, бросила к дверям прихожей.

Мастер сборочной, молитвенник и святоша, которого еще до сих пор вспоминают старые рабочие с проклятием, играл вальс „Дунайские волны“. Сколько вкладывал он в эту игру чувств, страсти и темперамента.

Если прислушаться, как следует к игре, то выйдет, пожалуй, что мастер сборочной Овчинников преисполнен чувством самой высокой доброты, не то что чело- века, мухи не обидит.

„Нет, нет — выговаривает гармонь — это не он в угоду хозяину бьет учеников, бьет с истинным наслаждением, как будто бы целые века дожидался сладостного часа мести. Нет, нет — надрывается гармонь — это не Овчинников, молитвенный человек, дробит зубы“.

Еще более интересным образом художественной переработки истории революционной борьбы на материалах биографии отдельных людей, биографии, перерастающей в историю целых предприятий нужно признать очерк тов. Зо-

2890
рича в „Известиях“ — „С правом решающего“, в котором автор передает биографию одного из делегатов XVII съезда партии. Было бы неплохо, если бы авторы истории предприятий на таком образце поучились писать свои произведения.

Какой же отсюда вывод о целесообразности и допустимости художественного домысла? Как быть с художественным домыслом и как необходимо разрешить этот вопрос в работе по истории заводов?

Художественный домысел безусловно законный, если он документально и исторически правдив. Художественный домысел можно использовать в работе, когда типичный сам по себе факт, недостаточно выявлен в документе. Но художественный домысел будет полезным только тогда, когда это будет не голая выдумка, а только правдивое осмысливание самого факта.

Когда такое предупреждение применить в работе и когда с таким критерием подходить к разрешению проблемы домысла, то такой домысел всегда можно принять.

Но заниматься вымыслом в создании „истории заводов“ нельзя. „Историю заводов“ необходимо писать на определенном фактическом и историческом материале, а раз так, то, требуя от каждой книги по истории заводов исторической правдивости, мы должны требовать, чтобы этот материал был основан на документах, имел под собой строго проверенные документы.

Необходимо сказать, что некоторые из наших авторов не придерживаются этого важного принципа работы по истории заводов. Вот, например, работа одного из авторов, работавшего над созданием истории завода „Коммунар“. Автор Филипенко применяет такой метод исследования документов: берет документ, как он есть, и вносит в книгу. Так Филипенко ввел в рукопись 87 разнообразнейших документов, которые составляют в общем больше 2¹/₂ печ. листов. Все эти 87 документов автор достал от заводоуправления, которое по договору было обязано отыскивать для автора всякие исторические документы (уже одно это говорит о несерьезном отношении автора к ответственной работе над архивным материалом). В конце концов Филипенко сам запутался в документах, найденных для него секретарями и бухгалтерами заводоуправления.

Так, например, он два раза приводит один и тот же документ, при чем в первый раз, как резолюцию общегородской беспартийной конференции 1918 года, а второй раз, как резолюцию беспартийной конференции 1920 г.

Филипенко цитирует одного старого историка Новичковского, приводя из его работы отдельные места Ека-

ерининских указов, без критической обработки их и даже без всяких пояснений:

„Для вящего укрепления и в предосторожность потребным случаям поселялись вверх по сей линии отставные солдаты, кои, успевая в домостроительстве, будут служить всегда и надежно, яко люди, привыкшие к военным действиям, защитой границ“.

В данном случае, как, и во всех прочих местах, буржуазный историк всячески прячет хищническую политику капитализма, доказывая, что благотельница Екатерина, заселяя степи Украины, стремилась только к:

„Благоденствию и утверждению спокойного жития от бога врученного мне народа, а поэтому за нужное я почла, дабы, как Новороссийская, так и Слободская губернии навсегда от Европы и варваров обеспечена была, учредить линию крепостей от Берды до Днепра“ (из указа Екатерины).

А наш историк Филипенко этот документ приводит совершенно без всяких оговорок, без каких-либо критических замечаний.

Филипенко в своих исторических экскурсах и в самом монтаже исторических документов протаскивает и националистическую контрабанду. Так, описывая Украину до и после колонизации, он идеализирует местность: „от порогов Днепра до плавень местность быстро изменяла свой вид. Там где год-два тому назад шумели могучие дубы — черели ямы и кое-где пеньки, большие луга, на которых недавно звенели песни птиц, звучали песни сечевиков, быстро окрываются поселениями согнанных панами бедняков-крепостных и дворцами „ясновельможного панства“, которые, как черные вороны на падаль, сотнями бросились „на свободные земли“, щедрой рукой раздариваемые „матерью Екатериной“.

Автор и в дальнейшем в нескольких местах идеализирует „вольную Сечь“, смазывая ее классовый характер. Эта романтическая дребедень построена на национал-фашистской теории безбуржуазности украинской нации.

„Историк“ Филипенко принял активное участие в протаскивании этой контрреволюционной „теории“. Кроме того автор с таким любованием расписывает все прелести свободного Днепра, что поневоле возникает мысль о том, что автора беспокоит то, что на этом Днепре построен сейчас ДнепроГЭС, чем испорчен романтический украинский пейзаж.

„Вольный Днепр, ранее носивший на себе казацкие чайки и лодки рыбаков, принужден отдавать свою могучую силу на потребности человека“.

Известно, что украинский пролетариат, формировавшийся

в революционный класс под двойным гнетом — политическим и национальным, в некоторой своей части подпал мелкобуржуазным политическим влияниям. Ему пришлось пройти более сложный путь в процессе большевизации, чем пролетариату центральных промышленных районов, украинские рабочие преодолевали не только сопротивление капиталистов, их борьбу усложняли процессы борьбы с мелкобуржуазным национализмом и интервентами, им пришлось преодолевать последствия мелкобуржуазного петлюровского влияния на наименее закаленную в классовых боях часть рабочих. Украинские рабочие и бедняцко-середняцкие массы крестьян, под руководством коммунистической партии, проводили чрезвычайно большую борьбу с контрреволюционными националистическими элементами и группировками и т.п. Эта борьба имеет много поучительного, опыт ее необходимо учитывать и сейчас. Историки и литераторы при разработке этого вопроса в истории предприятий должны особенно внимательно подходить к документам, которые раскрывают весь процесс борьбы партии и рабочего класса с различными националистическими врагами на отдельных этапах истории данного предприятия.

Но наши историки, пишущие историю предприятий Украины, в своем большинстве этого вопроса не затрагивают, забывая его в то время, когда он чрезвычайно серьезен, важен и сложен, вопрос, которому необходимо в истории предприятий уделить чрезвычайное внимание и обязательно подать его так, как того требуют решения партии по национальному вопросу, как сказал об этом Ноябрьский пленум ЦК КП(б)У, XII съезд КП(б)У и тов. Сталин на XVII съезде ВКП(б). Все это необходимо обязательно учитывать, в противном случае всякая рукопись истории того или иного предприятия, в которой этот вопрос не будет четко разрешен, будет браковаться, ибо нельзя допускать, чтобы история заводов Украины подавалась бы без разработки этого чрезвычайно важного материала.

На некоторых конкретных материалах украинских авторов необходимо показать и иные имеющиеся в их работе ошибки.

Всякое произведение в той или иной мере организует сознание читателя. Это как будто бы всем известно, но не все с такой меркой подходят к написанию книг по истории заводов. Некоторые писатели, не имеющие повседневных производственных связей с современным пролетариатом, не принимавшие участия в прошлой борьбе за революцию, за советскую власть, на себе не познавшие „прелестей“ всего гнета царской России, воспринимают советскую власть и социалистическое строительство, кое в чем, поверхностно и как что-то обыденное. У таких писателей нет необходимой

доли пафоса, эмоциональности, что безусловно есть отклонение от социалистического реализма, от творческого метода пролетариата, который не может быть бесстрастным, чем он и отличается от ползучего буржуазного реализма. Необходима страстная ненависть к врагу, горячая любовь к своему классу, которые дают творчеству пролетарских писателей наивысшую объективность, позволяющую правдиво отобразить социалистическую действительность нашей страны и борьбы пролетариата против капитализма.

Отсутствие острой классовой ненависти к фактам до-революционного прошлого того или иного предприятия приводит к тому, что отдельные авторы, описывая отношения между бывшими хозяевами и рабочими, допускают иногда чрезвычайно грубые политические ошибки.

У некоторых авторов есть определенная опасность отхода от истории предприятия к работе над историей капиталиста, хозяина этого предприятия. Правда, за последнее время с большинством авторов договорено, поэтому примеры, которые будут приведены ниже, сейчас уже исправляются. Например, если взять первый вариант произведений Гонимова, по истории Сталинского завода, мы можем увидеть чрезвычайно увлечение автора Юзом; тов. Лежянко — чрезвычайно много внимания уделяет инженеру Свицкому, автор истории ХЭМЗ'а тов. Радугин увлекся капиталистом Деттманном, Яковенко — Генрихом Коперсом. Это увлечение у отдельных авторов представляет большую опасность.

Вот, например, у Радугина бывший хозяин завода представляется хорошим хозяйственником и даже неплохим человеком. Отношение его к рабочим было почти идеальное. Он даже насаждает „культуру“ среди рабочих, даже на чай“ дает более „культурным“. Мы, безусловно, знаем цену всей этой работы капиталиста. Мы знаем, почему отдельные капиталисты так обращались с рабочими, но, товарищи писатели-историки, будьте добры, когда пишете о капиталистах-эксплуататорах, покажите более ярко их подлинное хищническое лицо, чтобы рабочий, читая вашу книгу, историю предприятия за каждым словом, каким вы характеризуете этого капиталиста, ясно видел врага.

Либерализм со стороны некоторых авторов в характеристике капиталистов-хозяйчиков дает нам серьезное предостережение в дальнейшей работе над созданием истории заводов, требует от нас повышения классовой бдительности к каждому такому срыву в производстве.

Одновременно необходимо сигнализировать определенную опасность, которая ярко вырисовывается — попытки элементов националистической и троцкистской контррево-

люции использовать работу по созданию истории предприятий в своих контрреволюционных целях.

Вот несколько примеров работы контрреволюционеров в области истории заводов.

Чрезвычайно поучительной была история составл первого тома „Истории ХПЗ“ (от возникновения завода до Октября 1917 года). Она доказала, что контрреволюционеры-троцкисты решили осуществить свои реваншистские намерения и в отрасли истории заводов.

Фашист Свидзинский, автор этого первого тома, сделал все, что только было в его силах, чтобы протянуть на страницы истории гиганта нашей индустрии социал-фашистскую, троцкистскую контрабанду. Это же самое делает и его соавтор Редькина, допустившая гнилой либерализм к Свидзинскому и певшая под его дудочку.

В предисловии авторы пускают дымовую завесу:

„История заводов написана самими рабочими, должна гарантировать нас от разнообразной контрабанды в исторической науке... История ХПЗ должна быть исторически верной и политически выдержанной“.

Дальше авторы извещают, что „в первой редакции история ХПЗ была обсуждена на заседании в секторе империализма института им. Багалея и зачитана частью на нескольких вечерах на заводе старым рабочим, которые сделали авторам целый ряд очень ценных замечаний, исправлений и дополнений“.

Кроме того рукопись „во второй редакции“ поступила на рецензию к старым большевикам, бывшим рабочим ХПЗ, которые „согласились дать свои чрезвычайно важные замечания, дополнения и исправления“.

Какие замечания дали рабочие и большевики-подпольщики, нам неизвестно, ибо авторы об этом умолчали, несомненно скрывши эти замечания, но то, что подали авторы во Всеукраинскую редакцию—это яркое доказательство попытки троцкистов протянуть свою контрреволюционную контрабанду (мы уже не говорим о том, что книга написана тяжелым, плохим языком, чрезмерно перегружена различными документами, это по существу сборник подробно комментируемых документов, а не „история заводов“).

Почти на каждой странице встречаем или совершенно неграмотные, с исторической точки зрения, или намеренно троцкистские формулировки, примеры, утверждения.

Так, автор счел необходимым подробно рассказать о самообразовательных курсах, возникших в Харькове в 1900 г.г. Приводя справку о составе слушателей, автор делает такое обобщение: „Распределение слушателей по социальному положению дает чрезвычайно интересную иллюстрацию состава пролетариата в конце прошлого сто-

етия, на заре расцвета русского капитализма“. Каков же состав курсов и как, исходя из него, можно делать вывод о составе пролетариата в целом? Автор говорит:

„Из этих 326 человек: крестьян было—224, мещан—89, казаков—3, цеховых—5, унтер-офицер—1, поч. граждан—1, сыновей чиновников—2“. Читатель узнает, сколько дворян, поч. граждан и т. п. было в составе курсов, и ему дается право соответственно подсчитать, сколько дворян и поч. граждан было в составе пролетариата в 900 г.г.

Не менее „интересное“ читаем и в ином месте этого сочинения.

„Никаких политических лозунгов этот союз (говорится о реформистском союзе) не выдвигал. В его рядах широко дискуссировался вопрос о роли интеллигенции в рабочем движении. Идеологом „махаевщины“ в рядах социал-демократического союза рабочих был рабочий ХПЗ Нечипор Махов, выдвигавший лозунг „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“ и остро отрицавший право интеллигенции вмешиваться в рабочие вопросы“.

Так и написано. Выходит, что не Маркс, а Нечипор Махов дал эту историческую формулу.

Фашист Свидзинский на страницах „Истории ХПЗ“ аспоясался во всю, силясь доказать, что пролетарская революция на Украину была привнесена извне. Замалчивая всячески обходя роль, значение и историю борьбы украинского пролетариата, батрачества и беднейшего крестьянства за пролетарскую революцию на Украине, Свидзинский, прикрываясь фразами о „братской помощи рабочих России“, протягивает теорию об искусственном привнесении на Украину Октябрьской революции. Для Свидзинского не существует партии большевиков на Украине, а если он кое-где вспоминает о большевиках, то главным образом с целью дискредитации их революционной работы (по вопросу о Брестском мире, в вопросах борьбы против Центральной Рады, в вопросах разрешения хозяйственно-политических задач, и т. д.). Во всех местах, где фашист-троцкист Свидзинский говорит о рабочих, он обязательно изолирует их от революционных масс села: Свидзинский их „не замечает“, они, по Свидзинскому, к революции не имеют никакого отношения.

Дальше больше. Свидзинский и Редькина немало поработали над тем, чтобы как можно больше протянуть троцкистской контрабанды.

Редькина утверждает, что в 1904—5 г.г. „в Харькове большевики и меньшевики работали в объединенном комитете“, что „на первом этапе революции, когда дело шло только о свержении самодержавия, о буржуазно-демокра-

тической революции, большевики шли вместе с меньшевиками".

Здесь Редькина доказала, как можно, ссылаясь на Ленина, здесь же его и исказить. Ленин учил, что, поскольку „в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического“, возможно известное соглашение всех „революционных“ и „социалистических“ партий для того, чтобы „*вместе уда- рять*“ по самодержавию в борьбе за демократическую республику, но „*итти необходимо врозь*“, ибо „мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями—социалистической революции“.

Но Редькина приписывает Ленину, что он учил пролетариат „итти вместе“ со всеми оппортунистическими силами.

Свидзинский и Редькина далее утверждают (вопреки „определению Ленина), что революция 1905 года *до* свержения царизма, *до* установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, стала революцией социалистической; ибо по утверждению авторов эта революция уже „несет новое знамя, знамя пролетарской революции“.

Редькина контрабандой старается протащить взгляды господина Троцкого, снижая значение буржуазно-демократического характера революции в 1905 году, недооценивает роли пролетариата как гегемона в демократической революции, как единственного класса, который может обеспечить уничтожение всех остатков крепостничества, доведение до конца буржуазно-демократического переворота и установление диктатуры пролетариата.

Автор по троцкистскому сбрасывает со счетов крестьянство, игнорируя крестьянский (главным образом) характер революции 1905 г., смазывая задачи пролетарского руководства крестьянством.

Троцкистскими утверждениями такого порядка изобилуют многие страницы „Истории ХПЗ“. Попытки контрреволюционеров использовать со своей вредительской целью фронт истории предприятий на этот раз сорвались. Всеукр. редакция „И. З.“ и парторганизация ХПЗ своевременно раскрыли всю эту троцкистскую контрабанду, рукопись забраковали и бригаду таких историков распустили (поставивши о них вопрос в соответствующих организациях).

Но это не значит, что враг не будет делать новых попыток пролезть в работу творческих бригад на других объектах. Поэтому нашу классовую бдительность мы должны усилить, мобилизовавшись на непримиримую борьбу за высокую большевистскую партийность произведений по истории предприятий.

Другая попытка работы контрреволюционеров была выявлена на Сталинском заводе — Кутоманов (как после выяснилось, белогвардеец в прошлом), которому было поручено написать историю Сталинского завода, тоже пытался вредить. „Этот историк“, говоря об интервенции, изрекает следующее:

„Народы мелких государств, против своего желания, шли на поддержку тех генералов, которые при царизме душили их и от них можно было ожидать, что, утопив в крови революцию, они восстановят единую неделимую“.

Кутоманов старается спрятать настоящую суть планов интервентов, а поэтому он клеветает на народы (не проводя тут классовой дифференциации народов), которые, как будто бы, объединились против советской власти.

В ином месте Кутоманов впадает в умиление перед прослойкой верноподданных рабочих капиталистических предприятий, в большинстве состоящей из низшего командного состава, которые, благодаря подачкам и милости хозяина, становятся сами крепкими хозяйчиками — „имели домишко, коровку, а то и две, птицу разную“ и т. д. И рисуя в своем произведении этих людей, Кутоманов ими увлекается — „чисто они работали, любили свое дело и станки, прогулов не знали, по 20—30 лет производственного стажа имели“.

На первый взгляд, как будто бы Кутоманов выступает против этой части рабочих, которые выслуживались перед капиталистами, как будто Кутоманов рисует их отрицательными типами, но дело здесь в ином, что Кутоманов прячет. Вовсе не в старании, чистоте и трудолюбии здесь дело. Этот тезис Кутомановым взят из арсенала меньшевистской фразеологии. Кутоманов скрыто не договорил, что эта публика была опорой политической реакции в рабочем классе, на которую опирались государство и предприниматели.

Нельзя обойти неприятного случая с результатами полугодовой работы писателя Матвеева-Сибиряка над созданием „Истории Краматорского металлургического завода“. Вся работа Матвеева-Сибиряка это и не историческое и не литературное произведение. Он во многих местах клеветает на рабочий класс. Например, поставив своей задачей охарактеризовать рабочих того времени, он пишет:

„Об общей массе Краматорских рабочих того времени можно сказать буквально то же самое, что высказал рабочий Егоренко в своих воспоминаниях о рабочих ХПЗ: „Начиная с 1890 года, вспоминая жизнь провинциальных городов, смею утверждать, что ра-

бочие почти все были заядлые монархисты, невежественны, грубы, пьяницы, богомольны и в большинстве безграмотны".

У Матвеева-Сибиряка в этом произведении нет сюжета. Он применял самые примитивные формы публицистической статьи (и то плохого сорта). В одном месте он подходит, как этнограф, в другом — как публицист. Цитаты из Ленина, из воспоминаний рабочих он вставляет просто кусками и делает это неудачно, не к месту. Например: "описание жизни крестьян села Петровки, какое так безыскусно дает старый рабочий Шестопал, ярко подтверждает сказанное Лениным в его книге „Развитие капитализма в России“, где говорится — „социально-экономическая обстановка“... и далее идет цитата на 15 строк, совершенно неуместная, с предыдущим ничего общего не имеющая.

Еще на более низком уровне стоят стиливые средства автора. Каждая страница это иллюстрация бессилия автора. Лирические рефрены неожиданно перебиваются цитатами из Ленина или чьими-нибудь воспоминаниями. Или неожиданно, ни к селу, ни к городу, такие перлы:

„Вдруг развлечение — Робя, баба.

— Эй, держи ее, держи. Тю-тю.

В чем дело?"

Это какая-то женщина из деревни прошла.

И автор делает вывод:

„Увидеть женщину примета дурная, быть несчастьем, ли не потрафит в чем-то“.

Начав первый раздел в стиле былинника-сказателя неудачной лирикой, автор неожиданно начинает комментировать песни. На смену былине вдруг во втором разделе выходит исторический рассказ, а в третьем — это уже сухая хроника. Только в одном месте автор как будто вспомнил, что пишет художественную историю, и после сухой цитаты выстрелил таким абзацем:

„Высоко кружил в голубом небе хищный орел и своим зорким оком оглядывал постройку“.

На протяжении трех разделов автор ни единого эпизода не развернул в сюжет. Он только пересказывает, и пересказывает бескрасочными плакатными штампами, вроде:

„а поп, гнусявя свои молитвы, проповедуя покорность господам и послушание царю и его начальству, так как „нет власти, аще не от бога“, давал целовать одну свою руку, а другой ташил курочку“. Или такое: „Как вихрь, как грозовая туча, как хищник из поднебесья налетел верхом на баской лошади папский обездчик. Слезы, плач“.

В истории заводов контрабандой проходит и теория „жертвенности на алтарь революции“. Так автор истории

завода „Коммунар“ некто Талпа, написавший графоманский труд на 35 печ. листов (и это только вторая часть „Истории Запорожского [завода, забракованная Всеукр. редакцией] пишет:

„Были прямо таки случаи трогательные. Например, на ленте конвейера нет для установки столбиков (одна из деталей)—кузнечный цех черепахой ползет. Рабочий мчится в кузню, торопится, наваливая на себя, что может, и спешит обратно, спотыкается, падает. Столбики в разные стороны, нога ушиблена здорово, кровь. Рабочий быстро вскакивает, собирает поспешно груз, ругаясь и хромая, тащит к конвейеру, лишь сдав груз, заинтересовывается, что с ногой. Конечно это, скажете, кустарщина: был бы порядок—не было бы нужды в таких подвигах. Целиком и полностью согласен. Но согласитесь и вы, что, кроме этого, есть тут прекрасная романтика энтузиазма, который пришел на завод и притянул к конвейеру страстность производственной энергии.

Почитайте воспоминания рабочих и вы увидите, какая эмоциональность окружает конвейер. Кустарщина—кустарщиной, неполадки—неполадками, а энтузиазм—энтузиазмом“.

В таком духе почти вся работа (если ее можно так назвать). Чтобы покончить с этим автором, необходимо привести еще одно место, где описывается завод в 1921—22 г.

„Ясно, что Леп вел завод № 1 к явному производственному развалу. Он все же ждал и несколько весел подряд щептал друзьям: „В этом году освобождение“, лелея надежду, что „минует печальное время, мы снова обнимем друг друга и страстно и жарко забьется воскресшее сердце, и страстно и жарко с устами сольются уста“. Да-с, Герман Иванович, не дурак вы, надо согласиться. Но надо согласиться и с тем, что „кончилось счастье“, и попали вы, талантливый буржуа, все-таки под пролетарскую метелочку. Согласимся же, Герман Иванович, на маленькой истине: хорошо смеется тот, кто смеется последним. И еще на одной истине, что последним то были не вы. Но в 1921 году вы смеялись“.

И оканчивает свою рукопись он так:

„каковы бы ни были успехи завода, сейчас они были только плацдармом для новых задач, новой борьбы, новых форм классовой борьбы.

Ведь есть еще неполадки, уничтожайте их.

Стал увертливее, хитрее, но еще жив классовый враг. Бейте без жалости и половинчатости. Не успокаивайтесь.

Большевистская история не знает точек. Но автору надо уже кончать непомерно разросшийся труд.

Вам, коммунаровцам, с которыми он сжился за эти месяцы работы, особенно тем, кто вынес на плечах свою борьбу с 1921 по 1933 г., уже немногочисленным ветеранам, тебе коммунистическая организация завода, на ваш суд отдаю свой труд.

Неохотно, потому что в действительности нет точек, все же ставлю точку, лишь потому, что подчиняюсь нормам расстановки знаков препинания.

Конец*.

Такие, примеры приведены здесь лишь потому, что если человек написал работу на 35 печ. листов и заявляет, что потратил на нее 6 месяцев, такому факту необходимо все-таки уделить хоть немного внимания, хотя и так очень ясно, что это произведение никуда не годится; произведение, безусловно, забраковали и над автором поставили „точку“.

Такие срывы в работе над созданием „истории заводов“ есть неизбежные издержки первых шагов в этой области, которые необходимо сводить на нет, ликвидировать, относясь непримиримо к идеологическим срывам и своевременно давая большевистский отпор всем, кто пытается через „историю заводов“ протянуть контрреволюционную троцкистскую или националистическую контрабанду.

Несколько слов необходимо сказать относительно положительных глав, приближающих нас (но только приближающих) к тому типу произведения, который показал бы, как необходимо писать „историю заводов“.

Из всех глав, поданных к первому сборнику „истории заводов“ Украины, как наиболее удачные, необходимо отметить „Путь к первой маевке“ — автор Аркадий Григорьев (на материалах истории ХПЗ), „Высокое напряжение“ Якова Башмака (на материалах ДнепроГЭС'а), „Дивиденды“ Г. Яковенко (шахта „Ильич“ — Кадиевка), „Сделанная весна“ П. Иванова и „Первая комсомольская“ И. Муратова (на материалах ХТЗ), „Пионеры каменноугольного дела“ — автор П. Радченко (на материалах истории Горловских шахт).

Аркадий Григорьев, описывая в „Путь к первой маевке“ историю первых революционных шагов рабочих ХПЗ, достаточно удачно, простым и в то же время красоч-

им языком излагает интересные факты из истории ХПЗ и революционного движения рабочих. Ряд исторических документов автор удачно вмонтировал в общее описание событий того времени и так их подал, что читатель, с интересом следя за нарастанием революционных событий на заводе, понимает настоящую суть этих документов, классовое содержание всех писем, приказов, обращений хозяев к рабочим. Автор правильно раскрывает суть событий, умело передавая условия работы и быта рабочих, особенно подчеркивая эксплуататорскую роль хозяев и всей системы капиталистической эксплуатации.

Небольшие разделы Муратова и Иванова из Истории Бирьковского Тракторного завода написаны неплохо, и с небольшими поправками, каких они требуют, их можно признать, как главы, которые показывают, что авторы нашли еще не совсем, то начало пути создания истории заводов. Необходимо также отметить, как положительные главы, написанные т. Радченко по истории Горловских шахт.

Собственно этим можно и закончить рассмотрение рукописей, поскольку остальные почти повторяют общие недостатки. Необходимо только отметить один чрезвычайно важный отрицательный момент, относящийся к многим работам истории заводов, это то, что авторы иногда рассказывают о жизни предприятия, его истории, как-то со стороны, они рассказывают, как все было, а не показывают событий, не рассказывают их изнутри, не раскрывают иногда чрезвычайно важных исторических фактов.

Так, автор истории Сталинского (б. Юзовского) завода Гонимов во многих местах поверхностно подошел к изучению и показу жизни рабочих в прошлом, он, например, совершенно умалчивает о таких фактах, как: гибель в 1891 г. во время катастрофы 52-х рабочих шахты, принадлежавшей заводу; это событие вызвало большое возмущение и волнение среди рабочих завода. Далее, в 1892 году на заводе был холерный бунт (во время холеры в Юзовке умерло более 800 чел.), после подавления бунта было высечено 100 человек, выслано в арестантские роты 300 чел., сожжено на каторгу 16 чел., повешено 3 чел. О всех этих фактах записано в летописи Преображенской церкви, а автор истории завода т. Гонимов о них не пишет. Он ограничивается лишь указанием, что был холерный бунт, и что погибли три дня подряд, а цифр автор почему-то боится. Также автор не подает и таких чрезвычайно ярких фактов, как то, что каждый юзовский рабочий выпивал в среднем 58 бутылок водки на год, а с пивом больше 6 ведер; что кабатчики открывали кредит рабочему до 150—200 руб. В 1884 г. в Юзовке на 458 душ населения был один кабак и на

780 душ — 1 учитель (из материалов земского обследования).

Можно ли допускать, чтобы подобные факты остались вне внимания историка, который должен рассказать всю правду о жизни рабочих капиталистических предприятий? Безусловно нет. И автор, делающий такую ошибку, отходит от выполнения требований, поставленных перед ним".

★★★

Работу над созданием „Истории заводов“ часто недооценивают, забывая о колоссальной роли, какую она должна сыграть в воспитании миллионных масс трудящихся (и особенно молодого поколения). Историю заводов необходимо будет широко использовать в работе учебных заведений, библиотек, клубов, массовых партийных, профессиональных кружков, в прессе, в радиопередаче и т. д.

Хорошим указанием для всех авторов по созданию „Истории заводов“ служит майское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросу „О преподавании гражданской истории в школах СССР“. В этом постановлении говорится:

„Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлекающий, схематический характер. Вместо преподавания **гражданской истории** в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащиеся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории“.

Точно также на конкретных, ярко изложенных страницах истории заводов, фактах прошлой революционной

борьбы рабочих, под руководством большевистской партии—нужно научить молодежь правильно оценивать нашу победную поступь вперед и вооружить опытом прошлой борьбы с различными оппортунистическими группами, теориями и теориями, для успешного окончания построения бесклассового социалистического общества.

Фашисты Германии, Польши, Италии используют историю (соответственно ее подтасовывая) для воспитания в детях зоологического национализма, бешеного патриотизма. Фашисты уже, даже не прикрываясь демократией, четко сформулировали свое представление об истории и историческом образовании, как об орудии контрреволюции. Они ставят своей задачей—отбросив научные исследования прошлого, заменить его только оценкой и подбором фактов для обоснования своего господства.

Принципиально-противоположным есть наше отношение к историческим наукам, к историческому образованию. Нашей основной задачей есть: на историческом материале, разрабатываемом и освещаемом в свете учения Маркса-Ленина-Сталина, воспитать молодежь и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма, в духе солидарности интересов трудящихся всех стран, доказывая на конкретных исторических фактах, как эксплуататорские классы на протяжении всей истории выступали против объединения эксплуатируемых наций, насаждая среди них национальную вражду, подавляя классовую сознательность и тем облегчая себе возможность еще сильнее эксплуатировать угнетенных.

Наша марксистская история (и в частности „история заводов“) должна правдиво раскрыть всю диалектику социального развития и классовой борьбы, всю механику эксплуатации трудящихся масс, противопоставляя всем этим историческим фактам нашу современную действительность, историю борьбы за сохранение завоеваний Октябрьской революции и борьбы за успешное социалистическое строительство.

Чрезвычайно большое значение для всех историков и особенно историков „истории заводов“ имеет указание тов. Сталина на абстрактность и схематичность многих исторических работ и его требование применить метод марксизма и ленинизма к изучению конкретного исторического материала. Историю делали живые люди; классовая борьба и вся история революции—дело живых групп и лиц, реально действовавших и действующих во времени и пространстве. Допускать же схематизм истории, как предупредил историков тов. Сталин, это значит отрицать историзм; марксистская история требует конкретности, учета всех своеобразностей каждой данной исторической эпохи. Это подчеркивал и Ленин, отмечая такие слова Гегеля:

„Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что, только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и естественно возможно судить о ней“ (Ленинск. сборник № 12, стр. 151).

Эти указания должны сделаться для авторов „истории заводов“ обязательным условием их работы. Каждая работа по „истории заводов“, не соответствующая этим условиям, безусловно не сможет быть принята пролетарской общественностью. Историков никак нельзя освободить от работы над „историей заводов“; нужно усилить их участие в деле создания „истории заводов“, используя весь их опыт и знание для научно-исследовательской работы над историческими документами и над воспоминаниями рабочих.

Только объединенная работа литераторов и историков, старых подпольщиков, кадровиков рабочих обеспечит нам создание подлинно большевистской, научно-художественной „истории заводов“, которой надлежит сыграть чрезвычайно великую роль как сейчас, в эпоху построения бесклассового социалистического общества, так и в будущем коммунистическом обществе, люди которого по этим материалам будут изучать предыдущую и современную великую эпоху невиданной в истории человечества борьбы за полную победу над эксплуататорами, за коренную перестройку классового общества на общество социалистическое, коммунистическое.

ЗАВОДЫ ДО ОКТЯБРЯ

РОЖДЕНИЕ ЗАВОДА

I.

Трудное время переживало Брянское общество. Завод в Брянске не имел основного производства и все время переходил от одного рода изделий к другому. Здесь изготавливали не только рельсы и мосты, но и вагоны, цистерны, платформы, пароходы, шаланды, землечерпалки, доки, переносные пути для артиллерийского ведомства, повозки интендантского обоза, переносные кузницы, осадные лафеты для артиллерии, изготавливались также стрелки, переводы, машины и аппараты для сахарных заводов, бандажи, газовые дымогарные трубы, элеваторы для железных дорог.

И даже такое разнообразие производства едва давало возможность удерживать завод на прежнем уровне. Малое количество строящихся дорог и общий застой промышленности давали низкий спрос на рельсы и принадлежности для железных дорог.

С другой стороны, закон о таможенной пошлине на провозимый чугун крепко ударял по карману брянских капиталистов.

Дорогостоящий чугун привозился из Европы через ближайший северный порт—Ригу, который в зимнее время закрывался льдом, и подвоз прекращался. А поэтому приходилось делать запасы по 2 миллиона пудов чугуна ежегодно, что составляло полугодичную потребность завода и стоило 600 тысяч рублей золотом. Это обоблаченное в чушки чугуна золото не приносило капиталистам долгие месяцы «священной» прибыли; хозяева теряли проценты на затраченный капитал и эти затраты лежали тяжелым грузом на обороте.

Это обстоятельство особенно давало себя чувствовать среднему заводу, в числе которых был и Брянский завод.

Среди горнозаводчиков в свою очередь возросло движение против заграничного ввоза. Еще 5-й съезд горнозаводчиков Юга России в 1880 г. выступает с ходатайством перед правительством о поднятии таможенных пошлин на ввозимый чугун из заграницы в Россию до 15 коп. золотом

за один пуд. И дальше последующие с'езды—6-й, 7-й, 8-й также выдвигают повторные ходатайства опять-таки о повышении пошлин. И правительство начинает оберегать отечественную промышленность, как угольную, так и металлургическую, которые, по определению тов. Сталина, „явились на Украине не снизу, не порядком естественного развития народного хозяйства, а сверху, порядком привнесения, частичного насаждения извне...“.

Покровительственные пошлины на ввозимый чугун неустанно растут подымаясь до 15 коп. в 1886 году и до 30 коп. за пуд в 1887 году.

Это обстоятельство заставляет брянских капиталистов основательно волноваться. Зарождается мысль итти на Юг России, или, как выразился председатель правления Брянского Общества Чацкий на с'езде железозаводчиков, „рискнуть итти на Юг“. Чацкий первый понял такую необходимость и ему вскоре удалось убедить членов правления в „капитальной важности“ настоящего предприятия.

— Мы, — говорил он, — теперь стоим уже накануне того, чтобы в близком будущем не нуждаться в заграничном чугуне.

В 1884 г. общее собрание акционеров выносит решение о постройке металлургического завода на Юге.

Запасы должны иссякнуть в 1889 году. К этому времени все прокатные заводские устройства должны быть по плану перенесены на Южный металлургический завод.

Согласно решению этот завод должен находиться вблизи богатых залежей руды и угля, с тем, чтобы можно было целиком перейти на собственный чугун.

Брянские капиталисты изо всех сил тянутся к тому, чтобы совершенно освободиться от заграничного ввоза чугуна. 30 коп. за пуд привозного чугуна на руку только горнозаводчикам и нисколько не помогает передельному производству. Все протесты представителей передельной промышленности на с'ездах железозаводчиков оканчиваются неудачей. Правительство на стороне первых, — это и ускоряет приход на Юг брянских акционеров.

В продвижении на Юг многие из промышленников видели шаг вперед, „к расцвету“ отечественной промышленности“. При случае упоминали более предприимчивого конкурента из иностранцев. Например, Воронцов высказал такую мысль: „Я полагаю, что первым пионером русского горного дела на Юге России следует считать не Юза, получившего неимоверную субсидию в 8 миллионов рублей, а тех лиц, которые, направляясь на Юг, должны затратить на начало этого дела по крайней мере 3 миллиона рублей“.

Спешно на Украину высылаются гонцы-агенты. Их за-

ача — в интересах доверителей" найти подходящее место для завода. Нужно было найти место, близкое к руде и углю, тем, однако, условием, чтобы была сохранена прямая связь с Бежицким заводом в г. Брянске. Для этого необходимо был водный путь. Таким путем являлся Днепр, счастливо связанный с речкой Десной.

Судоходный Днепр безусловно разрешал проблему пересылки металлических изделий и оборудования к месту вновь строящегося завода, обеспечивал наиболее выгодную отправку продукции и, самое главное, доставку чугуна на старый Бежицкий завод. Вскоре место было найдено на правом берегу Днепра города Екатеринослава, а соседство большой реки обеспечивало предприятие неограниченным бесперебойным водоснабжением.

Один участок земли, который был выбран под завод, принадлежал Французскому анонимному Об-ву Криворожских железных руд. Брянское общество купило его в количестве 47 десят. 388 кв. саж. по купчей крепости от 23 сентября 1885 года.

Покупка земли у анонимного Об-ва оказалась делом не простым. Совершенно иначе обстояло с другим участком расположенным по другую сторону железной дороги в количестве 121 дес. 1.600 кв. саж., который принадлежал Екатеринославской Городской Думе. Впервые вопрос о продаже этого участка встал в Городской Думе 29 июля 1885 года, когда зачитывалось заявление председателя правления Макинина, действовавшего по доверенности правления Об-ва. Большинство членов Думы к этому заявлению отнеслось с недоброжелательством. Они предусматривали в лице завода крупного конкурента, могущего заглушить их интересы своей коммерческой деятельностью. Долго пришлось Макинину разъяснять „благие“ намерения и цели, с какими они — русские капиталисты — пришли сюда.

Большая группа членов Думы предвидела, что завод несет с собою „быстрый рост населения, оживление торговли, повышение ценности недвижимых имуществ, развитие промыслов, обилие могущих открыться заработков, новые источники дохода для города“.

По мнению этой группы, завод являлся „существенным приобретением, выпавшим на долю Екатеринослава, тем более, что эта земля дает дохода всего 3—4 рубля с десятины“. Но противники доказывали другое. По их мнению: „Город не должен продавать свои земли и во всяком случае с этим делом не следует торопиться, потому, что сомневаемся явится много охотников на эти участки, так как Екатеринослав более или менее центральное место для чугунно-литейных заводов“. Эти хотели побольше со-
вдать...

Особенно противились торговцы, интересы которых расходились с большинством членов Думы. Гласный Вакушев так отвечал торговцам:

— Я не слышал ни одного мнения от неторговцев в пользу стеснения завода относительно земли, но более всего упрекали Думу, что она в этом вопросе придерживается не общих для всего населения интересов, а опасается лишь какой-то конкуренции.

Тогда встает гласный Коломеев и протестующе заявляет: „По моему мнению Брянскому заводу не следует отдавать ни одного клочка городской земли“.

— Бояться нечего — возразил ему Залюбовский — пусть строят, а мы будем облагать их сборами.

Наиболее „проницательные“ противники продажи земли завода пустились даже в рассуждения о том, что, дескать, „скажут наши наследники о нас, людях, которые попусту растратили им принадлежащую землю“.

Голосовали закрытой подачей голосов шарами и 38-ю голосами против 5-ти Дума постановила продать Обществу Брянского завода 120 десятин земли по 200 рублей за десятину.

В купчей было сказано:

„Отчуждаемая Обществу Брянского рельсопрокатного завода земля в количестве более или менее, но около 120 десятин, предназначенная для устройства и расширения всякой заводской и фабричной и связанной с ними художественной деятельности О-ва, обязанного строить в г. Екатеринославе доменное производство, а равно предполагающее создавать заводы, подобные существующим близь города Брянска Орловской губ. и всякие иные фабричные и заводские предприятия“.

Купчий акт принимается Думой по каждому отдельному пункту. По прочтении 11 пункта гласный Нестель взволнованно спросил:

„Так как при устройстве завода потребуются усиление пожарной команды, состава полиции, прибавление одного мирового судьи, то получаемого с завода налога будет ли достаточно на покрытие всех этих расходов?“

Присутствовавший по приглашению Думы инженер Чацкий успокоил Нестеля. Он обещал завести свой штат полиции, одетый по форме. Что же касается пожарной команды, то по окончании обсуждения пунктов проекта Чацкий поднялся со своего места и с согласия городского головы торжественно изрек:

„Желая вступить добрым гражданином в число жителей города Екатеринослава и чем-нибудь выразить это желание предлагаю Думе принять от меня такого размера и достоинства пожарную кишку, какой г. Екатеринослав до настоящего времени еще не имеет“.

Гласные Думы выразили инженеру Чацкину живейшую благодарность.

II.

Вокруг Екатеринослава в 1885 году лежали огромные, мало заселенные земли, уходящие вширь на десятки верст. Город насчитывал тогда около 60.000 человек жителей, разбросанных в различных районах. Дикie степные ковыли и на несколько верст простирающиеся кривые овраги были единственной достопримечательностью города и его окрестностей, если не считать непролазную грязь пустых незамощенных улиц.

То место, на котором был построен Брянский завод, представляло из себя в ту пору пустырь, ограниченный с одной стороны линией Екатерининской железной дороги, с другой стороны крутым берегом Днепра. На запад вдоль этого места тянулся огромный овраг, отделяющий село Новое Кайдаки от завода. На востоке, где сейчас стоят рельсобалочный и железопрокатные цеха, были каменоломни, впоследствии засыпанные при планировке завода.

В ноябре 1885 года началась постройка чугуно-плавильного завода. На участке появились инженеры и приступили к планированию местности. Как из-под земли выросли жиро-голоты-подрядчики: Копылов, Морозов, Бакшевский.

По соседству с заводским участком подрядчик Копылов имел свой кирпичный заводик, чем был особенно полезен вновь строящемуся заводу. От себя уже Копылов имел наемку других подрядчиков — Абрамовича, Лузакова, Вильева.

На огромном участке земли развернулись подготовительные работы. Сплошь покрыли пустырь согнутые спины рабочих, среди которых маячили белые кителя и фуражки инженеров-строителей. Работа подвигалась быстро. Земля была разбита на 3 горизонта. На средний должны стать доменные печи, выше — эстокады, а внизу, у подножья домен, под'ездные пути и другие сооружения.

До этого времени на Украине работали только две доменных печи. Чугун был дорог, и брянским хозяевам ничего не оставалось делать, как торопить работу по постройке завода. Хозяева напирали на строительство. Для этой цели отпускается 300.000 рублей. Летят в Брянск рапорта, а оттуда повеления.

Первыми вступили в работу небольшая ремонтно-механическая мастерская с кузницей и мастерская огнеупорных изделий. Прimitивные обжигательные печи первыми опустили слои копоты на вздыбленную строительством землю.

Еще недавно пустынный участок земли внезапно преобразился, сотни кубометров земли были перемещены из

289

одного места в другое, засыпались выбоины и провалы. Срезали под нивелиры сотни лет дремавшие бугры.

К февралю 1886 года были готовы фундаменты для двух доменных печей и воздухонагревательных аппаратов, брошены на средний горизонт в основание камни и заложены доменные печи шотландской конструкции, чертежи которых были спроектированы в подражание французскому заводу, построенному в 1884 году.

Ярому представителю молодой промышленной буржуазии инженеру-технологу Алексею Михайловичу Горяинову было поручено строительство чугуно-плавильного завода. Хозяева высоко ценили своего, довольно таки талантливого, инженера. Выбор на него пал не случайно. Он отвечал всем их замыслам и желаниям. Хозяева были заинтересованы найти для этой роли такого человека, который бы знал все достижения в области техники не только в России, но и в странах Западной Европы.

Горяинов и являлся такой фигурой. После окончания института в 1881 г., он совершенствовал свои знания несколько лет на лучших заводах Франции и Бельгии, был хорошо знаком с металлургическим производством за границей. Сам в течение 7-ми лет работал инженером конструктором. Это обстоятельство и послужило причиной приглашения главным строителем и директором новостроящегося завода. Для молодого инженера это было лестно. Его ставили в пример другим, из него делали „национальную гордость“. С ним считались и ему доверяли.

Металлические части и оборудование для вновь строящегося завода выполнял старший брат—завод в Бежице.

В половодье, когда реки выходили далеко за берега, набарках и плотях переправлялись тяжелые части доменных печей в 500 и больше пудов весом. Часто в те времена можно было слышать, как из подводимых плотов раздавались голоса сплавщиков:

— Бросай якоря быстро!

Орловцы и гомельцы лучше других справлялись с этой работой.

Тяжелые конструкции погружали на сани, в которые впрягали по 15—20 пар волов. Длинным поездом тянулись по песчаной россыпи к месту работы люди, лошади, волы.

Было тяжело. Одна помощь всему—запевалы. Становилось легче когда под команду скрипучего голоса падало заученное:

— Раз два — коликом!

— Раз два — ломиком!

— Еще нужно, взяться дружно!

А железные части поменьше рабочие переносили к месту работы на плечах, надрываясь под тяжестью груза. Люди

50—60 коп. с утра до 7 часов вечера проделывали не-
человечески много работы. Дисциплина была суровая.
Трафовали за каждую мелочь. Подзатыльники получили
в строительстве самое широкое применение. Праздников
почти не было. За воскресный день получали, как за буд-
ничный. Скажет кто-нибудь об этом десятнику—„вон!“; не
глядя на начальство—„вон!“

„Вон!“ носилось по широкому плацдарму завода, наго-
ля страх и покорность.

Зато дома, в бараках, где было больше сырости, чем
на работе, допускались пьяные развлечения. Но при этом всегда
существовал непереманный блюститель порядка—городовой,
поддерживаемый на средства хозяев.

От него многое зависело.

Он наказывал и поощрял. Часто городской „бил зорю“
тех, кто после кулачных развлечений не мог по гудку
уходить. В таких случаях он подходил к спящему и нос-
ком сапога призывал к „священному“ труду.

Случалось и праздновали: выпадал день „Христов“ или
„Миколки“... Тогда, бывало, расходилась залихватская
шайла. Кулачные бои были первым делом: туляки шли на
шоляков, черниговцы на курских. Горой стояли за мордобой-
ную честь.

Затевались бои часто.

Со стороны подзадоривали „патриоты“:—Наливай до от-
ва! И кто посильней и ловчей—наливали. А часто дра-
лись „любя“, как говорили тогда. Это было особого рода
шашечное. Засучат рукава и пойдут потрошить бока, зло, с
сервенением; силы—не занимать. Каждый ловкий удар
вызывал у зрителей взрыв хохота и одобрения. Для мно-
гих это кончалось уродством.

Администрация, люди чинами повыше приходили погла-
зеть на „забавы народа“. Какое им дело до того, что народ,
терпевший, сворачивает себе челюсти, теряет зубы, сбивает
носы.

— Каждый развлекается по своему разумению,—весело
говорили они, расходясь по домам.

Пьянка шла половодьем. С первым ударом лопаты на
строительстве рождались кабаки. Как западни они ловили
битого рабочего. Кабаков было много. Они находились
везде: в степи, на дороге, как добрые друзья жили рядом
с бараком. Едва рабочий получал получку он сейчас же
шел в кабак. Там пропивал деньги, рубаху и глянцева са-
поги, гармошку. И вновь неприглядно тянулись полные
лишений и бедствий дни.

III.

Многим рабочим режим на строительстве был не под-
ходящим. И не получив расчета они бежали с работы. Редко

кто удерживался несколько месяцев. Текучесть была чудовищно велика. В течение года на завод принималось количество рабочих равное числу работающих.

Такая текучесть заставляла администрацию прибегать к различным способам обеспечения завода рабочей силой.

Хозяева вынуждены были рассылать специальных вербовщиков, которые слонялись по захудалым селам и деревням Смоленщины, Гомельщины и другим губерниям, отбирая подходящий „народец“ для работы на стройке.

А таким „народцем“ были безземельные и безлошадные крестьяне.

Администрации нужен был рабочий, который оседал бы на заводе. Таких и разыскивали вербовщики. Таких они улавливали кабальным договором на „честное“ слово.

Обещалось многое: бесплатный проезд по дороге, хорошие харчи, хорошее жилье с отдельной койкой. Но это были только слова. Ничего подобного по приезду рабочие не имели.

За проезд и харчи заботливая администрация аккуратно выворачивала из жалованья. Рабочему едва оставалось 25—30 коп. от дневного заработка. Обманутый ничего не мог предпринять, так как все время работы на заводе он должен был хозяевам. Бежать домой тоже было трудно вследствие огромного расстояния, которое его отделяло от семьи и дома, и это требовало немалой суммы денег. Так и оставался рабочий владеть нищенское существование.

Не брезгали и таким методом вербовки рабочей силы: работающие уже на заводе туляки, смоляки, нижегородцы, черниговцы под диктовку подрядчиков писали своим в родину: „эй, сват, брат, кум; кати сюда — благодать!“

И народ, получая письма от своих поселчан, верил и ехал. Бросали на жену и недорослых детей худое хозяйство и „костыляли“ навстречу „счастью“.

Ехали по одному, ехали толпами. А приехав рассыпались по окрестностям, набивались до отказа по баракам, падали на общие, притрушенные соломой вары и выращивали артельной силой дородную русскую вошь.

Эти вертепы мордобоя и эксплуатации, бесправия и грязи давали ватаге подрядчиков богатую наживу. Ради „легкого рубля“ подрядчики обставляли барак водкой, кулачками и артельными куховарками.

Из-за них зачастую артельные ребята избивали друг друга в кровь, у них оставляли весь свой заработок до единой копейки.

Вспоминая прошлое, один из стариков — ветеран завода Акользин так его определяет:

— Тогда мы были молоды, а вот молодости не было. Вся работа по сооружению завода шла вручную. Под'ем

железных конструкций на доменные печи производился небедками. Тяжелая 13-тичасовая работа валила с ног. В эти 3 часа работы рабочий отдавал всю свою силу.

Год и три месяца бешеной работы подводили постройку домен к концу. Печи поставленные инж. Горяновым, представляли собой последнее слово технического усовершенствования. Таких печей в России не было. При печах были построены нагревательные аппараты системы Каупера с мощными для того времени воздухоудными машинами и с группой специальных котлов, отапливаемых отходящим доменным газом.

Обе печи имели высоту 16,75 мт. с диаметром колошника в 3.476 мм., с диаметром распара в 5.200 мм. и с диаметром горна вверху 2.400 мм. и внизу 1.750 мм. Печи имели металлические кожухи с внутренней кладкой из цельных огнеупорных кирпичей во всю ширину стенок.

К этому времени на берегу Днепра была построена водокачка.

Близость Днепра давала возможность горн, окруженный металлической броней, непрерывно охлаждать водой. Наретый воздух в печь подводился пятью фурмами с диаметром сопла 90 мм.

Это были небольшие печи с производительностью 4.000 пудов чугуна в сутки, с общим пневматическим подъемником, рассчитаным на службу двух печей. На колотниковом остике лежали рельсы, по которым четырьмя рабочими подгонялись вагончики в две тонны весом к месту загрузки.

10 мая 1887 года работы по сооружению доменной печи № 1 были закончены. На водке, на лавках-грабилках, на изнурительном 13-тичасовом рабочем дне была пущена первая доменная печь.

Пуск печи совпал со вторым днем празднования столетнего юбилея города Екатеринослава, основанного в 1787 году, поэтому был особо торжественным.

К двум часам полудня специальный поезд из вагонов первого и второго классов доставил на завод Брянского О-ва избранную, разодетую публику. В числе гостей присутствовала почти в полном составе Городская Дума. Пришло много инженеров и чиновников.

На торжество пришло несколько тысяч человек.

В три часа дня председатель правления инженер Чацкий потным от полноты чувств лицом „имел радость“ в особом построенном павильоне, продекламировать содержание телеграммы, полученной от министра государственных имуществ: по просьбе Правления Брянского О-ва государь император дозволил разрешить Екатеринославский завод называть Александровским Южно-Русским“.

Приведенные на всякий случай 500 солдат прокричали „ура“!..

Преосвященный архиерей Серафимон Екатеринославский Таганрогский и прочая приступил в сослужении с другим „подобиями“ к молебну. Как полагается в таких случаях преосвященный разразился приличной его сану речью, указав на необычайность сооружений. Затем его преосвященство с достаточным количеством „священной“ воды направил свои стопы к сооружениям завода.

Для вящего эффекта преосвященному Серафиму было подан огненный факел, которым он, ознаменовав себя крестом, поджег дрова в печи.

Зрелище завершилось угощением.

Для знати города был сервирован в специально устроенном павильоне обед на 270 особ. Первый тост был предложен выпить за здоровье царя-батюшки. Затем гости подымали тосты и пили за здоровье присутствующих, слюнявив друг друга поздравлениями.

Что же касается рабочих, то для них были устроены столы на лоне природы с обильной могорычевой выпивкой. Пили в этот день здорово, до пожара в глазах и до одури в голове.

Дружно трубили два оркестра музыки.

Подвозились новые заряды водки. Уже знать уехала из города и павильон опустел, а „земляки“ все еще показывали друг другу уменье выпить.

Это могло продолжаться далеко за полночь, и администрация решила прекратить гульбище. Оркестру было приказано идти за ворота завода и там продолжать игру. В гике и гуле выходила масса из завода, подымая безбрежное море суглиняковой пыли.

IV.

С пуском доменной печи № 1 завод начал развиваться. В сентябре 1887 года была построена небольшая чугунолитейная мастерская, приспособленная для отливок изделий прямо из доменного чугуна.

С весны этого года было приступлено к постройке сталелитейных мастерских Бессемера, Сименса-Мартена и начаты работы по сооружению рельсовой и листопрокатной мастерской. А в конце года заложена железоделательная мастерская с 32-мя пудлинговыми печами и прокатным отделением для прокатки универсального широкополосового и сортового железа.

Производительность строящихся мастерских была рассчитана на обеспечение спроса, который предъявлялся различными казенными ведомствами и местным рынком. Выпуск

ессемеровской стали должен был равняться 4—4½ млн. пудов в год, мартеновской стали 250.000 пудов, рельс 5—4 млн. пудов и железоделательная мастерская рассчитывалась на производство 1½ млн. пудов пудлингового железа.

Все металлические части зданий, а равно машины и котлы попрежнему изготовлялись на Брянском заводе при г. Бежица.

22 мая 1888 года был сделан первый выпуск чугуна из первой доменной печи. В октябре приступлено к выделке железа на 8-ми пудлинговых печах и начата прокатка на мелкосортных и среднесортных станах. Построена отдельная станция с медницкой мастерской при двух Оливеровских станах для выделки болтов и заклепок, увеличены чугунолитейная и механическая мастерские.

К концу 1888 года многие цеха и мастерские заканчиваются и приступают к выпуску продукции.

Стоимость первых двух доменных печей выражалась в 10.000 руб. серебром.

Не желая подвергаться случайностям в снабжении завода рудой, Правление Брянского О-ва арендует 2 рудных месторождения: 1-е у помещика Харченко за полкопейки с пуда добытой руды.

Имение это находилось в Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда, Весело-Тарновской волости при деревне Божедаровке.

Второе — у адмирала Кореницкого за полкопейки платы пуда добытой руды.

Большое количество руды было приобретено у Кривошского О-ва железных руд. Закуплено значительное количество угля и кокса у фирм П. Максимова, Алексеевского, Черно-промышленного О-ва, Голубовского товарищества, общества Южно-Русской каменноугольной промышленности. Частных фирм и лиц было закуплено необходимое количество флюсов и огнеупорной глины.

Приобретение собственных месторождений руд и закупка огромного количества флюсов, кокса, угля, марганца, глины возбуждают брянских капиталистов от тех случайностей в отношении к ценам, которым подвергались рудные копи Кривошья и угольные месторождения Донбасса.

В начале 90-х гг. предприятие представляло собою законченный тип большого железоделательного завода, стоящего на одном уровне по конструкции печи с доменными заводами Западной Европы, хотя доменные печи Англии в то время уже достигали суточной производительности чугуна в 22.000 пуд. в сутки. К 90-м годам заканчиваются в основном все главные сооружения завода. 17 апреля 1890 г. закладываются 3-я и 4-я доменные печи с нагревательными

289

аппаратами системы Вивеля. В рельсовой мастерской устанавливается блюминг (обжим) с отдельной паровой реверсивной машиной, с нагревательными печами системы Бишера. Устанавливаются 8 озовых котлов системы инж. Шухова.

В 1890 г. завод выплавляет чугуна 3.165.844 пуда вместо 316.000 пудов в 1887 году. Совершенно заканчивается постройка мостового отделения. Принимаются первые заказы на мосты. Завод изготавливает различные сорта железа, отливая в 1891 г. от 8 до 24 дюймов канализационные трубы. Принимает подряд на поставку труб в 24 дюйма для строящегося тогда Московского водопровода.

Обществу Брянских заводов сдается подряд на поставку всех металлических частей для строящегося в Николаеве Адмиралтейством самого большого броненосца Черноморского флота.

Дела общества с пуском Александровского завода быстро улучшаются. Теперь общество не закупает чугуна за границей, все работы ведутся на собственном чугуна. Выплавляемый чугун отправляется заводом в Бежицу, но вскоре он переходит на самостоятельную переделку чугуна в сталь и железо.

Александровский завод на фоне других заводов, Юзовского и Пастуховского, выгодно выделялся своей новизной и производственной мощностью. До пуска Александровского Южно-Русского завода на Юге России работали всего 2 доменные печи, выплавившие до введения таможенной пошлины в 1885 году 2,87 млн. пудов чугуна.

Но эта новизна была далеко не совершенной. Технологические и трудовые процессы велись почти варварскими способами. Работа на колошнике и у горна доменных печей производилась ручным способом, несовершенными инструментами, требовавшими от рабочего большой ловкости и огромной физической силы. Материалы, попадая в воронку доменной печи, ложились в ней неравномерно по кусковатости. Приходилось досками планировать материал по окружности воронки. Рабочие работали в окружении газа, захлебываясь в собственном поту. Шахта печи перекрывалась одним конусом, поэтому при опускании материала изнутри печи вырывались смертоносные газы.

Рабочие отбегали от него, как от смерти, в будку, устроенную там же на колошнике. Но ядовитый газ доставал их и там, он врвался в их легкие и люди падали на площадке.

Старые владельцы завода смотрели на рабочих, как на живые машины, приносящие им барыши. Нужды рабочих не привлекали их внимания; рабочих можно найти, они стояли у ворот — ожидая приема. Если кого убивало или калечило — хозяев это совершенно не волновало. Их судили, а если судили, то все равно виноватым оставался

рабочий. Жандармский суд царской России почти всегда признавал, что несчастный случай произошел по вине самого рабочего.

Завод всегда был в грязи, отличаясь необычайной засоренностью. Работа в цехах со скученными агрегатами, при высокой температуре и отсутствии какой бы то ни было вентиляции, была неимоверно тяжелой.

Не было такого дня, чтобы у доменных печей рабочие не отравлялись. То и дело приходилось заменять их новыми. Но и новых постигала та же участь. В головах не переставали стучать молотки отравления.

Списочное количество рабочих на 1-е января 1887 года составляло 1.154 чел. Женщин в списках рабочих не числилось. По национальности они составляли: украинцев 532 чел., русских — 1.197, поляков 38 чел., евреев — 7 чел. и прочих национальностей — 13 чел.

Рабочие в большинстве своем приехали, прибывшие сюда из Орловской, Калужской, Тульской, Смоленской, Тверской, Витебской, Нижегородской и друг. российских губерний.

Все они, гонимые голодом и нуждой, поработав на заводе, убегали. Из 2.271 принятых в 1888 году рабочих убегают назад 1.705, а в 1889 г. из 2.106 принятых рабочих убегают 2.184 — больше, чем было принято. Рабочий брал свою котомку и уходил так же скоро и легко, как и приходил на завод.

Месячный заработок в 90-х годах всех рабочих на заводе составлял около 100.000 рублей. Средний заработок одного рабочего в день равнялся 1 р. 26 коп. Чернорабочие получали в летнее время 70 коп., в зимнее 80 коп. Расчет с рабочими производился один раз в месяц.

Заводом заведывали два директора — горные инженера Горяинов и Кошницкий. Кроме них на заводе числились горных инженеров 5, инж.-технологов — 9, ученых мастеров 3 и мастеров-практикантов 15 человек.

Разные писаки сюсюкали во всю репортерскую мощь о необычайности сооружения. Все инженеры и ученые профессора считали своим долгом посетить Александровский завод и после, в красочных красках, описать столь редкие в их практике сооружения.

Но больше всего восхищались тем, что все изготовлено русскими инженерами и рабочими.

Но в самый момент пуска печи эта удача несколько ослабла. Вместо — „мы, русские, докажем“ — главный строитель А. М. Горяинов докладывал правлению о необходимости приглашения на завод двух мастеров-доменщиков из Франции. Горяинов это мотивировал тем, что в России нет опытных мастеров-доменщиков, хорошо знакомых с плавкой чугуна на минеральном топливе.

Правление одобрило мероприятие Горяинова — и вот, через некоторое время „все русское“ увидело французов, а будущие русские мастера, Новиков и Акользин, сделались первыми учениками и почти рассыльными не весьма ученых мастеров.

Один из учеников, Новиков, был доверенным лицом Горяинова. На заводе он больше занимался молебнами, свечами и паникадилами, готовил площадки для молебствий, иначе говоря, был в роли конференсье священных концертов, которыми нередко администрация угощала рабочих.

Французы очень скоро научились по-русски ругаться, но были ли они хорошими специалистами — на этот вопрос старожилы завода ответить затрудняются. Твердо известно одно, что целый ряд лет чугуна был очень плохого качества. Браком чугуна был завален весь склад, там его лежало несколько миллионов пудов.

Вначале приехало только два француза, затем еще несколько человек. А в 90-х годах уже почти все начальство состояло из французов.

К русским специалистам-техникам хозяева стали относиться весьма сдержанно, в то время как с французами они заметно няньчились и в восторге перед всем иностранным хозяева почти не интересовались практическими знаниями французских специалистов.

Дело дошло до того, что мастером оказался француз, который много лет работал в цирке и совсем немного у домен. Профессия акробата так над ним тяготела, что он иногда становился объектом насмешек со стороны рабочих. Часто у доменной печи он сбрасывал верхнюю одежду и показывал русским рабочим, под дружный хохот, свои незамысловатые цирковые номера — вроде хождения на руках или стояния на голове, прыжки через голову.

Он откровенно заявлял: „Поехал в Россию лишь потому, что рюс хороший хозяин, рюс многа платит“.

От французов у старожиллов завода осталось одно очень памятным: плевки в лицо, пинки в затылок, в зубы, безобразная полурусская, полуфранцузская ругань. Все это было обычным явлением.

V.

Начальником доменного цеха был француз Модест Пьерон, довольно еще моложавый, крепкий человек, в возрасте около 55-ти лет. По натуре был очень скрытный и скупой. К 90-м годам он уже прилично знал русский язык, но об этом почти никто не подозревал, так как он нигде им не пользовался.

Вино было ему лучшим помощником. В заводской ко-

нонии для служащих, где он жил, у него был специальный винный погреб, к которому Пьерон относился с трогательной заботливостью.

На содержание он не обижался—он очень исправно получал не только жалованье, но и приличную премию. Пьерона сорта вин больше интересовали, чем сорта чугуна, в них он больше понимал и разбирался, хотя нельзя было ему отказать и в том, что ему кое-что было известно из области химии; все анализы руд и чугунов приносились ему. Читал он их или нет—неизвестно; факт тот, что качество чугуна оставалось попрежнему плохое. Доменные печи иногда по целым месяцам выпускали брак. Пьерон объяснял это исключительно недоброкачеством руды, и ему верили.

На службе при доменном цехе числился его сын—„Пьерон младший“, как его называли в цехе. Служба его заключалась в неопределенных функциях и обязанностях. Он редко бывал на заводе, а больше в разъездах по делам. Отцу о делах его приходилось узнавать уже тогда, когда, прогуляв деньги с проститутками, он умолял его заплатить долги, которые он сделал при разъездах в Москве или Петербурге „по делам завода“. Отличался он еще тем, что на заводе с палкой в руках гонялся за рабочими и избивал их.

О русских инженерах он отзывался не иначе, как в такой форме:

— Русский инженер будет умен тогда, когда у меня на затылке вырастут волосы.

Пьерон имел у себя двух помощников. Первый был поляк Козловский. От ничегонеделанья у него болела спина, и он всегда жаловался на боль в спине. По обыкновению он сидел в кабинете и читал газету. Ведал анализами и отправлениями. Был зол, как собака, его все сторонились и боялись.

Второй помощник был барон Шеллинг. У этого барона была служба гораздо интересней, чем у других специалистов. В его обязанности входило отсиживать наказание при всех несчастных случаях, если суд считал виновным администрацию. Но так как суд это делал редко, то ему приходилось подолгу ждать. Но когда нужно было „сидеть“, он получал приличную сумму денег и, с согласия полиции, уезжал к морю и там „отсиживал“ „наказание“. На эту ссылку он не жаловался...

Сам Горяинов—главный инженер, строитель и директор завода очень уважал французов. Им он многим обязан. Ведь это французы привезли все чертежи доменных печей шотландской конструкции и здесь в России копировали их втайне при закрытых дверях. День и ночь работал в специальной тайной комнате старший инженер-конструктор француз Деброн и перечерчивал из французских чертежей доменные печи

и другие сооружения, доставившие столько славы инженеру Горяинову.

О Деблоне рассказывают: когда заходили к нему в комнату и подходили к столу, он быстро руками закрывал чертежи и ложился грудью на стол, боясь открыть их тайну. Она скрывалась по договоренности с Горяиновым.

Французам была дана широкая воля. За средства завода они выписывали всевозможные инструменты, тонкие, дорогие приборы. В медницкой мастерской завода несколько человек рабочих годами работали на них, изготовляя различные сервизы, самовары, чайники, кружки, блестящие цепи. Столяры изготовляли по капризу их жен различного рода изящную мебель, через каждые полгода переделывая ее заново. В общем брали из завода все: материалы, инструменты, зарабатывали на сметах по строительству и ремонту.

Впоследствии эта нажива проявилась в том, что Горяинов и Пьерон открыли на левом берегу Днепра свой машиностроительный заводик, на котором для своих же хозяев изготовляли различные пресса.

Можно и сейчас еще встретить неимоверной тяжести пресса, с огромными станинами и основаниями, которые Горяинов и Пьерон отливали на своем заводе, беря плату за пуд веса изделия. Погоня за наживой превращала изделия этого завода в такие одоробла, которые не выдерживают никакой критики с точки зрения правильных технических расчетов.

Горяинов и Пьерон занимались немало и усовершенствованием производства, иногда граничившего с изобретательством. Так ими взят был патент на „Пикатаж“ для укрепления металлоприемника доменной печи, заделки возможных прогаров и смены их. Это усовершенствование работало много времени, но себя не оправдало.

Другой патент Горяинов и Пьерон взяли за гидравлический затвор колошника, но и он также не имел успеха, не пошел в ход и изобретатели вынуждены были от него отказаться.

Несколько позже братья Горяиновы предложили способ, который был родоначальником рудного процесса. Горяиновы предполагали достигнуть наилучших результатов, если сплавить руду с известью и влить в получившийся шлак жидкий чугун при мартеновском производстве стали. Действительность вполне оправдала расчеты Горяиновых, но реакция шла так бурно, что управлять ею не было никакой возможности. Кроме этого рудный процесс требовал от печи большого нагрева ванны после первой реакции кипения, а печи Горяиновых были плохой конструкции.

В результате их способ не дал экономического эффекта и был оставлен.

Сам Горяинов являлся не плохим инженером. В свое время он был большим знатоком доменного и мартеновского производства. По свидетельству профессора Тиме, Горяинов являлся лучшим инженером на Юге России.

Устройства горновых печей с блиндированными панцырями не имели себе подобных даже за границей. Тиме утверждал: „Домны Александровского Южно-Русского завода еще в 1887 году были снабжены описанными панцырями и тех пор на заводе не наблюдалось ни одного случая проыва горна или каких-нибудь случайностей“.

В другом месте—о мартеновском производстве, усовершенствованном инженером Горяиновым, Тиме писал: „В мартеновском производстве в 1894 году введено усовершенствование Горяиновым, состоящее в применении жидкой руды в количестве 25% против количества чугуна. Результаты: возможность применять меньшее количество лома; время процессов сократилось с 12 до 6 часов, следовательно производительность печей увеличилась и стоимость металла уменьшилась с 1 руб. 10 коп. до 85 коп. за пуд. Этот способ мы потом перенесли и на Урал“.

Горяинов пользовался среди технического персонала большим уважением. О нем ходила слава, как о „хорошем“ и „добром“ человеке. старики рассказывают такое:

„Бывало подойдешь к нему и скажешь: Алексей Михайлович, построечкой обзавестись хочу, помогите авансиком. сам это ему заявленьице. Глянет на тебя и не читая подпишет. Идешь бывало в кассу и изволь, получай.“

И Горяинов действительно это делал. Но все это шло не от „доброты“ его. Горяинов был очень тонким эксплуататором. С виду он почти никогда не вмешивался в мелочи заводской жизни, но это не мешало ему тонко руководить своим аппаратом, выжимать все соки из рабочего.

Текучесть рабочей силы очень волновала этого „доброго“ администратора. Поэтому всякая тяга к оседлости пришлого рабочего им поддерживалась не только „добрым“ советом, но и денежной суммой, которая так или иначе возвращалась заводу. Это им рассматривалось, как победа завода. Но всем ли Горяинов отпускал деньги? Конечно, нет. Деньги отпускались в первую очередь старым работникам завода, вошедшим в доверие или рекомендованным начальством. Больше всего помощь эту получали от дирекции выписанные квалифицированные рабочие. Других, чернорабочих, директор не удостоивал такого внимания. Они жили, где только могли, часто ютились в самом же заводе, не попадаясь на глаза начальству.

Каждый день около 11 часов по заводу проходил Горяинов. В форменной фуражке, в кителе, с лицом несколько

подпухшим и сосредоточенным, грузный, — он медленно переставлял ноги, опираясь на палку.

На заводе много было безобразий. О них не мог не знать Горяинов — этот „прекрасной души“ человек. В доменном цехе например состоял на службе некий десятник Мануилов который только тем и занимался, что „портит женщин“ как выражался он сам под хмельком.

Кроме конторы, девушки тогда уже работали на просевке кокса. Они служили объектом насмешек и издевательств со стороны низшего административного персонала. Особенную роль в этом занимали отметчики: Блюмкин, Кудрин, Скрипкин. Этого „прекраснодушный“ Горяинов „не замечал“.

VI.

С 1-го октября 1888 года была пущена в ход железопрокатная мастерская: мелкосортные и среднесортные станы и 8 пудлинговых печей. С февраля этого же года вступает в работу крупносортный стан и 16 пудлинговых печей числом садок, равным от 8-ми до 12—15 пудов. Мелкосортные и среднесортные станы прокатывали от 1.500 до 2.000 пудов железа в сутки, что целиком удовлетворяло нужды двух заводов. Часть бросалась на рынок, так как на железопредъявлялся большой спрос.

Но железо было очень низкого качества. В холодном состоянии оно выдерживало всякие механические испытания, в горячем же было красноломко, — это объяснялось тем, что в донецком коксе содержалось значительное количество серы.

Пудлинговые печи загружались вручную материалами которые затем долго варились. Рабочему целый день приходилось простаивать у окон печи, непрерывно поворачивая светлокрасный комок. А когда было готово — отрывали клещами кусок в 7—8 пудов и на руках подтаскивали к молоту, где под тяжелым — в 1½ тонны ударом бойка осаживали углы. Бесформенный комок железа приобретал вид болванки и пропускался через особый стан „Пудельбарс“. Полученное железо резалось на части, связывалось пакетами по пять штук и шло на сварочные печи, а затем в станы для получения сортового и универсального железа.

На первых порах на металл нашлось очень много покупателей из местных кустарей и кузнецов, но скоро клиенты убедились в полной непригодности железа, так как оно при первом ударе молотом не только ломалось, но и рассыпалось.

Неудача с железом очень волновала администрацию завода. Мастер, который изготовлял его в пудлинговых печах, был прозван рабочими „красноломким“.

Желая улучшить качество железа, администрация решила

оставить на заводской площади собственную батарею коксовых печей системы „Коппе“, с тем, чтобы уголь предварительно отмывать от вредных примесей. С фирмой бельгийского инженера „Коппе“ заключен был договор на постройку печей и углепромывочного здания со всеми надлежащими устройствами, в количестве 40 печей двумя группами с производительностью в 1,5 тонны каждая печь. К постройке первой группы печей было приступлено в июне 1889 года, а с апреля еще к постройке 40 печей такой же системы.

Для обеспечения углем коксовых печей Правление Брянского О-ва приобретает в собственность богатые угольные месторождения у Саганко, Кордовского и Шлярмана. Всего было куплено 1.676 десятин. Все месторождения находились в Славяносербском уезде, Екатеринославской губернии.

В Екатеринославском уезде были арендованы марганцевые месторождения в Сулецко-Лиманском имении у графини Брюнетто-д'Уссо. Ранее эти руды доставлялись из никопольского района и частично с Кавказских месторождений.

Разворачивание основных производств на заводе идет эти годы усиленным темпом. Капиталовложения в завод превышают 3 миллиона рублей. По выплавке чугуна завод занимает одно из первых мест среди всех русских чугуноплавильных заводов. В 1891 г. пущена в ход печь № 3, увеличившая производительность завода до 6 млн. пудов чугуна в год. В 1894 году окончен ремонт домен №№ 1 и 2. 20 июня того года была заложена печь № 4.

С 1891 года завод изготавливает кокс, чугун обыкновенный, чугун зеркальный, сталь литую бессемеровскую, сталь легкую марганцевую, сталь рельсовую, фасонное литье, пудльбарс, железо и сталь разных сортов, рельсы различных марок, железнодорожные скрепления, железнодорожные мосты, гребки чугунные, литье: медное, чугунное и свинцовое, колеса железнодорожные и болты.

Завод вывозит в 1894 году 8 млн. пудов готовых изделий и поглощает свыше 50 млн. пудов сырых материалов. Усиливается электрохозяйство завода приобретением двух динамических динамомашин с отдельной паровой машиной в 10 лошадиных сил системы „Корлиса“; 30 электрических фонарей устанавливаются в разных отделениях завода. Появляются первые электромоторы.

До этого на заводе работало 3 динамо, установленные в 1886—1889 гг., приводившиеся в движение паровыми машинами, обслуживавшими от 6 до 10 дуговых фонарей каждая.

Продуктивность завода вырастает в 1891 году до 5 млн. пудов чугуна против 316 тыс. в 1887 г. Одних только рельсов в 1893 г. завод выпускает 3 миллиона пудов против 600 тысяч

в 1891 г. Основными заказчиками завода являлись: металлообрабатывающая, машиностроительная промышленность.

Влияние завода на развитие промышленности Екатеринославской губернии и города Екатеринослава огромно. Быстро подымается до непредвиденных размеров южно-русская промышленность, вступая в сильную конкуренцию с западными иностранными землями, поставщиками железа в России. За совершенно короткий срок вырастают гиганты заводы: Каменской—1889 г., Трубопрокатный Шодуар—1889 г., Глянцевский Криворожский—1892 г.

В самом городе Екатеринославе и в окрестностях в разное время возникают несколько заводов для выделки разных изделий из чугуна, железа и стали. Сам город и прилегающие к нему окрестности весьма оживляются. До 1886 года в Екатеринославе насчитывалось до 60 тыс. жителей. В 1894 году по сведениям Городского Управления в Екатеринославе число это возрастает до 100 тыс. человек.

До этого Екатеринослав представлял из себя чиновничье-мещанский город при полном отсутствии крупного индустриального пролетариата. Но с пуском завода и устройством различных фабрик в городе увеличивается рабочее население, оседающее вокруг заводов. На завод прибывают все новые и новые люди.

Русская администрация тщательно подбирает состав рабочей силы. По обыкновению за ворота выходил приемщик и смотрел на толпу, ища подходящий „народец“. Если среди поступающих находились люди, отвечающие требованиям, приемщик повелительно орал:

— Эй, земляк, иди сюда.—Последний подходил и становился перед глазами приемщика. Этот осматривал его с ног до головы, затем брал паспорт. Если поступающий был чуть приличнее одет, приемщик говорил коротко: „не нужен“.

Особенно издевалась администрация над местными украинскими рабочими. Украинцы в большинстве своем не допускались на квалифицированную работу, как правило, принимались чернорабочими. Иногда в виде исключения ставились сторожами и рабочими по ремонту.

Хозяева насильственно проводили руссификацию среди украинского населения, осуществляя гнусную политику царского правительства. В этом им помогали верноподанные украинские кулаки, занимавшие на заводе низшие административные должности.

Вообще Брянский завод в то время являлся характерным предприятием для промышленности Украины-колонии.

Евреям было еще трудней. Поступить на завод еврею было почти невозможно. Многие, желающие работать на заводе, шли в мещанскую Управу за рекомендацией, но и

но не помогало. Администрация наотрез отказывала в приеме в работу.

Одному из старых работников завода Гусятинскому, по рассказам многое пришлось перетерпеть, прежде чем поступить на завод. Гусятинский учился в школе, вместе с сыном помощника начальника прокатного цеха. Однажды он высказал ему свое желание поступить на завод. Последний попросил об этом отца, который уважил просьбу сына и согласился определить Гусятинского в прокатный цех. Мне было велено притти в мастерскую, имея на руках паспорт. Увидев меня—вспоминает Гусятинский—он взял мой паспорт и отправился к начальнику прокатного цеха Удовенко, который согласился меня принять с условием перемены имени. Мой холатай на это согласился и они меня в кабинете „окрестили“.

Выйдя из конторы помощник начальника подозвал Гусятинского к себе и спросил: „Как тебя зовут?“

— Абрам — отвечает Гусятинский.

— Так вот, с сегодняшнего дня ты Михаил, понял?

— Да...—И вот с 1889 года по настоящее время его зовут Михаилом Борисовичем Гусятинским.

VII.

С тех пор, как пошли доменные печи, рабочие завода получили специфическую окраску. Даже на расстоянии они выделялись от остального народа. Бараки, в которых жили доменные рабочие, также принимали доменный вид. Это особенно было заметно на порыжевших нарах. Грязь и вонь принимали безобразно большие размеры.

Жилищные условия были невыносимы. Заводская администрация не строила домов для рабочих. Им приходилось жить артелями, у частных хозяев по 8—10 человек в одной комнатухе. Хозяин был заинтересован в том, чтобы держать как можно больше постояльцев и не обращал внимания на жалобы и протесты жильцов.

Дома строились исключительно для служащих завода. На первых порах была построена колония рядом с заводом, насчитывавшая 32 одноэтажных домика с решетчатыми заборами и цветниками. Полосатые будки дорисовывали и неизменно украшали поселок.

Обследовавший в то время жилищные условия инженер Гордан в своем заключении говорит следующее:

„Артельные дома—писал он—представляют собой старые, в полном смысле отвратительные помещения с нарами в два яруса, с кухней тут же, служащей для сна и еды. Они тесны и грязны“.

В лачугах, в которых жили рабочие артели, было темно,

мокро, холодно. Потрясающая смертность ребятишек характеризует лицо проклятого быта.

Вот что коротко рассказывает о себе старый большевик—рабочий Брянского завода Каменский: „Я работал на доменной печи, получал самое большее 27 рублей. Квартирu нанять больше чем на три рубля нельзя было, а в этой был земляной пол. От этого дети болели и умирали. Из 20 ребят у меня осталось только 6“...

До смерти уставший рабочий приходил домой и падал в каменном сне. Часто после 12-ти часового рабочего дня мастер цеха оставлял еще работать вечером до 12 час. ночи. Отказаться было невозможно и рабочий оставался верен закону „не слушания“.

Расширение производства вызывало новые притоки рабочих. Вокруг завода и на окраинах города рождались хибарки, рылись землянки, в которых ютилось по 2—3 семейства. Вся эта обстановка напоминала больше лагерь беженцев, чем рабочих завода.

Особенно запомнился рабочим подрядчик Мина Копылов. Еще до начала работ по постройке завода Копылов слыл в Екатеринославе как „дельный человек“, умеющий из малого сделать крупные барыши. Рабочих он умело загонял, как скот, в бараки и хитро создавал такие условия, что они всегда были должны ему, всегда отработывали и вечно просили на харчи „авансиком“. Редко кто миновал его систему эксплуатации.

На заводе он брал самые большие подряды. Современем Копылов стал миллионером и издателем крупной газеты „Приднепровский Край“.

Казармы, в которых жили „копыловцы“ были рассадником различных заболеваний. Бараки Копылова были вкопаны в землю. Внутренний вид их ничем не отличался от наружного. По 80—100 человек копошилось в них; люди спали, брошенные на голые доски с лопатой под головой вместо подушек. „Копыловцы“ по преимуществу работали на выгрузке сырья: свой „инструмент“—лопату они всегда носили с собою. За потерю лопаты штрафовали и удерживали из жалованья.

В бараках было холодно. В дождливую погоду негде было просушить одежду и лапти. В деревянных казармах насекомые не давали возможности ни отдохнуть, ни поспать. Их было разведено так много, что люди по ночам занимались больше истреблением насекомых, чем спали. Летом было одно спасение—двор; здесь можно было крепко поспать. Казарма летом пустовала, но когда приближались холода, рабочие с трепетом думали о предстоящей зимовке. Клопы и всякие другие паразиты в первую ночевку доводили народ до бунта.

С паразитами уже нельзя было ничего поделывать. Тогда в 1893 г. Копылов приказал сжечь казарму. Люди с улыбкой наблюдали, как горела их казарма с паразитами. С этим злом мог справиться только всепожирающий огонь. Позже на этом месте построили каменную казарму, которая мало чем отличалась от деревянной.

Труд на заводе был варварски тяжелым. Если на колошнике рабочие угорали, то не лучше было у горна домы. Способы работы у горна были самые примитивные, требующие большой мускульной силы.

В летку в огромном количестве набивали кварцевую массу, а после подвешенным „барсом“ пробивали насквозь пику. Это забирало много труда и времени. Но еще тяжелее было с выпуском чугуна. Часто случалось чугун застывал в летке вследствие большого слоя кварцевой массы, которую он проходил после того, как пика была уже выбита. Нужно было рядом сверлить новое отверстие—это было особенно мучительно. На эту работу уходило от 3-х до 4-х часов. Рабочие по 20 человек цеплялись за железную шлангу - бурав и с каждым ударом в массу поворачивали его под углом, буравя таким образом новое отверстие.

Люди выбивались из сил.

В среднем рабочий вырабатывал по 40—45 дней в месяц. „Жены бывало, как след не поводишь“,—рассказывает Мещенков,—как слесарь по ремонту я почти все время пропал на заводе“.

Многие не уходили с завода домой, усталость валила с ног. Тут же в цеху люди падали и засыпали где попало.

Цех освещался копилками, вентиляции никакой не было. В труболитейной мастерской с ямой для отливки труб от 8 до 28 дюймов работать было настолько тяжело, что люди падали в глубокий обморок. Яму называли „адом“. При выбивке опок из-за сплошной пыли люди в двух шагах не могли различить друг друга. Это обстоятельство приводило к несчастным случаям.

Упавшего ложили на носилки и несли в больницу, в которой было 40 коек, обслуживаемых 2 врачами и одной акушеркой. Часто больные без осмотра лежали день и два, так как доктора отлучались по своим делам.

Бывали такие случаи: в приемной ставили носилки с больным, доктор подходил и равнодушно спрашивал:

— Откуда больной?

— Из труболитейной—отвечали рабочие.

— Тащите в ванную.

Больного несли в ванную и купали до тех пор, пока тело не становилось чистым, затем ложили в кровать. Человек пролежав 2 часа подымался и уходил в завод здоровым. Оказывалось, что пыль настолько нарастала на теле,

289

что закупоривала все поры, коже нечем было дышать, и человек падал, теряя сознание.

Угар, отравление газами, — были обычными явлениями. Тогдашнему рабочему и думать запрещалось о какой-то охране труда.

Все процессы работы на заводе выполнялись вручную. В одной из своих статей проф. Тиме писал в частности о кирпичной мастерской завода, уверяя читателя, что несмотря на механизацию кирпичеделательного производства „здесь предпочитают работать ручным способом“. На самом же деле это обстояло иначе. Механизация настолько была не исправна и нелепа, что все рабочие, чтобы не терять заработка, формовали кирпичи и правили только вручную. Спрос в основном удовлетворялся и администрация особенно не настаивала на работе машиной. Машины стояли, их с'едала ржавчина, они покрывались пылью кварца и шамота.

При работе 4-х доменных печей завод справлялся с заказами, удовлетворяя также спрос на железо местного рынка. К 1894 году завод целиком закончил свое развитие. Прокатное, рельсовое, бессемеровское, мартеновское отделения были закончены и работали полным ходом.

Выплавка чугуна выросла с 3.200.000 пудов в 1890 г. до 12.000.000 пудов в 1894 году. Сталь с 300.000 пудов в 1890 г. до 5.000.000 пуд. в 1894 г. Соразмерно с этим росли и прибыли завода. В 1890 г. завод имел прибыли 140.000 руб., а в 1894 г. завод даст прибыли хозяевам 1.700.000 рублей, что является ярким показателем хищнической эксплуатации рабочих Александровского Южно-Русского завода.

При слабой технике, при отсутствии совершенных орудий производства и малом умении рабочих работать, администрации все же удается добиться желаемых прибылей.

Производительность доменных печей на Брянском заводе доходила в среднем до 5.000 пудов в сутки, а чтобы держать на этом уровне производительность печи нужно было рабочих держать в ежовых рукавицах, поддерживать суровую дисциплину, а это было возможно только при варварском насилии и эксплуатации рабочих.

ДЖОН ДЖЕМС ЮЗ *)

Почти столетие Русское самодержавие пыталось построить на юге, в Донецком бассейне, железодельный завод, но все попытки оставались тщетными. В 1795 году был прислан с Ижорского завода в Донецкий бассейн шотландский инженер мистер Гаскойн. Правительство ассигновало ему 700.000 рублей и обеспечило полную свободу действий.

Выбор места для завода представлял сложную задачу. Пустынные степи, безводные овраги очень беспокоили шотландца, привыкшего к широкому морю и обильным рекам, но когда он увидел место, где Ольховка сливается в Луганью, он несказанно обрадовался. Дело было весной, еще стояла полая вода и Лугань напомнила ему Ижорский завод и реку, которую он шлюзовал и чем стяжал себе славу искусного строителя. Мистер Гаскойн решил заложить металлургический завод и доменную печь в треугольнике образуемом Ольховкой и Луганью.

Два года строился завод, и когда он был совсем готов, мистер Гаскойн понял, что ошибся. До воды близко было, а вот до угля и руды было далеко. Уголь был в Лисичанске, а руда в Городище. Доставка пуда угля из Лисичанска обходилась в 15 копеек и почти столько же стоила доставка пуда руды. К тому же лисичанский уголь, длиннопламенный, для плавки чугуна не годился. Лучше было плавить на антраците, но антрацит стоил еще дороже. Сделал мистер Гаскойн несколько плавок в построенной домне, чугун вышел плохой и такой дорогой, что плавить его не было расчета.

А чугун России, с ее колониальной экспансией на Восток, для военных нужд и строительства железных дорог страшно нужен.

Тогда снова решено было построить на юге доменные печи. Все неудачи мистера Гаскойна у всех на памяти.

За полстолетие много экспедиций обследовало Донецкий бассейн, много богатых месторождений угля и железа было открыто, много умных советов и предложений по-

*) Из главы „История Сталинского металлургического завода“.

лучили царские чиновники, — один мусье Ле-Пле, французский инженер, описал 135 угольных и 22 рудных месторождений.

Керчь!

В Керчи при входе в Еникале есть богатые руды. Антрацит из Грушевска можно морем наладить. Из Таганрога в Керчь за сельдью пароходы идут, часто порожняком. Вместо баласта можно антрацит брать. Англичане так свой уголь из Кардифа в Петербург доставляют. Идет в Россию пароход за хлебом, но не пустой, а с грузом кардифского угля. Отчего с грушевским антрацитом так нельзя делать?

Построили завод в Керчи. Но грянула Крымская война — англичане и французы напали на берега Черного моря, осадили Севастополь, и первым делом разрушили Керченский завод, чтобы он не мог лить ядра для обороны крепости.

В третий раз металлургический завод строится опять в центре Донецкого бассейна.

Близ селения Корсуни недалеко от Никитовки издавна были открыты богатые каменноугольные залежи. Уголь тамошний, сжигаемый без доступа воздуха спекается и выделяет из себя серу и вредные для чугуна газы. Горючий ком-кокс развивает температуру большую, чем самый лучший антрацит. Недалеко от угля открыты рудные месторождения. В реке Булавин воды достаточно для обслуживания большого завода. Кажется все предусмотрено. Царским чиновникам кажется, что все есть, можно строить.

Домну выстроили на славу, и завод назвали Петровским в честь Петра I, который в этом месте разгромил воставшего казацкого атамана Булавина.

Чиновники из министерства государственных имуществ были в восторге и ожидали себе много милостей и больших наград. Все ведь предусмотрено: уголь, руда, вода.

Все предусмотрели, но не учли стойкости огнеупорного кирпича. Выплавил печь 91 тысячу пудов чугуна и дала осадку.

Внутренность печи — ее футуровка — не выдержала силы дутья, огнеупорный кирпич стал плавиться; сгорели фурмы и пошла вода в печь. Внутри печи образовалась насталь с фиолетовой гривой. Насталь росла, ширилась и приняла причудливую форму рогатого зверя.

С каждой вагонеткой руды, опущенной в домну, насталь все обростала космами и застыла наконец огромной глыбой недоваренного чугуна. Нехватило в домне огня, чтобы растопить и расплавить эту глыбу.

„Козел!“

Козел уходил косматым туловищем в чугун и вызывающе смотрел из потухшей домны на строителей.

Уничтожить козла можно было только выломив бока в ечи. Пришлось и третью печь разрушить.

Конфуз вышел большой, пошли распри между царскими министрами. За столетие чиновники министерств ничему не научились. Каждый раз что-нибудь да неусмотрят. Надо обратиться к частному капиталу.

В 1866 году князь Сергей Кочубей получает концессию на сооружение на Юге России завода для выработки железнодорожных рельс. Но еще раньше была выдана концессия спекулянту подрядчику Полякову, согласно этой концессии Поляков должен был построить железную дорогу и рельсопрокатный завод.

С Донецким бассейном Кочубей не многим был связан. Имений и земель у него там не было, средств на сооружение завода не было тоже. Князь Кочубей, получив концессию на сооружение завода, и не думал выполнять ее. Да и департамент горных дел знал, что она не будет выполнена.

Концессия, выданная Кочубею, имела характер милости, концессия, выданная Полякову, разбогатевшему на интендантских поставках, имела характер „принудительного ассортимента“ к основной концессии — к постройке Азовской железной дороги.

Выданная С. Полякову в 1868 году концессия на сооружение железной дороги, вызвала громадный интерес среди представителей металлургической промышленности Англии.

Условия этой концессии были необычны. Так, Полякову обусловили концессию сооружением металлургического завода на Украине и укладкой железнодорожного полотна рельсами отечественного производства.

763 версты железнодорожной линии!

Англия экспортировала в Россию миллионы пудов железных изделий через южные порты, в особенности через Одессу. Несмотря на трудности, создаваемые русским правительством импорту, для защиты уральской железообрабатывающей промышленности, отдельные учреждения, для которых шел импорт, сами беспокоились о преодолении трудностей.

Концессия Полякова угрожала совсем закрыть российский рынок для английского железа. Но Поляков и не думал строить металлургического завода. Железная дорога была значительно выгодней. Поляков всячески стремился к этому пункта договора постройку металлургического завода не выполнять.

Размах строительства и короткие сроки, обуславливающие его, невероятные барыши, которые оно сулило концессионеру, если ему удастся обойти неприятные пункты договора, создавали вокруг атмосферу ажиотажа и спекуляции. Было очевидно, что русских рельс не хватит.

Концессионер должен будет стараться всеми мерами обойти запрет импорта. Продажность, самодурство и произвол царских чиновников должны создать условия для преодоления этой трудности. Ограничения импорта с самого начала расценивались царскими чиновниками, и крупными и мелкими, как дело, возле которого можно хорошо набить карман. Почва для огромнейшего взяточничества была создана.

Кочубеевская концессия нежизненна. Поляков и не думает строить металлургического завода. Русский капитализм еще слаб, он только обрастает перьями. Да и очень не охотно он шел в горнозаводское дело.

Все это создавало благоприятные условия для проникновения в Россию заграничного капитала более энергичного, передового, имеющего уже большую практику промышленного строительства.

Да и особых капиталов не требовалось. Царское правительство, кровно заинтересованное в постройке металлургических заводов, предоставляло огромнейшие субсидии. Необходимо умение, организаторские способности, хватка хищника, чтобы околпачивать царское правительство, подкупив чиновников, без гроша построить заводы и прямо из воздуха, из ничего нажить огромнейшие капиталы. А какие возможности эксплуатировать рабочий класс дикой России.

Петербург стал центром, привлекавшим всех иностранных аферистов, спекулянтов и маклеров.

В этом году приехал в Петербург Джон Джеймс Джонс. Директор небольшого завода для железных поковок, мастер-кузнец по специальности, Джон Юз не имел капитала для больших дел, которые привлекли его в Петербург.

Не капиталы везут в колониальные варварские страны. А чем страна „Белого Медведя“ не варварская страна? Джон Юз приехал в Петербург в качестве маклера.

Директор Мильвовского завода имел солидные знакомства среди титулованных лиц, которым титул служил солидной вывеской для несолидных афер. Такие лица оперируют больше связями, чем капиталами, поэтому узнать об их капиталах нет никакой возможности.

Заручившись рекомендациями своих титулованных друзей и представителям английской колонии в Петербурге, Юз получил доступ в большой свет петербургских предпринимателей.

Положение Кочубея с его концессией было безнадежно. Концессия была выдана в 1866 году и через два года после выдачи не была реализована. Кочубей не мог организовать акционерного общества, которое хотя бы номинально осу-

сделало его права, хотя бы для отвода глаз что-нибудь делало.

Несмотря на громадную премию, которую русское правительство давало Кочубею, концессия не находила капиталов и организаторов. Так, за каждый пуд рельс, прокатанных на заводе Кочубея, правительство обязалось заплатить 50 копеек премии независимо от будущей цены рельс, определяемой себестоимостью; между тем, как пуд заграничных рельс в таганрогском порту стоил немногим больше одного рубля.

Кочубею и лицам, заинтересованным в его концессии, нужно было во что бы то ни стало найти путь к реализации концессии.

Русские капиталисты были все на виду. Те из них, которые бивали пороги, были всем известны, как мошенники и разокрады. Нужно было найти кого угодно, лишь бы он был незапятнан перед казной. Таким предпринимателем мог быть только иностранец.

Юз поэтому оказался самым желанным.

Кочубей продал свою концессию Юзу за 24 тысячи фунтов.

Акционеров основателей было семь человек, один другого родовитее, один другого влиятельнее, то что называют шайками английского общества.

Два брата Гуч — оба баронета.

Два брата Броссей, из которых младший — член парламента.

Барон Вайзман — кавалер ордена Бани.

Гражданские инженеры Виль Ворт и Огильви.

Сам Юз Джон Джонович в члены-основатели не попал, наверно потому, чтобы не ухудшить титулованного состава основателей.

18 апреля состоялось высочайшее повеление о создании акционерного общества, которое в целом называлось:

„Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства с ограниченной ответственностью“, а 29 мая состоялось утверждение общества в Англии.

Быстрота, с которой состоялось это утверждение, доказывает, какой большой был авторитет его основателей.

Сорок дней путешествовал устав общества из петербургских канцелярий к лондонским, чиновники не успели наверно и прочесть его как следует; баронеты и члены парламента поставили на нем свои подписи и это магически действовало.

И капитал Новороссийского общества снаружи был такой же блестящий, как и его фундаторы. Но внутреннее содержание его было довольно сомнительно.

По уставу акционерный капитал состоял из шести тысяч акций по пятьдесят фунтов каждая, всего на сумму триста тысяч фунтов стерлингов. Русскими деньгами — это около трех миллионов рублей. Внешне капитал был громадный, если принимать во внимание тогдашние масштабы, и должен был пользоваться большим доверием в обществе.

Акции были разделены на два класса. Класс „А“ — высший класс — был обеспечен прибылями в 10 процентов. Заработало общество или проработало — высшему классу прибыли давай. Если один год прибыли не было, то ее выплачивали из нераспределенных прибылей прошлых лет или записывали, как долг общества с покрытием из будущих прибылей.

Класс „Б“ — низший класс — ничем не был обеспечен. Прибыль он мог получить только из остатков класса „А“.

Сначала выпустили 2.400 акций класса „А“ и 1.000 акций класса „Б“, номинально на сумму 1.700 тысяч рублей. Но акций в оборот не пустили. Да и выпустить акции еще не значит вложить капитал и нести ответственность.

„Новороссийское общество с ограниченной ответственностью“ — так оговорили титулованные дельцы свое участие в этом предприятии.

Ограничить ответственность акционерам было крайне необходимо, так как действительное капиталовложение в предприятие было ничтожно.

Чем выше было общественное положение акционера, тем меньше была сумма, вложенная в акции. Томас Броссей, не имевший титула подписался на 200 акций. Томас Броссей младший, член парламента на 50 акций, а барон Вайзман — кавалер ордена Бани только на 40 акций.

Остальные подписались на 400 акций по 100 штук каждый.

Общая сумма, на которую подписались акционеры, равнялась 690 акциям, а на деньги 345 тысяч рублей.

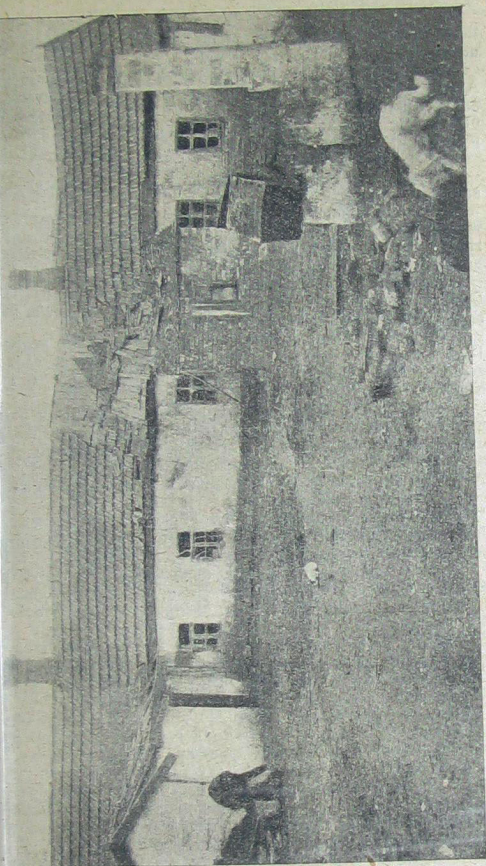
Но в действительности акционеры не внесли и этой суммы. Согласно устава акционеры внесли 10 процентов подлиски.

Бароны Гуч таким образом внесли по 50 фунтов стерлингов, или стоимость одной акции, член парламента 25 фунтов или стоимость половины акции, а барон Вайзман — кавалер ордена Бани — 20 фунтов, т. е. столько, сколько приличный торпист ставит на скаковую лошадь в день Дерби.

Все семь акционеров внесли 34.500 рублей, немного больше, чем 1% основного капитала.

Вот и весь капитал, организованный Юзом на постройку металлургического завода в Донецком бассейне.

Но если Новороссийское общество имело ограниченную ответственность и ничтожный капитал, то кто же дал деньги и взял полную ответственность?

Юзовка (теперь Сталино) — жилища рабочих при Юзе.

Капитал дало русское правительство под ответственность трудового народа.

Акции класса „А“ должны были дать 10 процентов. Акция в 500 рублей давала 50 рублей прибыли в год. Но акционеры внесли только 50 руб. на акцию, годовую прибыль тоже гарантировали им в 50 рублей, т. е. рубль на рубль. „Руп на руп и сверху тулуп“ — говорили купцы.

Так где же „тулуп“?

А тулуп пришел в виде командных и высоко-оплачиваемых должностей.

Штатных директоров было 6, один ответственный секретарь и хранитель печати и члены ревизионной комиссии. Не хватало лиц для командных должностей. И остальные должности заменили банкирами.

Первыми директорами были: барон Вайзман, Томас Броссе, генерал-майор русской службы Отмар Герн, барон Гуч и Джон Юз.

Одно место осталось вакантным для нужного человека. Почетным директором без прав и обязанностей, а следовательно и без всякой ответственности, был назначен князь Кочубей.

Директором-распорядителем с окладом 10 тысяч рублей в год был назначен Джон Юз, а в помощь ему барон Гуч, при чем Джону Юзу гарантировали независимость от остальных директоров и несменяемость.

Устранить Юза от его обязанностей имело право только общее собрание акционеров.

Правление Новороссийского общества, в случае недовольства Юзом, могло только ставить вопрос перед общим собранием об устранении его.

Полномочия Юза были не ограничены сроком. Права Юза были оговорены в уставе Новороссийского общества и получили санкцию русского и английского правительства. В отношении Юза устав Новороссийского общества представляет собой образец своеобразной конституции, который очень редко практиковался среди акционерных компаний.

Как только был организован директорат, он прежде всего начал растаскивать основной капитал.

Прежде всего было выдано 240 тысяч рублей или 480 акций князю Кочубею и 1.000 акций на сумму полмиллиона самому Юзу в награду за удачно проведенную сделку.

Юзу предложили разделить эту сумму с хранителем печати общества каким то Клерком, а с течением времени они оба разделили эти акции с ливерпульским банкиром Коксом, который взял на себя ведение всех денежных операций общества. Так и записали в уставе.

Четвертая часть основного капитала попала в карманы двух дельцов, которые действовали в авангарде строитель-

тва завода, титулованное дворянство, оставшееся в тылу, уже не дремало. Остальные акции были в их руках и действиями параграфов устав охранял эти акции от ухода из чужих рук баронетов.

Свои титулы на уставе Новороссийского общества акционеры недешево продали русскому правительству.

Мистер Юз начал действовать испытанными средствами, которыми издавна пользовались английские колонизаторы богатых и варварских странах.

Он начал вовлекать в свои интересы влиятельных лиц. Пошли в дело подарки, взятки. Князь Кочубей и генерал-майор Герн превратились в непосредственных служащих Новороссийского общества и его директора-распорядителя. Английская колония — титулованная выскочка Кочубей и Герн — открыли двери в придворные круги.

Воинственный русский национализм — славянофильство — как средство борьбы с западничеством и революционными течениями, пользовался сочувствием в кругах, близких великому князю Константину Николаевичу.

Всякое начинание, укрепляющее русский национализм, встречало сочувствие в этих кругах и пользовалось защитой великого князя. Успехи Юза должны были стать триумфом русского национального дела. Через князя Кочубея и Герна Джон Юз добился покровительства великого князя Константина Николаевича и выехал в украинские степи добывать своим доверителям „руп на руп и сверху руп“.

Юзу было около 55 лет, когда он прибыл в Донецкий уезд. Крепкий, с круглым лицом, заросшим короткой щетиной, Юз сильно наседавал на свои ноги, которые вогнулись внутрь, как ноги бульдога.

С молитвенником, псалтырем и книгами старого и нового завета в чемодане, как английский миссионер, высадившись Юз в Таганрогском порту.

Немного нарушало цельность впечатления монтекристо в клетчатом футляре и револьвер.

Вместе с багажом для Юза выгрузили целую свору собак: бульдогов, пойнтеров, овчарок и пуделей.

„Охотник“.

„Патер“.

Юз сразу обратил на себя внимание русских углепромышленников и прослыл оригиналом.

А оригинальничанье Юзу нужно было, чтобы скрыть от окружающих некоторые неудобные вопросы и секретные мероприятия. В кассе Новороссийского общества, кроме устава, подписанного сиятельными лицами, не было ничего, кроме из суммы 34.500, собранной от подписки, значительная часть ушла на гербовую и актовую бумагу, на нотариаль-

ные издержки, печатание устава и актов, на публикацию и налоги и прочие „организационные расходы“...

Пустой кошелек диктовал Юзу бережливость, скрытность. Лишнее знакомство связано было с расходами, чужой глаз может узнать о его планах, секретах.

Соперников у него было много.

Юз нанял у помещика Смолянинова одинокую хижину, заброшенную в степи, с соломенной крышей и поселился в ней со своими собаками, молитвенниками, инструментом для разведок недр и с кухонной посудой.

Неудачи царского строительства Юз основательно изучил, проанализировал проекты предшественников и концессионеров, проверил их исследованиями многочисленных научных экспедиций, работавших в Донецком бассейне.

Между молитвенниками смиренно лежали карты Новороссийского края, справочники, прейс-куранты и сочинение Ле-Пле „Путешествие по Южной России“.

Несмотря на всю парадоксальность, высказывания Ле-Пле отличались меткостью. Месье Ле-Пле был тончайшим наблюдателем русской промышленности в Донецком бассейне.

Неудачи казенных строителей показывали Юзу, что ни на грушевском антраците, ни на лисичанском угле плавки ему наладить не удастся.

Район избранный строителем Петровского за вода был самым удачным.

Земли Никитовского района, богатые рудой, были давно известны. В этом районе пользовался известностью открытый графом Воронцовым Екатерининский рудник, вблизи которого 500 десятин земли было отдано под концессию Полякова.

В безводной степи вода имеет громаднейшее значение. Для завода она приобретает значение исключительное. Котлы, агрегаты и рабочие колонии нуждаются в постоянном запаса хорошей воды. Грязная щелочная вода выводит из строя котел раньше срока и является источником различных эпидемий.

Заботы о воде, которые привели неудачного строителя первого русского металлургического завода в Донецком бассейне мистера Гаскойна к берегам Лугани, привели мистера Юза к берегам Кальмиуса, глубокого котлована, разлившегося на полтора десятин.

В районе Смоляниновского хуторка на Казацкой стороне реки Кальмиуса промышлял хуторянин кулак, Яков Иванович Древицкий.

Зоркий, пронырливый, как степной волк, Яков Иванович обшарил балки и курганы на сотни верст в окружности, обрыскал лески и рощи, каменные кряжи, торчащие из земли и глиняные овраги, а также черные, как сажа сланцы — выходы угольных пластов.

На сотни верст в округности Древицкий знал открытые шахтенки, мощность пластов, размер их и угол падения. Неграмотный Древицкий был своеобразным маркшейдером.

Юз сразу оценил Древицкого и вовлек его вокруг в своих интересах.

Юз оседлал туземного хищника для своих колонизаторских целей и объездил на нем угольные и железорудные речники, каменные, силикатные карьеры.

За небольшие подарки, за ласковое слово, за стакан водки, Древицкий вместе с бульдогами сопровождал Юза на его экскурсиях, доставлял ему образцы угля, камня, глины. Юз старательно записывал все сведения добытые ему Древицким в книги, наносил на карты.

Древицкий привел Юза к Кальмиусу, к котловану, казавшемуся громаднейшим резервуаром для весенней воды с широким плоским дном.

Близость еленовских железных руд, мощные угольные пласты, смежность огнеупорной глины, известняка, доломита, определили выбор места для завода.

Но Юз не спешил.

Машины, котлы придут из Англии, а мелких инструментов—лопат, ломов, кайл, гвоздей, тисков, клещей и много других нужно было не мало.

Везти из Англии было далеко, а русские брали дорого и готовляли плохой инструмент. Каждый гвоздь, каждую пилу нужно было везти на волах из Таганрога или Мариуполя.

Юз открыл кузнечную мастерскую.

Кузнецов на месте не было.

Отрезанная от железных дорог и населенных пунктов, бесплодная, бездорожная степь не имела притока рабочей силы извне.

Приход работника был исключительным явлением.

Освобождение крестьян от земли, проведенное царем, привело к созданию больших резервов рабочей силы в селах, но все же эти силы нужно было привезти, чем-то прельстить, а это стоило дорого.

Юз применял хитрость, коварство там, где дело шло о деньгах. Рабочий вопрос остро стоял во всей угольной промышленности. С развитием строительства металлургического завода он должен был стать еще острее.

Директор-распорядитель Новороссийского общества, главный акционер, механик кузнечного производства, сбросив рубашку, повесив на гвоздь свою бархатную куртку, в которой в одной из петель болталась золотая цепочка с компасом и взялся за молот.

2—3 помощников Юз безусловно нашел и выковал в куз-

нице тачку, Юз перед самой хужиной сфотографировал и двух рабочих, помогавших ему. Эффект вышел колоссальный.

Первая тачка!

Степь, вечернее, летнее солнце, одинокая пастушья с рожка, покрытая камышом, низенькая псарня, стоявшая на пути к ней; два бородатых, высоких дядька вышли в степь и задумавшись остановились возле тачки.

„Запречься или удрать“?

Фотография должна была всех удивить оригинальностью и чудачеством.

— Чудак барин.

— Не барин, а кузнец.

— Барин. Цепочку золотую видал?

— А молотом как ворочает. Барин так не повернет.

— Барин.

— Кузнец. Англичанин.

— Кузнец—барин, кузнец—англичанин...

Юз прославился, как кузнец, английский кузнец, который приходит на работу в бархатной куртке с золотой цепочкой в петлице, обучает крестьянских парней кузнечному делу, да еще и фотографирует тех, кто отличится.

Фотография пошла гулять по степи, шахтам и усадьбам, создала легенду о Юзе-кузнеце, создала рекламу.

Юзу реклама была необходима...

Не идут мужики в шахту: страшно работать в „чертовой животе“. Темно, сыро. Для того, чтобы найти свой забой или „печку“ нужно было брать с собой лучину. Беда с ней. Только и знай что зажигаешь. Лучше б уж глиняный черепок с тряпочкой—светильник, но светильник в шахте только падает и копотью душит. Угольная пыль, смешанная с газом, вспыхивая трещит вокруг огня, будто стреляет.

Не идут крестьяне в шахту, бабы гонят, когда возвращаешься с работы. На чорта похож!

Спускается шахтер в бадье, катится вниз, как ведро в воротах.

Оборвется, от ведра одни щепки.

Юз 10 рублей дарит мужику. Не за работу, а только за то, что спустился в шахту.

10 рублей! Спустишься в шахту и поднимаешься—получаешь 10 рублей.

За фотографией пошла гулять десятка, единственная десятка, пущенная Юзом для рекламы, для приманки, показавшаяся степью и как вода поплыла оврагами, ущельями, блеснула красноватым отблеском возле саманной хужины бурлака.

Красненькая!

А вслед за ней молва.

— Чего там страшного?

После воскресенья сходить разве. Да и ходу всего — рст 5—10. После воскресенья много народа толпится вокруг шахты. Кто спускается ради любопытства, а кто и работает день-другой.

На пригорке крестьянин Науменко на заарендованной княгини Ливен земле посеял пшеницу. Посередине на поверхности оказался выход угольного пласта. Только на уборку пшеницы, а Юз с рабочими начал раскопки. Вытоптал часть посева. Дешева была пшеница на берегах Альмиуса. Но Науменко запротестовал:

— Потрава!

— Правильно! За потраву получай пятьдесят рублей.

Пятьдесят рублей!

Пятьдесят рублей!

Можно было сторговаться рубля за два. Пять десятин дешева мог бы купить Юз за эти деньги.

Пятьдесят рублей легендой покатались степью по крестьянским избушкам, по усадьбам, с восторгом и завистью повторяли их уста крестьян.

Вот где деньги!

Загребают люди!

За десятки верст приезжали мужики смотреть на кузницу легендарного Юза. Приезжали, молотом по наковальне стучали, а кто и нанялся на сезон.

Грудности, ощущаемые угольной промышленностью, Юз не считал хорошо. Все надежды углепромышленники возлагали на металлургический завод. Выдача двух концессий на постройку завода вызвала увеличение цен на угольные участки.

Опытные дельцы знали цену поляковской концессии, знали, что он изыскивает способы отказаться от нее, но в концессию Юза верили.

Всякий ажиотаж, вызванный строительством завода, был порожден Юзу. Другая сторона постройки кузницы — было желание скрыть от соседей шахтовладельцев темпы строительства. Постройка кузницы должна была охладить всех землевладельцев, которые захотели бы повесить ему цены на землю. Юз, мол, только лопаты кует, а копать будет когда-то. Таки, сразу разбогатеть захотели.

Летом 1869 года Юз, казалось, был занят производством невозможных инструментов в кузнице, но на самом деле производил организационную работу по закреплению угольных и железорудных земель. Работа в кузнице вносила в переговоры с крестьянами характер непринужденности. Спешить некуда.

За рубль-два аренды в год крестьяне Стылы, Каракубы, Боньки отдавали Юзу свои десятины. Юз арендовав и

288
земли крестьян и их инвентарь. Он давал крестьянам преимущества при перевозках и доставке ископаемого на место строительства, и этого было достаточно, чтобы крестьяне уступали. Копейка—редкий гость в степи, за нею крестьяне не тащились десятки верст в город. За копейку они возили продукты в город; пуд мяса стоил рубль и баранок рубль. Юз показал в степи копейку и имя его прогремело, имя его покорило.

С княгиней Ливен он заключил договор на эксплуатацию рудничных богатств в ее имении, раскинувшемся во все стороны на десятки верст, потому ли, что собственники обременяли ее громадные поместья или по доверчивости к знатному иностранцу, которому протезируют великие князья, а может быть по примитивности и простоте чувств свойственному варварам, но княгиня совершенно даром отказалась от недр в пользу Юза. Юз, правда, обещал ей арендную плату, но ее нигде точно не оговорили, ничем не гарантировали. О гарантии, как обязательстве со стороны арендующего добывать ежегодно определенное количество минералов, нигде не упомянули. Юз мог добывать, мог и не добывать и не платить, а в то же время лишал права владелицу сдавать кому-либо другому в аренду или самой эксплуатировать недра.

Срок договора определили вековой—девяносто лет.

А кроме того, княгиня отдала Юзу 150 десятин земли по его выбору под сооружение завода и для эксплуатации недр совершенно бесплатно на 30 лет. Этот подарок совершенно обесценил и те мелочные выгоды, которые Юз обещал княгине Ливен; ведь этих 150 десятин было совершенно достаточно, чтобы обеспечить будущему заводу уголь. Этот договор дал Юзу неисчерпаемые источники угля, огнеупорной глины и каменных карьеров даром. Новороссийское общество прибрало в свои цепкие руки громадные просторы подземных богатств в Донецком бассейне, не истратив ни одного фунта, кроме только оплаты гербового и актового сборов.

Одновременно с Юзовским в Сулине zaloжили Пастуховский завод. Юзу очень важно, чтобы его опытом не воспользовался Пастухов. Юз оттягивает свое строительство, он пускал все в ход, чтобы замаскировать свою работу. Он заложил шахту и начал исследования для железнодорожной линии от Еленовских руд к заводу. Осенью прибыли машины из Англии, прибыли и мастера, и когда степь покрылась глубоким снегом, Юз начал строить основной цех завода, начал строить домну.

Кузницу развернули в механический цех, кирпичный завод работал полным ходом целое лето, холод пригнал рабочую силу на завод.

По мере того, как вырастала домна, вырастало и бесчисленное множество многочисленных друзей и недругов Юза.

— Родит или не родит? — размышляли углепромышленники, которым завод был нужен, как потребитель их угля.

— Родит или не родит? — рассуждали соседи-помещики, которым успехи Юза обещали увеличение цен на землю, рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов и оживление края.

— Родит или не родит? — рассуждали дипломаты и военные стратеги и не только русские.

Всем было понятно, что успех Юза приведет к подражанию.

— Не родит! — ехидно улыбаясь говорили чиновники из того департамента, которые наблюдали понемногу за деятельностью Юза, но видели только его собак. Успех был бы для них провалом, ведь тогда навсегда отпали бы и мысль о казенном строительстве. — Не родит. Судьба ее будет такая же как и многих наших доверенных. Разве что нибудь изменилось? Уголь, руда...

— Должна родить! — кашлянул, как разозленный бульдог, крепкий, коротконогий Юз. — 35 тысяч фунтов, подающих джентльменом из Лондона, должность несменяемого фактора — неужели все это отдать обратно?

Юз оглянул степь вокруг, которая стала его собственностью, низенькие сооружения, амфитеатром расположились вокруг печи, рыжей, голой, похожей на открытый котел, с муравейником, отдающий все свои силы шахтам и железным, и повторил — должна родить. Этот рабочий не англичане, а английские аристократы, подбодряемые Гайлем и лордом Пальмерстоном.

В апреле задули печь и через три дня после небольшой задержки она осела. Сквозь фурмы видно было, как начался настил.

— Козел! — прокатилось вокруг.

— Козел! — эхом отозвалось в Петербурге.

Козел — захихикали чиновники из департамента горных дел, ибо у них воскресли надежды на казенное строительство.

— Козел! — чокаясь бокалами с шампанским, радостно хихикали уральские железорудные промышленники. — За Юзовского козла!

Юзовская руда была, как оказалось, негодная, бедная, местный кирпич слаб, дутье недостаточно, один кокс жирный, коксующийся соответствовал предъявленным требованиям.

Юзовская руда в районе реки Саксагань в Дубовой долине была найдена Александром Николаевичем Полем в 1875 году, и не была секретом для Юза. А. Поль подал в департа-

мент горных дел точные анализы найденных руд, отличавшихся большим процентом железа, искал капитала и приемлемых владельцев в России и за границей, но не находил. Поиски обследовал рудоносные земли не только в своей усадьбе размером в три тысячи десятин, но и соседние помещичьи. Руда, оказавшаяся высококачественной, не нашла предпринимателей.

Земля была ценна только своей черноземной плодородностью; каменные обрывы, меловые хребты, каолин и кварцит вызвали только сожаление у своих владельцев. Никому они не были нужны.

Юз снова оседлал Древицкого.

Потянулись длинные обозы от берегов Саксагани к берегам Кальмиуса.

Юзовские обозы вывозили железную руду на глазах местных крестьян и никого это не касалось. Крестьяне сказали спасибо за то, что гору срывают, прокладывают путь, и новые люди появляются, новое слово услышишь. Далеко от Кальмиуса до Саксагани, но до английского марганца еще дальше. Нажать нужно на возчиков, а еще сильнее на русскую казну, она должна заплатить за все неудачи. Не возвращать же обратно взятые акции. К еленовской руде немного прибавить криворожской и шихта готова.

Хоть и очень дешевый воловий транспорт, но доставлять руды должна была превзойти все коммерческие расчеты, должна была принести убытки.

Неужели Юз пойдет на такое дело?

Луганский завод, построенный Гаскойном, именно поэтому и закрыли, что дороговизна транспортных расходов лишила всякого смысла плавку чугуна на заводе. Неужели это возьмется?

Но Юз взялся. Он согласился на те расходы, на какие решались идти казенные чиновники. Оплатить все расходы должен рабочий и крестьянин. Через княгиню Ливен он уже внесли аванс.

Не возвращать же аванса.

И мораль, и мудрость того общества, которое выдвинуло его вперед, были против возврата авансов. Его бы высмеяли, покрыли позором, если бы он решился сделать это. Нужно выкручиваться. Что не годится казенному строителю, может пригодиться частному. Юз решил в соответствии с этими новыми обстоятельствами составить расходную смету строительства завода.

Сооружение печи тянулось долго. Снять козел было очень тяжело. Спекшимся комком, расплавленная и не сошедшая сваренная масса весом в сотни пудов застыла на дне доменной печи как мерзлая вода в чугуне, давила на стороны и форма напоминала усеченный конус.

Бегал Джон Джонович вокруг домны, взобрался наверх и полез в середину — кое-где кокс и известняки, обожженные огнем, застыли хрупкой коркой и напоминали гриву погрузившегося в середину чугуна чорта — козла. Из Англии приехал главный директор, кавалер ордена Бани, барон Вайзман, Петербурга кавалер Владимира третьей степени, генерал-поручик Герн — оба севастопольские герои, или герои Новороссийского общества с ограниченной ответственностью. Генерал Герн в новой военной форме, ведь в провинции можно показать могущество русского генерала. Кавалер ордена Бани в штатском, только из петлицы скромно выглядывала ленточка славного ордена. Скромность была тут лишняя. Под стенами Севастополя герой ордена Бани был свидетелем того, как русские усачи, как будто стадо расклевывавших буйволов, растоптали, уничтожили двадцатитысячный английский десант. Барон Вайзман не успел выскочить и только поэтому случайно остался цел. За свою храбрость или счастье он получил орден.

Пожимая руку бывшего своего врага — генерала Герна, барон отворачивался от красноватого крестика и прогонял мысль, случайно пронесившуюся в голове, что может быть на каком-либо фронте — на Дальнем ли Востоке, в Афганистане, или в Европейской Турции — снова придется гнать людей против другого вооруженных людей.

И чугун, выплавленный в этой домне, будет вылит на голову его земляков.

— Перенести! — коротко сказал генерал Герн, заметив трудности в выемке козла и улыбнулся. Козла можно было вынуть, только разбивая его на части или взрывая порохом, порох стоил дорого, доставать его тяжело.

— Печь? — спросил покрасневший Юз. Шутка казалась местной при таком большом несчастье, угрожающем благосостоянию целого общества.

Генерал Герн очевидно не разделял отчаяния мистера Ва и раз'яснил: „Козел остался бы на месте, как опрокинутый пудинг“.

— Генерал — храбрый, — едко бросил барон Вайзман. — Русский воин все переносит, англичанин не переносит.

В продолжение многих недель выбивали футуровку из штыков, ломали края козла и, когда он стал похож на блин, перебрали дно и спустили в вырытую под ним яму.

Похоронив козла, Юз взялся за перестройку домны или, вернее, за постройку новой, продолжавшуюся десять месяцев.

24 января 1872 года домну задули вторично. Она, как предыдущая, отличалась технической отсталостью. Она была оголенная, как не достроенная труба, без брони,

с закрытым верхом для завалки шихты. Конуса не было. На мостике сверху приделали своеобразный ворот, как на колодце, и он цепью поддерживал крышку над отверстием домны, закрывал ее, как заслонка трубы возле печи.

Дым и газы выходили в воздух через свечи, покрывавшие овраги гарью и копотью. Вытесненные шихтой и дутьем огненные потоки ринулись к рабочим, работавшим на мостках, которые при авариях или при наименьшей неосторожности вспыхивали факелами. Жуткое зрелище представляли эти факелы. Осенью или зимой дождь льет беспрерывно, дует морозный ветер, крепкий, как морской, наверху он еще сильнее и злее, чем внизу. Лицо обращенное к печи, горит, а спина стынет. Капли пота замерзают, колят как иголки. Без одежды никак невозможно. Одежда от огня защитит, иначе волдырями покроется тело, особенно у новичков.

Смена работает за сменой, как будто все хорошо. Вагончик за вагончиком переворачивается в ненасытную пасту, превращается в огненную жидкость и растекается струями чугуна вниз, вверх шлак. Вдруг крышка от внутреннего напора подбросилась, вспыхнул огонь, усиленный снизу дутьем, охватил одежду, промасленную нефтью и насыщенную газом, охватил одного или сразу нескольких людей. Люди загорелись как факелы: обезумели от боли и ужаса. Жертва бросается узенькой лестницей вниз к воде, бежит, и еще больше усиливает горение, подбежит к воде и падает обуглившимся трупом.

Жертву уберут, и на ее место станет новая.

Все строительство Юза отличалось примитивностью — единственный принцип его — дешёвизна, которая давала возможность получать большие барыши. Строить дешево, тратить денег поменьше — это главная его забота. Шахту он заложил вблизи завода саженой за сто, чтобы можно было доставлять уголь вручную. Для выжига кокса он соорудил обыкновенные кирпичные стены, в виде узкого коридора с завалкою сверху. Коридор разделен внутри деревянными балками, уголь зажигали через оконце, через которое подавали воду. Кокс был очень низкого качества, и выходило его очень мало. Гасить кокс приходилось тут же, возле самой печи, пожарным насосом, ведрами, а потом его выгребали из ямы печи, которую после значительного ремонта снова пускали в дело. Работа по выгребке коксовых печей была так же тяжела и вредна для здоровья, как и работа верхового на домне. Чтобы беспламенный коксовый огонь не сжег рабочего, другой рабочий лил на него воду, которая многократно превращалась в едкий пар, выедала глаза, легкие. На выгребке кокса работало обычно человек 8 и зарабатывали 12 руб. с печи. Выгребка кокса из печи длилась обычно два дня.

Коксовые печи были построены тут же возле домны, чтобы удешевить доставку; ручной тачкой подвозили кокс к домне, вагончиком просто из шахты доставляли уголь, руду и известняки привезенные на волах, выгружали рядом все вместе создавало толкотню и тесноту возле печи. Волы, лошади, крестьяне, возчики, шахтеры и рабочие доменщики беспорядочно суетились. Крики и ругань возле печи создавали впечатление какой-то ярмарки, как будто десяток хозяев спорят за одно место, стараются захватить его.

Для доставки угля из шахты к домне Юз изобрел своеобразный способ. От шахты к домне он устроил наклонный эстакад. Нагруженная вагонетка просто с эстакады катилась вниз к домне вместе с рабочим. Неопытному рабочему эта работа казалась самой легкой. Вагонетка сама катится вниз, рабочему тут и делать нечего. Присмотреть разве, чтобы не опрокинулась. Но работа эта была ужасна. Разгоняясь под собственной тяжести, вагонетка развивала все большую быстроту, чем ближе докатывалась вниз. От наименьшего толчка могла опрокинуться. Перебороть быстроту рабочего мог только собственной спиной. Становясь перед вагонеткой, упираясь ногами в шпалу, шаг за шагом спускал вагонетку горы. Поработав так час-другой, рабочий изнурился, спина превращалась в сплошную рану. Приходилось становиться лицом к вагонетке и спускать ее „на носках“. Борется с вагонеткой крестьянский парень, здоровый, высокий и изматывается от чрезвычайно тяжелой работы. Всю тяжесть приходится сдерживать ногами, которые через час или два начинают так болеть, как будто по коленкам били палкой. А часов бесконечно много.

К вечеру рабочий падал без чувств. Наезды на товарища, опрокидывание вагончика, ранения самого себя случаются очень часто.

У каждого рабочего развивалось сознание, что теперь или позже он опрокинется или товарищ на него наедет и калечит.

Но эта варварская механизация ускоряла и удешевляла доставку угля. И Юз использовал ее, как крупное изобретение.

Опрокидывание вагонетки влекло за собой штрафы и увольнения. Расчеты Юз производил дважды в году — увольнения сводилось просто к изгнанию с завода. Там, где не была квалифицированная сила, работали артельно. Сложность расчетов артельщика приводилась к тому, что артельный рабочий всегда был должен артели.

То задаток, взятый родными, то товарищи устроили еще гулянье — рабочий всегда был должен. Уход рабочего нес за собой месть со стороны артели, которая избегала к кулакам, побоям.

И уходить было некуда. В родном селе ребята найдут. На каторгу разве?

В этих условиях работы даже каторга была мечтой многих юзовских рабочих.

Самая интересная юзовская механизация—это были пудлинговые печи, которыми Юз хвастал, как собственным изобретением. На этих печах железо добывали простой ковкой. Несмотря на то, что мартеновские печи были известны, Юз, верный своему принципу (дешевизна), работал на пудлинговых.

В печи с тигельным дном чугунную болванку розогревали до полужидкого состояния. Длинной кочергой рабочий сбивал болванку в круглый комок, после чего ее ковали молотом. Чугунный хлам, старое железо связывали вместе и так его свешивали, рубили на полосы, снова связывали, варили в печи, ковали, а потом обжимали. После каждого нагрева иковки чугуна терял свою хрупкость, становился ковким железом.

Всю работу производили вручную. Поднимали горячую болванку пудов на десять весом также вручную. Человек десять вынимали ее из печи длинными рогаками, тянули долго, награждая проклятиями и руганью. Работа требовала громадной физической силы и Юз в этот цех набирал в большинстве здоровых и крепких людей.

Вынутую из печки тяжелую болванку, рабочий брал на себя, т. е. на плоскую двуколку, похожую на лестничку и передвигал к обжимному стану. Одному нельзя было работать возле пудлинговых печей, так как одежда быстро сгорала и несмотря на дешевизну, не окупалась работой.

Окруженная 60° жарой, работа требовала особого проворства, быстрых движений; наименьшая задержка угрожала увечьем самому себе и товарищу рядом. Одежда мешала. Приходилось работать полураздетому, искры сыпались на голое тело, били как пули. Кожа покрывалась волдырями, ранами. Работа на пудлинговых печах была ужасна, тяжела, но она не требовала никакой подготовки. Нужна была физическая сила, выносливость. Этого именно и требовал Юз от своих рабочих.

Юзовская механизация отличалась примитивностью и была рассчитана на дешевую рабочую силу, уголь, руду. Пудлинговые печи пожирали много угля и кокса, но угля у Юза было так много, что беспокоиться о нем было нечего. Юз вел свое хозяйство в высшей степени хищнически. Самое главное было выгнать барыши. Во имя этих барышей Юз по-хищнически уничтожал уголь, во имя этих самых барышей он закрывал глаза на беспорядки, которые приводили рабочих к увечью и смерти. Правда, не только Юз по-хищнически добывал уголь. По-хищнически добы-

или все углепромышленники Донбасса, но Юз превзошел их.

Отношение к рабочей силе со стороны Юза было такое хищническое, как и к углю. Угольные разработки Юза представляли собой абсолютное уничтожение угольных участков и угрожали жизни рабочих. Горный надзор был жесток, что говорить о нем серьезно не приходилось. Начальники горных разработок и окружные инженеры прежде всего старались закрепить за собой угольные участки. Инженер, Кепен, Летуновский, а за ними целый батальон чиновников и ученых специалистов горного департамента, ездили только приезжали в Донецкий бассейн, сразу прирабатывали к недрам, как Микула Селянинович к земле. Общность интересов окружных инженеров и промышленников диктовала общность мероприятий. Окружные инженеры были самыми жалостливыми плакальщиками о судьбе бедных углепромышленников.

Технический успех увенчал Юза ореолом славы, вокруг его имени создавались легенды. Никого не касалось то, какой ценой достиг он этого успеха.

О своих рабочих Юз не считал своей обязанностью заботиться больше, чем заботится о них сам бог. Для изуродованных, для обожженных рабочих он выделил хороший кусок земли и, верный своему принципу все иметь вблизи, кладбище устроил недалеко от домны, в центре своих предприятий.

Первой жертвой Юза был безродный парень, которого привлекало тепло. Почерневший на поверхности шлак капал ему застывшей кашей. Он неловко толкнул ковш — так вылился на него огненной массой.

— Воля божия! — говорил поп, приглашенный на похороны первой жертвы.

— Воля божия! — согласился Юз.

Задумая 24 января 1872 года домна разрешила проблему в Донецком бассейне окончательно. С каждой плавки работа домны ставала более надежной. Юз на ходу исправлял все дефекты, которые до сих пор служили непреодолимыми препятствиями. Значительную роль сыграла хворожская руда, о которой Юз распространялся немного. Коммерческая тайна и секреты производства были тогда в ходу; секреты производства Юз охранял самым тщательным образом. Для большего маскирования их он выписывал инженеров цехов и мастеров из Англии. В степях Донецкого бассейна выросла английская колония, замкнутая, живущая интересами завода. На работе разговоры велись на английском языке между англичанами и на русском — между русскими, и очень несложные разговоры между русскими и англичанами мимикой. Русских рабочих прини-

28

мали на неквалифицированную работу и к составлению шихты их не допускали. Обезличка русского рабочего была ужасающая. Если русский рабочий интересовался чем-либо „недозволенным“, то его немедленно прогоняли с завода. Это отразилось и на взаимоотношении рабочих между собой. Заметил рабочий какой-то беспорядок, хотел привлечь внимание мастера. Парень недавно из села, привык все замечать и докладывать.

— Не твое дело!

И если мастер не очень сердит, добавит: — я сам знаю, что делаю. Я может это нарочно. Свое дело знай и дальше не суй нос.

Но если мастер чем-нибудь недоволен, выругает и прогонит.

— На расчет!

После такой науки рабочий глаза закроет, если заметит беспорядок.

Секреты Юза были обеспечены особым договором между людьми и особенными льготами, которые Юз представлял своим землякам. Англичанам он платил щедро. Частное юзовское предприятие приобрело среди его служащих характер национального дела. Секреты Юза оберегали, как национальные секреты.

* * *

Голод бушевал по селам. Крестьянские бунты становились обычным явлением. Потравы, порубка леса, поджоги помещиков стали обычной газетной хроникой. Самодержавие цеплялось за каждый успех, укрепляющий его положение. Успех Юза был успехом российского самодержавия, и оно осыпало его своей щедростью. Вооружение русской армии, ее подвижность приобрели мощную базу. Царь становится неофициальным другом Юза, дарит ему бриллиантовый перстень, подчеркивающий интимный характер этой дружбы.

Перстень, как герольдия, как рыцарская подвязка, стал семейной ценностью и гордостью Юзов.

Но перстень перстнем. Юз не за славой приехал в Донецкие степи, Юз коммерсант, и к тому же он имеет обязательства перед титулованным букетом акционеров в Лондоне и Юз старается перевести свой успех и дружбу с царем на фунты стерлингов.

Как только он добился удовлетворительной шихты, он сразу начал добиваться продолжения премии по полтиннику с пуда рельс, с пяти лет до десяти. 15 тысяч фунтов в год или 150 тысяч рублей должна была дать эта премия. Кроме того, Юз поднимает ходатайство о том, чтобы ему дали монополию на поставку рельс для участка Харьков—Таганрог Азовской железной дороги. Юз использует свой успех, своих высокопоставленных служащих, чтобы нажать

а Полякова. Договор Полякова с русским правительством ускользнул из внимания Юза. Поляков ничего не сделал, чтобы построить завод, под который получил пятьсот десятин богатой углем земли возле Никитовки. Юз считал себя законным наследником концессии Полякова и наследником 500 десятин земли. Но с Поляковым договориться было легко было. Полякову было выгоднее покупать рельсы, переделанные из старых заграничных у Пастухова. С Поляковым, опытным дельцом, у которого были свои благодетели и высокопоставленные служащие, бороться было не легко. Но все же Юз добился монопольной поставки рельсов, правительство нажало на Полякова. Одновременно Юз добился гарантии для своих изделий.

Концессия, монополия, премия, гарантия—четыре грации окружили заботами и милостями захудалое производство Юза и оно начало быстро расти и крепнуть.

Русский рынок был неограничен, богатства страны неисчерпаемы. Чугун, железо необходимы были стране и для того, чтобы строить железные дороги, для сельского хозяйства, для военного ведомства—в громадных размерах.

Добившись гарантии для своих рельсов, Юз построил пудлинговые печи, которые с'едали много угля, много труда, несмотря на то, что мартеновское оборудование печей было известно. Гарантия дала ему сбыт для своих изделий, и он совершенно не заботился о качестве этих изделий.

Юзовские изделия с самого начала приобрели худую славу.

— Юзовские,—говорили покупатели, встречая бракованные чугунные и железные изделия. Но спрос был так велик, что приходилось покупать и юзовские.

Мерзость—говорили казенные приемщики о рельсах Юза. Но попробовали бы они отказаться принимать. Сразу поднимется крик и в министерских кабинетах, кое-кого припугнут, кое-кого подкупят.

Приемщик—чиновник, а русские чиновники начальству служат. Начальство приказало.

А Юз стремился получить продукцию как можно дешевле.

С большой настойчивостью проводил Юз этот принцип в строительстве цеховых зданий. Навес на коротких столбах, сложенных из кирпича и прокатный цех готов. Крыша в дырах, местами совершенно не покрыта—своеобразная вентиляция, изобретенная Юзом. Дым и газ устремляется в дыры, стелется густым облаком над цехом и падают обратно мелким ржавым градом и едким дождем.

Хорошо летом. Солнце заносит в эти дыры светлый луч, ветерок, гуляющий под навесом, хотя пылит страшно, но приносит прохладу и свежую струю в отравленные легкие. Но осенью и зимою становится невыносимо работать. Будто

28
черным брезентом заводской дым, густой как туча, накрыл котловину от края до края. Дыры в навесе закупорены, отравленный воздух неподвижен, газ повис над головой, и брошенная бумажка передвигается тяжело по полу, будто плавает. Будто по воде передвигаются ноги, скользят в липкой грязи на полу, небрежно настланном, где кирпичом, где булыжником.

Деньги.

Денег Лондон требует, деньги Петербург любит.

А рабочим?

На что рабочим деньги? Рабочим харчишки нужны, рабочим одеженка нужна.

Рабочий скотина. Все равно пропьет, трактирщику, лавочнику отдаст, изматает, растеряет—рабочему денег не надо платить, а то как монету получил—наутек.

Получку дать раз в шесть месяцев.

— Так и знай!—Пасха,—получка и рождество второй раз—говорили Юзовские мастера своим рабочим.

Юзу очень понравился этот способ расплаты с рабочими. За шесть месяцев состав рабочих значительно меняется. Люди уходят по болезни, по увечью, уходят из тоски к новым местам, из-за ссоры с мастером.

Юзу очень нравился этот способ расплаты с рабочими. Далеко от родины, от британских островов не только библейская мораль не беспокоит, но не насаждает назойливый Гайль, не тревожит джентльмен Персель *). Варварские страны управляются своими законами, своими обычаями. Оно даже звучит гордо, если цивилизованный англичанин не навязывает свою высокую культуру низшей расе, колониальной стране. Русские помещики и дворяне платят два раза в году, будет признаком джентльменства перенести этот обычай на свои предприятия. Русские предприниматели товаром платят из своей лавочки—будет джентльменством поддержать эти устои. Юзу этот способ расплаты очень приятен. Не все ли равно, кто на рабочем заработает? Лавочка хорошая вещь, она разгружает расчетный отдел бухгалтерии. Особенно лавочка удобна для расчетов с артелью. Артель по артельщику именуется: Егоровцы, Никитинцы, Петровцы, не нужно имен, не нужны фамилии рабочих.

Пришла артель на завод человек 10, получила приемку, нужно где-нибудь харчиться.

— Староста, похлопочи.

Принес староста из бухгалтерии записку в лавочку:

„Кредитовать артель Егоровскую“...

За артель действует староста.

Бухгалтерия в руках англичанина „Х“, расчетный отдел

*) Вожди английских трэд-юнионов.

руках англичанина, это не люди, а косточки на счетах—
кие и бесстрастные. Никаких отклонений от записи, ни-
кой пощады.

Лавочка есть филиал расчетного отдела и находится в
ежных руках.

— Соединить две артели в одну, да прибавить к ним не-
олько одиночек — заявляет лавочник артельщикам. — Счет

каждого отдельно открывать неудобно и для бухгалтерии.

— Соединить так соединить! — соглашаются артельщи-
нам не тесно.

— Сколько хлеба будете брать?

— Фунтика по два с половиною на-человека. Работа тя-
лая сами понимаете.

— Тридцать человек по два с половиною фунта — 75 фун-
тв хлеба в день! Так и пишу.

— Наших только десять поправлет один из старост дру-
го. — Ваших больше.

— Без тебя посчитаем — говорит другой.

— Крупы, соли, постного масла, просола? — спрашивает
лавочник.

— Как, ребята?

— По положению, — подсказывает лавочник.

— По положению, так по положению! — пыжится самый
плодой из артели.

— Мясо в мясоед тоже по положению?

— Чего там спрашивать? Оно, конечно!

— Мыло, табак каждый берет?

— Оно, конечно, разору не будет!

— Так вот, ребята, внушительно говорит лавочник, —
обы не было споров.

— Какие споры?

— Знаем же — мы вашего брата! Когда — брать споров нет,
как платить — галдеж подымаете, на 30 человек записы-
дем, потому что 30 человек у вас всего в новой артели.
Тобы потом споров не было. Кто подпишет?

Происходит маленькая заминка. Старост было несколько,
стал один.

— Подпишитесь, кто грамотнее — предлагает лавочник. —
вы одиночки помните вашу артель.

Искалчила вальцовка Иванова или Петрова, факелом на
амне сгорел Ефремов или Данилов, спился с тоски и сбе-
ил Никитин и Гаврилин, — смотришь, через месяц поло-
ины артели уже не стало. Продуктов же староста берет
олько, сколько у него по табелю числится людей, а ла-
вочник в лицевом счете артели пишет по своему: в графе
еба — кружечек, в графе мяса — кружечек, в графе соли — кре-
ик, в графе просола — черточка — все по положению. А если
т посетителей в лавке и нечего делать, лавочник запол-

няет графы в лицевом счете каждой артели, чтобы не забыть. Он заранее подводит итоги, чтобы не было спешки ко времени получки. Ему дела нет, что третий день одиночки поднялись внезапно, как сорока с куста, и подались в просторы степи. И жена лавочника на помощь приходит мужу и заполняет пустые графы крестиками, черточками и кружечками.

Все по положению.

— Смотри! — командует староста — лишних харчей не бери. По табели смотри, сколько людей, столько харчей.

Крестиками, кружечками и черточками заполнены графы лицевого счета каждой артели.

Скоро получка. Гудит завод перед получкой. Нажимают рабочие на старосту, гонят в расчетный отдел проверять все ли упряжки записаны, гонят в лавочку проверить забор

— Перебор!..

— Как перебор? Мы все воскресенья работали!

— В лавочке перебрали — сухо, как стук косточки на счетах, заявляет конторщик расчетного отдела.

— Мы все праздники работали!

— У меня записаны все праздники. Смотрите, все клеточки в табеле заполнены.

Артель, как стая воробьев в степи, несется из расчетного отдела в лавочку. Никто не думает больше об упряжках. Срываюся с работы и те, которые вышли на смену.

— Пересчитай! — кричит артель.

— Давно пересчитал, — невозмутимо отвечает лавочник — когда брал надо было считать.

— Всем пересчитай! — кричит староста из другой артели — из одной артели в другую может попало.

— На здоровье! — нагло шутит лавочник.

— Надо больше упряжек сделать! — замечает, кто-то из Юзовских радетелей.

— Дни-то где взять?

— Кончай скорей, — торопят вновь нахлынувшие в лавочку рабочие. — Пересчитать надо. — Лавочник уверен в своей силе и не сразу поддается. Он продолжает глумиться:

— Посчитай, сколько дней в календаре! — ехидно улыбаясь, говорит лавочник, подсовывая старосте большой календарь-энциклопедию, по которой просвещались верноподданные русского царя.

В нем названия всех ярмарок, всех уездных и губернских городов. Все дни престольные, все посты и праздники.

Ты безграмотный, так попроси грамотного, — кроет лавочник.

Староста по календарю ногтем отмечает, когда выбыл из артели Иванов да Петров, Никитин да Гаврилин. Количество упряжек правильно записал конторщик, а лавочник продукты на всех записал.

— Неправильно записал ты забор. Такого забора не было,—протестует артель, которая добралась до корня мошенничества.— По упряжкам забор запиши.

Лавочник деловито слушает, пересчитывает забор и поясняет артели:

— Ты в понедельник после Ивана Предтечи поступил, ну от. От Ивана до Филиппа, от Филиппа до благовещения, от благовещения до пасхи и дурак посчитает. Сто шестьдесят восемь дней. Хлеба по семьдесят пять фунтов в день — двести двадцать тысяч шестьсот фунтов, по две копейки — двести пятьдесят два рубля и выйдет. Так и записано.

— Так... То есть записано так, но...

— И крупа, и просол, и мясо... согласно открытому кредиту написано,—торжествует лавочник.

— Да мы ж его не брали, у нас с четвертой недели половину людей выбыло. По табели посмотри. Там правильно записано, сколько людей в артели работало? Посмотри, расчетный отдел справку дал.

— Не мое это дело. Можно не работать, а продукты забирать. Может ты на водку перегонял, свою артель обкрадывал,—нагло наступает лавочник, который старается опорожнить старосту, чтобы вызвать к нему подозрения рабочих.

— Да людей-же столько не было! — упрямится артель, лавочник кроет своим козырем.

Получки нет.

— До Троицы, что ли будем здесь работать?—шумят рабочие. Полевые работы надвигаются. Домой бы, а тут перерыв, все расчеты перевернул лавочник, на старосту намекает, бежать бы от такой артели, так урядник паспорта не даст. Куда ты без копейки побежишь? Шумят рабочие, бунтуют, грозят убийством старосте, идут к мастеру, а мастер высылает к артельщику.

Обирала лавочка артель до пасхи, обирала и после пасхи, работывала артель за летний перебор зимою, а за зимний летом. Не заводская лавочка, так частные обирали, которые открылись на „Новом свете“.

Рабочему денег нельзя давать: пропьет, изведет, пойдут пьянки, драки, во имя божьего милосердия надо этих людей держать под особым наблюдением. Лавочка рабочую силу берегает. И чтобы скрыть свою жестокость, свое хищническое лицо, Джон Джемс Джонович Юз заглядывал иногда в квартиру рабочего, отличившегося покорностью, выносливостью и самоотвержением. По случаю родин, крестин, свадьбы придет Джон Джонович, по праздничному одетый, спросит у рабочего, расспросит о житье-бытье на далекой родине, что похвалит, что осудит, посоветует что делать, пообещает знакомым родичам помочь, постелит мягко и в придачу приложит несколько аршин кумачу или ситцу.

— На память...

— Юз, сам Юз!..

Одураченные рабочие, усердные прихлебатели, лавочники и трактирщики раскажут и перескажут на все лады о высоких качествах Юза и его доступности рабочим.

„Англичанин, не то что наши“.

„Англичане — цивилизованная нация“.

Лишь бы дешевле.

И тем с большей настойчивостью проводил Юз этот принцип там, где дело касалось обслуживания рабочих.

Для себя Юз построил кирпичный особнячек с просторным собачником, коровником и конюшней. Плющ и дикий виноградник, акация и сирень служили декорацией для задымленного фасада, скрывали от нескромного взора жизнь хозяина, который в чужой стране крепко хранил обычай своей родины.

„Дом мой — крепость моя“.

Охрану Юзовской крепости несли бесчисленные его собаки.

Скромные и почернелые снаружи стены Юзовского особняка, собирали и берегли все то, что составляло особенность Юзовского рода и общественного положения. Картины, ковры, бабушкино и женино рукоделье, мягкая мебель обтянутая чехлами, собственные фотографические карточки разных размеров и разных поз в рамках круглых, четырехугольных, позолоченных и небрежно сколоченных из камыша и бамбука, украшенных раковинами и морским гравием.

Дома крепости Юз строил для англичан мастеров и механиков, правда, не особняками. Четырехквартирные дома были отгорожены друг от дружки досчатым забором и тоже создавали вид обособленности.

Для русских рабочих Юз строил на „Собачевке“ длинные и одноэтажные казармы и каюты. Не отгороженные друг от друга, без служб и дворов, без всякой растительности вокруг, домики представляли собою вид случайно наметенной мусорной насыпи. Ломанная посуда, мебель и рвань горами окружали казармы.

Рабочие на заводе прибывают и убывают, быстро меняются жильцы в казармах, как на постоялом дворе, не успев один выбраться, как его место занял другой, за чистотой некому и некогда смотреть. Квартиры обростали гнездами паразитов и превращались в рассадники эпидемий. Копоть и газ домен, чад многочисленных самодельных кухонь, смрад отбросов, помой, вонь из непокрытых отхожих, покрывали заводскую котловину отравой и превратили ее в долину смерти.

Но бараки и каюты были все-таки похожи на жилье.

надо было быть счастливчиком, чтобы попасть не только в 4-хрублевый балаган, но в рублевую каюту. Большинство рабочих жило в землянках, вырытых в обрыве как естественная пещера, в ямах на косогоре, едва прикрытых досками и дерном. Эти ямы назывались общими казармами для артели, тут находили приют члены семьи рабочего, которым завод ничем не обязан был, тут ютились беспаспортные, которыми завод очень дорожил. Изувечит вагонетка, убьет пудлинговая болванка или сожжет шлак паспортного рабочего, редко, но приедет кто-либо из родных, или просит письмом, присланным через волостное правление. Надо ответить, надо расчет выдать.

Убьет беспаспортного — концы в воду. Беспокойства не будет, расчета не надо.

На опасные работы Юз ставил беспаспортных.

Работа по выдаче шлака была самая опасная. На этой работе десятками горели люди и лошади. Заводской двор после домен был весь в крутизнах в извилинах, которыми Юз пользовался, как своеобразной помощью природы. На изовском языке это называлось: „использовать природные особенности места“. К летке, из которой льется шлак поднимали чан лошаадьми.

Налит чан до края, плещется огненная лава, трогает лошадь, — трепещет в смертельном страхе, — напирает на нее тяжесть — под гору, ей упираться надо, чаще брызгает шлак; волнение охватывает и лошадь и рабочего, который должен на ходу освободить лошадь из крючка, которым она соединена с повозкой и чаном и дернуть ее в сторону, чан и повозку пустить под уклон. И лошадь и человек инстинктивно чувствовали тот момент, когда крючек освобождал тележку и спасались бегством. Но часто рабочий не успевал освободить крючек, лошадь преждевременно соскальзывала в сторону и оба они делались жертвою расплавленной лавы.

Безвестные беспаспортные шли на работу по выгрузке шлака и для них Юз имел особую казарму, в которую не пускал заходить полицейский крючек. И лошадей Юз отбирал для этой работы самых старых, самых порченных. Юз жестоко штрафовал, если на выгрузку шлака запрягали лошадь без из'яна и молодую. Только рабочих он посылал на эту опасную работу без подбора.

В землянках жило по несколько артелей. Облюбовав себе угол, артель отгораживала себя от другой своими тюфами, инструментом и разным барахлом.

Семейные тоже городили себе углы в общей казарме. Дети разрушали границы, проведенные отцами, перескакивали друг к другу и получали за это дело пинки и подзатыльники. В казарме вечно стоял гул. Крики грудных детей, стоны

заболевших, храп уставших, создавали в казарме своеобразный хор, который продолжался и день и ночь. Кто стоит от боли, кто храпит со сна, кто поет спяна, кто по-свистывает лихим посвистом, ему одному понятную мелодию, а кто играет на гребенке. Кому-нибудь в этой толчее вдруг захочется танцевать. Раздвинув круг в аршин парень топчется на нем, приседает, подсакивает, хохочет, несколько не нарушая занятий своего товарища, который тут же возле разделся голым и сосредоточенно обирает вшей со своего белья, тут же расправляясь с ними. Все делается на глазах соседа, до которого никому дела нет. Все делается на глазах детей. Частые пьянки, драки превращали казарму в вертеп. Отдыхать нельзя было в казарме из-за вечного шума, царствовавшего в ней. Изнеможенные работой люди падали в бессильи и засыпали. Если рабочие завода чем-нибудь обслуживались, то шахтеры, являвшиеся огромным большинством Юзовских рабочих никаким обслуживанием не пользовались. Счеты и расчет вел с ними десятник через артельщика, который в отличие от заводского артельщика, рядившего людей в деревнях и городских посадах, набирал все то, что выплывали другие артели, набирал бегунов, бродяг и случайных людей. В артели люди менялись после каждой упряжки, рабочий за рабочим не мог уследить, не мог знать, с кем он состоит в артели. Власть над рабочим забирал артельщик, который, окружив себя несколькими помощниками держал в повиновении всю артель. Артельщик был неотъемлемой частью шахты и рудника. С артельщиком легче было договориться насчет неручных упряжек, насчет непредвиденных работ, артельщику можно было обещать могарыч и он наладит артель на неотложное дело.

Юз не любил и не поощрял подрячников, он видел в них будущих шахтовладельцев, промышленников и конкурентов, но всеми средствами поддерживал артельное начало, которое таило в себе большие просторы для производства для обезличения рабочего перед хозяином, для обжуливания и закрепления рабочего за предприятием. За спиной артели скрывались все мошеннические проделки, которые Юз и его помощники предпринимали для удешевления продукции, которая была невероятно дорога, через артельщика можно было достичь удлинения рабочего дня, и без того бесконечно длинного, помощью артельщика можно было вышибить из рабочего всякое сопротивление, можно было наказать непослушного и быть совершенно незамеченным на случай того, если наказание примет характер уголовного преступления. Вопросы охраны порядка и держания людей в повиновении нельзя было поручить одному лишь уряднику.

Рабочий, как зверь, побывавший в капкане, проявлял необычайную осторожность и недоверчивость. Шахтовладельцам приходилось изощряться. Пообещает рабочему набавку четвертак на упряжку и тут же предложит брать товары по высокой цене. Сойдет хищнику, пока рабочий поймет обман, а потом не пойдет на такую приманку. Надо выдумать что-либо посложнее, похитрее, но выдумать не всегда удается. Самое лучшее физическое воздействие, мордобой, членовредительство для проучки, но трудно одному да и не безопасно. На сцену выступает артель и артельщик.

Допустил рабочий неповиновение мастеру или недостаточное внимание к работе, мастер шепнул десятнику, десятник артельщику, а там свои же ребята на досуге спойненько проучат провинившегося. Изобьют члены артели своего парня, раскраваят ему лицо, изорвут одежду на нем белое белье, выбьют зубы, изгонят ободранного как „липку“ из артели и не скажут за что. Разве намекнет артельщик, или скажет через день, когда голодный парень придет просить:

— Чтоб ты мастера знал.

Или:

— Чтобы ты порядков не нарушал.

Избитый, издерганный сам будет в памяти перебирать, когда он мастера забыл, или когда он порядок нарушил. Мастер далек, а Юз еще дальше. Совершенно неожиданно вышла драка. При чем тут Юз, Юзовка, при чем тут Юзовский завод. Обычное дело.

— До пасхи полочки ждать, — чешет затылок рабочий.

Рассядутся артели возле дверей своих казарм, начнут рассматривать друг друга, кто с кем в одной артели работает, перекинутся словом резким, едким, бранным с тем, кто вдругую перекочевал. Скучно. Денег завод раз в полгода дает, а выпить каждое воскресенье хочется.

Горит нутро от злости, не дает покоя.

Эх жизнь-то!

Тушить злость водкой можно, но завод денег не дает. Надо ухитряться.

Как-бы там бутылочку раздобыть сверлит глазами самый молодой и молодых подмывает. Старики смирно отплевываются. Еще артель не собралась полностью, нет еще старосты, много есть путей к этой бутылочке, но трудные и изобретательные эти пути.

— Очередь чья, — спросит кто-либо из молодежи.

Оглядываются бородачи по сторонам, екает сердце. Не в бутылочке дело. Начнут конечно с бутылочки, и Волга не из Каспийского моря, а из небольшой трясинки начинается. Спустить придется все дочиста. И спустить можно, но где-то в далекой деревне жена осталась... отец, мать.

— Веселей, ребята, признавайся—чья очередь.

— Может моя—острит парень с расплюснутым носом, прошлым воскресеньем бывший в очереди.

— Дай носу выстояться, а то соплит—едко бросает молодой.

— За этим дело не станет—утрем нос, гладко станет.

— Молодой ты,—замечает бородатый мужик, проводя рукой по бороде.

— Погладь бороду вот так.

Бородач показывает на своей бороде и вызывает общий смех.

— Погладь, чего боишься. Молодой пыжится, безусое, безбородое лицо.

— Борода в козла, а упряжки на нем не пишут, оправившись гарчит парень.—У меня упряжек больше, чем у тебя.

— Так ты ставишь?

— Чего-то я?

Парень вскочил и звенящим голосом крикнул:

— Ребята!—поставлю, если бороду ему скосите. Такой уговор.

— Говорю молодой, а дурак еще—отыскивая кругом предмет для защиты, кричит бородач.—Ну скажи, кто праздник с драки начинается. Молодой приседает, обескураженный. Наступает тишина.

Ставим артельную, провозглашает кто-то из старших, обыкновенно опытный хоровод и заводило.

Старосту приводят к артели. Он сопротивляется, но его насильно будто заставляют. Каждое воскресенье одно и то же происходит, под каждый праздник одна и та же канитель, но староста должен фасон держать, хотя сам со всеми пьет и в драке участвует. Бутылочка артельная распита.

— Кто штаны в лавочке покупал,—спрашивает староста. Дело пошло по проторной дорожке.

— Сережка.

— Сережка, ну вали на толкучку,—говорит артельщик.

Сережкины штаны пошли на базар вместе с гурьбой рабочих, помощников, свидетелей и маклеров, чтобы лучше и скорей дело сладилось.

Одному, двум никак доверять нельзя, сами могут пропить выручку.

Сережкины штаны были только началом процедуры, как добывать водку, если нет полочки и если в заводской лавке водкой не торгуют, а трактирщик в кредит не дает.

Дело пошло в открытую.

Староста пишет записку в заводскую лавочку:

„Отпустить члену артели „Имярек“ в счет заработка артели товару по его выбору на 15 рублей серебром“.

Гурьба идет в лавочку, а парень, на имя которого написана записка, шествует торжественно впереди всех.

В лавочке толчея, десятки артелей успели уже давно проделать всю предварительную процедуру, которая ведет к записке старосты. Полки пустые, ходкие товары разобраны. На полках набросана в беспорядке сбруя, горшки, лопаты, цепи. Кое-что чернеет из мануфактуры. Ребята ищут глазами чего-нибудь легкого для продажи.

— Костюм давай — стрельнул запыхавшись — скорей.

Но лавочник не спешит. Он знает, в чем дело.

— Нет костюмов, — отсекает он. И чтобы поглумиться над парнем, прибавляет: — В следующее воскресенье придешь, только пораньше приходи.

Парень сует записку лавочнику, который ухмыляясь читает и говорит:

— Так тебе же не костюм нужен, какой тебе товар отпустить. Посмотри в полках, что есть. Остальные ребята ищут более ходкий товар, который можно было бы без большого убытка превратить в деньги. — Хомут бери, — подсказывает приказчик, который не меньше лавочника знает, в чем дело, и рад поглумиться. — Хомут — с сомнением возражает кто-то из толпы неуверенно.

— Гвозди бери, предлагает лавочник. Настроение у артели гадает. Дело может расстроиться, пройдет воскресный день без выпивки, надо энергичнее действовать.

— Ребята, сбегайте на „Новый Свет“ к лавочнику, может и гвозди возьмет, — шепчет один рабочий другому, — скорей.

Кто-нибудь из ребят бежит прямо через завод, через реку на „Новый Свет“ к лавочнику.

— Договорились!

— Берет, — радостно сообщает посланец.

„Новый Свет“ сначала появился против обнаженной домны в виде скромной вывески над трактиром, наскоро сколоченным из тонких досок и щепы. Не успел трактир обматываться шаманом, как появился еще один, выросла пивная одна и другая, появился лоток, коробок, лавочка, ямка, вырытая в земле, — куча лавочек. „Новый Свет“ собрал как грибом обсел завод. Трактирщики, пивники, лавочники и церковники роем комаров вились над потной рабочей толучкой, которую Юз крепко зажал в своей пухлой руке.

— Берет — радостно повторяют ребята и навьючивают на плечи ящики гвоздей. Кроме гвоздей ничего не осталось. Пока парень прибежал с „Нового Света“, другая артель набрала костюм, которого лавочник не хотел отпустить. Становясь в позу благородного рыцаря, он говорил:

— „Бракованный“. Предупреждаю, ребята... пеняйте на себя, если не подойдет.

— Хитри, — думали ребята, внимательно осматривая костюм.

Еще одна артель сигары взяла.

— Сигары остались да хомуты,—насмешливо говорит приказчик,—выбирай чего хочешь.

Лавочник выписал для какого-то начальника хорошие сигары с золотым ободочком по пятаку штука.

— Давай...

Рабочие берут коробки сигар для базара, а пока что ломают одну за другой, делят пополам, чтобы самому закурить, попробовать.

Рабочие разных артелей пошли на базар сбывать свой товар, чтобы деньги превратить в водку.

Каждое воскресенье и праздник шахтеры с окрестных рудников собираются на Юзовском базаре. Полиция тоже стягивает свои силы. Она ест рабочих глазами, так бы их всех, весь этот пьяный, грязный сброд собрала бы в куль, в рогожу и в Байкал, но не дает Юз. Сброд этот упряжки делает. Рабочих и так не хватает, особенно по понедельникам. Понедельник самый тяжелый день для завода, понедельник отличается авариями и обилием несчастных случаев. Отливы и приливы рабочей силы можно установить только после понедельника.

— Арестовывать, только в праздники, — говорит Юз через мастеров.

— Позвольте!

— В Петербург напишу — коротко говорит Юз.

На базаре продавцов много, товар идет к перекупщикам. Перекупщик брак сразу обнаружит и за пиджак, который лавочка отпустила за 8 руб., предлагает тройак, а гвозди лавочник совсем отказался брать.

— 8-мидюймовые неходкие.

— Отчего раньше не говорил?

— А отчего ты раньше не спросил?

После долгих препирательств лавочник соглашается брать ящик гвоздей за треть цены.

— Набавь — не краденый ведь товар.

— Если дешево, то и краденый неси, — парирует лавочник. — Вам деньги нужны — отсыпьте мне немножко. Вам товар нужен — отсыпьте мне немножечко, на то мы торговцы.

— Пусть давится нашим трудом, — решают ребята, которым надоела вся эта канитель.

— Ладно, бери.

Обозленные и ограбленные юзовской системой расплаты, рабочие жадно бросаются на водку, но ее мало, чтобы утопить в ней свою злобу, свою ненависть.

— Мошенники, ни за что забрали нашу получку, — жалуется один другому и все вместе.

В трактире гул, похожий на хриплый вой.

— Кто с лавочником за гвозди договорился, бей его.

— Кто дырявый пиджак советовал брать — бей его.

- Кто сигары брал — бей.
- Братцы, разве я... лавочник мошенник.
- Бей лавочника.
- Бей!

Из трактира вырвался клич на площадь, охватил яростью
массу, как шахту, массу. Появились женщины.

- Кишки наши мотают, кровопийцы, мотают кишки.
- Сбреют полголовы и на каторгу.
- Каторга... вот она каторга... бей ее.
- Пускай лавочку в прах.
- Разбирай, ребята, это наша кровь.
- Петуха красного пускай.

Завертелся товар в лавочке, запрыгал, как соль на огне.
Мешался сахар и керосин; табак, папиросы полетели в
каждую грязь.

— Ни нам, ни им!

Рубали топорами ситец, рвали бумагею, дырявили же-
лезными граблями сукно.

— Наши полочки — круши.

Так вышел первый бунт против Юза в 1874 году.

ИСТОРИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ИМ. Т. СТАЛИНА*)

Зная о блестящих данных инженера Свицына как администратора, Новороссийское общество приглашает его к себе директором завода.

НРО**) понимало, что старый Андерсон — консерватор, как и каждый порядочный англичанин. Он полагает, что завод может без конца работать на старых — раз навсегда установленных — основах. И когда кризис ударил металлургическую и угольную промышленность, директор Андерсон по-старому флегматически подписывал в кабинете, охраняемом полицией, разные ведомости, — как будто не он должен был создавать такую организацию работы завода, чтобы она по старому давала хорошие результаты при новых — худших — обстоятельствах.

Молодой энергичный Свицын, не раз высказывавшийся о своем уважении к американцам, их деловитости и размаху в работе — Свицын подойдет лучше Андерсона.

Американизированный директор на английском заводе. Прекрасно, — подумал сэр Монтегю Бальфур, наследник главы банкирского дома Огильви, инициатор предложения Свицыну.

Депрессия промышленности проходит, начнется новое оживление. Надо будет провести реконструкцию завода. Консерватор Андерсон не придаст эсому делу нужного размаха. Вот он подал проект увеличения продукции завода без его реконструкции — на старой базе.

Акционеры НРО были предусмотрительны — в войне всех против всех выигрывает сильнейший. Что было бы с благословенной Англией если бы она до сих пор оставалась с парусным флотом?

Свицын знакомился с заводом. Заложивши руки за спину, отчего грудь подавалась вперед, а шея вытягивалась, будто директор заглядывал во что-то высокое, летал он цехами протыкая воздух своей острой бородкой.

Двое городских, всегда сопровождавшие директора НРО и сторожившие его кабинет, подвергались опасностям заболеть одышкой, бегая за Свицыным, как полагалось, с

*) Отрывок из второй части.

**) НРО — Новороссийское общество.

лыми револьверами. Упитанные городовые, привыкшие сидеть у дверей кабинета Андерсона, так как он почти никогда не ходил на завод, с трудом перепрыгивали через забор и карабкались по штабелям готовой продукции — Свинон хотел видеть все. Особенно перетрусили они в мелко-артной прокатке, когда директор подался напрямик через лажажи, куда вылетали обезсиленные огненные змеи.

Директор знакомился с заводом...

Собственные шахты, руда и карьеры, дающие необходимый камень, собственные кирпичные заводы и другие вспомогательные предприятия.

Собственное большое имение, давшее возможность заготавливать на сельскохозяйственных продуктах, продавая своим же рабочим и служащим. В имении 400 лошадей, 100 голов породистого рогатого скота и 1.300 овец и т. д. — Бонский завод. Паровая мельница. Всего земли у НРО 10.000 десятин...

Даже собственный пивоваренный завод. В свое время Джон Юз запретил в поселке продавать водку и пиво. Этот жест наивные люди респектировали, как поход за трезвостью, которого можно было ожидать от человека, принесшего в степи скуку английского воскресенья с обязательным чтением псалмов. Все взрослые сидели с молитвенниками и Библиями, тоска наполняла коттеджи.

Дело объяснилось проще — Юз запретил водку, чтобы не было больше пива, а пиво запретил чужое. Продукция собственного пивоваренного завода рекомендовалась.

Юз создал то, что нужно. В капиталистической системе, где хищник от хищника отнимает добычу, где больший поедает меньшего, независимость от иных отраслей промышленности обеспечивает большую боеспособность в случае конкуренции, где все выступают против всех. Колонна Бонска, состоящая из различных частей, сильнее этих самых частей, взятых отдельно.

Комбинат НРО составлял мощный кулак, которым оно давило с ног конкурентов.

Юз обманул горнопромышленников, разрабатывал собственные шахты, рудоносная земля обоготворенного Белокрыжко обеспечивала независимость и относительно руды... Но вырастали новые заводы с более модернизированной технической базой, и на старика-завод могла напасть одышка в стремительном беге к большим прибылям. Его могли обогнать.

В продолжение 1909 года завод выбросил на рынок:

стальных рельс	31.134.321 пуд.
балок и швеллеров	1.104.449 "
заготовки и обжатой бол-	
ванки	397.513 "

железа кровельн.	324.039 пуд.
" резервуарного и ко-	
" тельного	427.546 -
" сортового	2.161.534 -
сеей, штанг, болтов и пр.	97.615 -
наковальни и разн. сталь-	
ное литье	20.611 -
чугуна переделного	1.323.250 -
" литейного	2.965.475 -
" зеркального	46.650 -
" ферро-марганца	115.500 -

Всего . . . 11.118.514 пуд.

Кроме того, отпущено было свыше 2 миллионов красного кирпича, 45.000 огнеупорного и 67.000 пудов негашеной извести. Из большой добычи угля в 75 млн. пудов НРО собиралось продать около половины, но реализовало всего 23.125.720 пудов угля и 1.733.488 пудов кокса, так как на Новороссийское О-во пошел походом „Продуголь“.

Свицын знакомился с заводом. Коксовые печи очень красиво горят ночью. Горящий вверху газ создает красивые красные языки пламени и кажется, что они выливаются темноту вокруг печей...

А издали красные факелы каких-то великанов. Их не видно — факелы над местом отдыха этих великанов, которые с утром двинутся в грозный поход.

Гигант-завод не спал. Мало спал и Свицын — скорее войти в курс дел!

Его не интересуют ночные виды и красные огни коксовых печей — точно так же, как и тех, кто возле них работали.

Свицына интересовала производительность печей, а работавшие возле них боялись штрафа за какую-то провинность — так мал заработок, штраф его разделит пополам...

570 коксовых печей, расположенных в четыре ряда, дают 20—25 млн. пудов кокса в год. Главная масса его идет в самый старый в Донбассе доменный цех.

Он состоял из семи печей — каждая в 23 метра вышиной. Печи отличались одна от другой размером горна, распара, колошника и числом фурм. В связи с этим производительность печей различна:

2 печи по	18.000 пудов в сутки
4 "	14.000 "
1 "	6.000 "

В 1910 году работали всего четыре печи с продукцией 45.000 пудов, причем одна печь выплавляла специальный чугун. Остальные медленно ремонтировались, так как перед тем на рынке была депрессия.

При домнах устроены вертикальные подъемники для

материалов. Дутье подавалось 18 паровыми вертикальными воздуходувками по 400 лошадиных сил без конденсации пара.

„Даром пропадает отработанный пар“, — подумал Свицкин. — „До сих пор турбодинамо не закончены“.

Пар для воздуходувок получался из двух групп паровых анкаширских котлов с поверхностью нагрева в 7.000 кв. метров. Дутье направлялось для нагрева в 19 воздухонагревателей системы Каупера с поверхностью нагрева в 4.500 кв. метр. каждый.

При доменном цехе два микстера по 150 тонн каждый поваривали чугунное литье мартенам.

При домнах литейные дворы. Могучим огненным потоком рвется чугун из домны, бежит приготовленным в песке орлом и наполняет формы, обнимающие и зажимающие огненную бурность.

В помощь формам воздух крадет у чугуна тепло и обратится он в холодный труп, который оживит человек, превратившись в деталь машины или орудия.

Шлаковые ковши „кукушки“ отвозят в конец шлаковой горы, напоминающей мол.

Перевернутся ковши, выливается шлак, стекает огненной речкой, отражающейся в небе нежно-рубиновым цветом... Зарево от шлака сливается с заревом от чугуна и пыл горизонт...

Кажется, сейчас взойдет солнце... Но стынет чугун, стынет воздух, еще больше чернеет ночь...

В зависимости от того, чем накормить домну, даст она обычный чугун, передельный мартеновский или бессемеровский или специальный: ферро-марганец, шпигель, ферро-фосфор, силикошпигель и т. д.

Когда Свицын проходит возле мастера Зеля, то вежливо ему здоровается. Зель так же отвечает.

— Штучка видать, — будто сам к себе говорит Зель, но слышит эти слова Коробков и кивает головой.

Волгину директор напоминает Западную Европу...

Если бы у нас была такая демократия...

Карко в мартеновском. Свицына прохватил холодный сквозняк — администрация НРО сэкономила железо и по цеху дул холодный ветер.

Ненасытные печи — шеренга из 9 — глотают шихту и зализывают ее жидким чугуном, чтобы переварить все в сталь... 1500 пудов в сутки.

Основной еде — скрапу, руде и известняку — нужен анкашевый, магнезитовый и доломитный гарнир. Мастера шепчутся на рабочих, те открывают ненасытные пасти и кормят их дополнительными деликатесами. Лепящее пламя бьет в лицо, нестерпимый жар обжигает

кожу... Когда умрет рабочий, знаток, посмотревши на цвет лица, скажет:

— Это был металлист. Из горячего цеха.

В лицо и грудь бьет нестерпимый жар, а спину холодный ветер. Буйный — донбассовский — он мечется цехом, так как администрация экономит кровельное железо...

Тяжело „мартынам“, поэтому обыкновенно это молчаливые и суровые люди. Они думают прямо, и когда вырвется какое-то неосторожное слово, ковшевой Чайкин Антон и формовщик Михаил Мельников извещает о нем пристава...

Огромный ковш разливает металлическое искристое литое в чары изложниц — от шести до двухсот пятидесяти пудов.

Когда остынут они, кран безжалостно хватает их, будучи коршун цыплат, и несет к платформам...

Заверешит „кукушка“, и серые еще горячие болванки подаются дальше — в нагретые печи рельсопрокатные или сваливаются ждать очереди...

Чугун из домен к мартенам, болванка от мартенов к рельсопрокатке. Там рельсы, балки и швеллера, а часть прокатанного продукта идет как болванка в мелкосортный.

„Никудышный цех“, как старосветский кирпичный завод, большая землянка, — думает Свицын.

Предполагалось строить новый мартеновский цех из шести печей на пятьдесят тонн каждая с полной механизацией завалки, разлива и т. д. Все краны должны были быть электрические.

Два конвертора бессемеровского цеха не работали. И сталь, главным образом, шла на рельсы, а заказов на них в этом году было мало и потребность в стали целиком удовлетворял мартен.

Свицын удивился — лучше остановить несколько мартенов. Он держался того мнения, что бессемеровская сталь лучше и дешевле мартеновской. А что бессемеры капризны, то нужно внимательно их приручать. Инженер должен быть всегда сильнее агрегата.

На мостовой цех Свицын смотрел с большими надеждами. Только что законченный, он мог принести большую пользу НПО. Вместо того, чтобы отправлять металл на рынок, снабжать машиностроительные заводы, целесообразнее выполнять у себя разные конструкции. Металл использовался бы на заводе, а конструкции давали бы большую прибыль. Заполнить стелаж в 10.000 кв. метров чего-нибудь да стоило...

„Копры и мосты — основное... Шахты возьмут копры, но тут не размахнешься... 800.000 пуд. может дать цех. Мосты... Нужно в министерстве путей сообщения разведать, сколько им потребуется мостов“...

Свицын улыбнулся. Если министерству не требуется много мостов, то нужно убедить, что нужно больше.

До 1913 года цех изготовил все мосты линии Одесса—Химач, включая огромные мосты через Днепр возле Черкасс, в 34 сажня и через Южный Буг в 230 сажень, а также мосты линии Армавир—Туапсе.

Бухгалтерия НРО не раскрыла своих тайн — какие суммы платили чиновников министерства путей сообщения, что нужно так много мостов и что они должны изготовляться именно на Юзовском заводе.

Директор Свицын был за американский размах в работе и смело использовывал российское взяточничество, не являясь исключением среди промышленников. Но часто инициативу Свицына связывала „Продамета“.

В кузнечно-котельном кипят паровые молоты — десять разного веса — от четверти до пяти тонн, шипят так, что держит кто-то горячую вещь, печет — не выдержать... бросает...

За шипением глухой удар... Могучий вздох облегчения. Пятитонный молот — послушен. Иногда его властелины бросали с полной высоты, чтобы забить пробку в бутылку, которая оставалась целой. Иногда под такие молоты клали неизвестных мастеров и останавливали их на волосок от чепе.

Молоты выполняют сложные поковки — куют, например, двух- и трехколенчатые валы с диаметром до восьми дюймов.

Уханье молотов — покрывают бесконечные, надокучливые, миллионы ударов клепальщиков. Они отдаются в шпине даже тех, кто работают в другом конце цеха...

„Глухарский“ цех...

На заводе и рудниках НРО около 5.400 котлов, есть что выпать „глухарям“!..

Дыропробивные станки, два станка загибать железо, шлифовальные...

Массовое производство шахтных вагонеток... Костылей котлов... Разных штамповальных частей для машин по своим чертежам... Переносные железнодорожные узкоколейные пути по системе Дольберга...

Присматриваются к новому директору Задависькевичу, Ережю, Николаю, Артемчик, Иван Захаренко с партийным руководством — „Черный“...

Свицын гонял из цеха в цех. Все увидеть собственными глазами, оценить, взвесить, что и как расширить. Предпочиталась большая модернизация завода. Не пар должен был быть решающей двигательной силой, а электричество...

В химлаборатории директор обратил внимание на молодого юношу.

„Вероятно из старой интеллигентной семьи... Скромный какой... Настоящий лаборант, пастуший в профессора“.

Федор Зайцев был принят в лабораторию мыть посуду. Заведующий оценил его внимательность и заинтересованность анализами и разрешил ему помогать лаборантам.

Глаза сосредоточенно следили за анализами, а мозг никак не мог разрешить вопрос, почему каталь и профессор служат кучке акционеро-в, почему ради их барышей девять его братьев и сестер погибли в младенчестве, не выживши в землянке, почему брат Петя все время болеет и очевидно останется глухим.

Отец, вымученный заводом, мечтал о легкой работе для выжившего случайно сына и устроил его в книжном магазине Червонного и Фадеева с заработком в 5 рублей в месяц.

— Любишь читать, там до гибели книг.

Но читать не пришлось—хозяин заставлял вертеться колесом перед покупателями, забегать вперед и открывать дверь, выносить покупки приехавшим в фазтонах, разносить их по домам, а в свободное от торговли время мыть хозяйские галоши, ставить самовары и т. п. На ругань и крик обязательно отвечать:

— Что угодно-с?

Если мальчик не являлся „на носках“, или просто хозяин был в плохом настроении, не раз доставались подзатыльники...

Заявить нищенски живущим родителям о том, что он хочет бросить работу, не могло быть и речи. Подросток вместо лавки стал уходить на речку, пока об этом не узнали.

Было обидно, когда дома называли дармоедом, но идти к Червонному и Фадееву—ни за что!

Отец упрямо не хотел вести на завод:

— Высосет, как меня...

В конторе на „входящих“ не удержался—о многом думал, о несправедливости, о пьянках и драках нищенствующих рабочих и делал ошибки.

В лаборатории приборы, печи, препараты... Анализы каменного угля, кокса, руды, флюсов, шлаков доменных печей, разного чугуна и стали, огнеупорных материалов, колошниковых и генераторных газов, воды, смазки и т. д.

— Как часто берете пробы угля?—спросил Свицын.

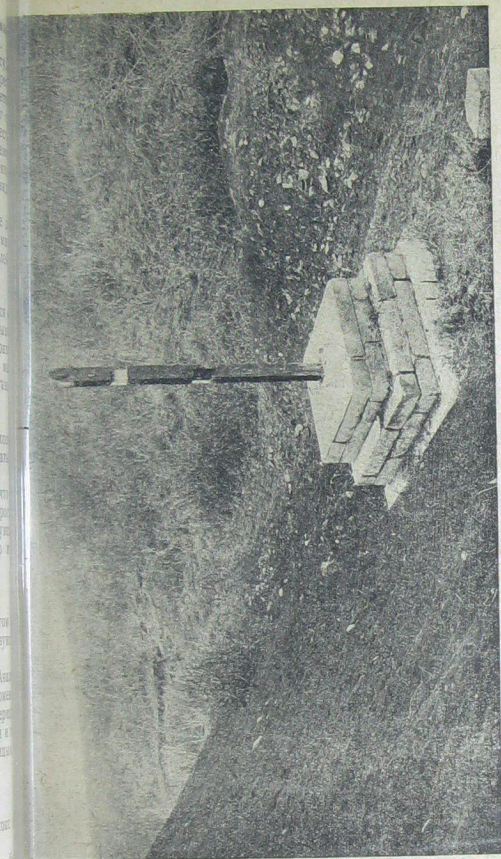
— Раз в месяц со всех шахт.

— Кокса?

— Два раза в месяц, господин директор.

— Уголь, идущий на коксование, и готовый кокс анализировать ежедневно!

И запахнув полы сюртука, быстро повернувшись, бежал дальше, не слушая возражений, что не хватит лаборантов.

Место расстрела рабочих Юзовки в 1907 году.

В механической лаборатории станки, прессы для испытания металла и строительных материалов на растяжение, сжатие, выгибание, сворачивание и твердость. Для проб на удар в соседнем помещении оборудовали копер с электрической лебедкой.

Свицын нашел в комбинате все, что было нужно для большого размаха в работе, но всюду лежала печать скупости и опасения истратить лишнюю копейку, когда она сразу не даст 50% прибыли.

Начинался промышленный под'ем, НРО со своими методами хозяйствования — консервативными, как у владельцев английских майоратов — могло оказаться в хвосте.

Свицын подал акционерам свою оценку положения завода и соображения относительно самой необходимой реконструкции. Акционеры согласились и к сорока тысячному директорскому содержанию прибавили полпроцента прибыли завода — директор будет увеличивать производство завода, если и сам будет в этом „кровно“ заинтересован.

Ведь просиживал Альберт Юз дни и ночи возле домен, которыми ведал. Кроме акций и содержания, Альберт Джонвич получал еще полкопейки с пуда чугуна — вот и старался больше его выплавить.

А доменные газы вредны. Нажил туберкулез и подался с мистрисс Юз — когда-то очаровательной пани Пташинской в Италию. Пойманный на месте преступления с чужой женой молодой Юз заплатил тридцать тысяч „за развод“ и, вероятно, старался выплавить больше чугуна, чтобы покрыть непредвиденный сметой расход.

Во-первых, Свицын расширил бухгалтерию.

— Я должен знать, что у меня есть, и что дает каждый цех и агрегат.

Налаживать в конторе учет посадил инженера Белокура-Григорьева — одноглазого, закрывавшего свой изъян темными очками. Инженер знал, что он должен учитывать и мог практически с производственной точки зрения оценивать мертвые для других цифры.

Если раньше служить в конторе могла только интеллигенция — определенная каста своих для НРО людей, то Свицын расширял штаты, набрал „демократического“ элемента — опять таки производственно-грамотных рабочих, понимавших, что они считают. А во-вторых, это было начало свицынской политики максимального разложения рабочих, которые могли ожидать всяких благ, если будут покорны и старательны. Служащие в конце учетного года в зависимости от размера прибылей получали премии.

При „помощи“ Свицына некоторые англичане пошли за Андерсоном. Особенно рабочие были довольны удалением мистера Стырса из литейной — чрезвычайно грубого и хамо-

того человека, криком, а часто и рукоприкладством по-
тешавшего свое неумение руководить работой. Часть своего
дья, более тонкого, НРО заказывала соседнему заводу
Киссе. Там работал мастером немец, который имел необходи-
мые знания. На Юзовском заводе никогда не было англичан-
мочих. Входя в контору рабочим, сын Альбиона выходил
мастером-надсмотрщиком за русской рабочей скотинкой.

Свицын сразу поднял заработок рабочих. Квалифици-
рованные получили от 15 до 40% прибавки, чернорабочие
только по 10—15 копеек.

Чтобы иметь на кого опереться в первый момент, Свицын
написал из Брянского завода нескольких мастеров и до-
стоинных квалифицированных, преданных себе рабочих,
которые официально должны были передавать свой опыт
новцам, а неофициально заниматься среди них шпионажем,
бегать глазами и ушами господина директора.

Английским традициям разложения пролетариата Свицын
нашел большой размах, как и всему, что он делал.

Сэр Монтегю, лорд Бальфур почему-то сразу затосковал
на доброй старой Англией. Он, последив за работой нового
директора, совершенно успокоился — в его гибких и твердых
руках завод будет золотым неиссякаемым колодезцем для
банкиров, в первую очередь для банкирского дома
Бальби, где главой был Бальфур-старший.

Так уже велось — на заводе всегда был кто-нибудь из
банкиров поважнее. Вместо биржевого волка когдеш-
него участника грабительской англо-бурской войны, приехал
Рейльон, неопытный в вопросах промышленности и фи-
нансов теляенок, который должен был учиться уму-разуму
у Свицына. Молодой джентельмен был достойным ком-
паньоном для Локсли в футболе, а также предпочитал
развлекать своих дам сердца, которых у него от скуки
было порядочно, бегом в мешке, тонкостям производства.
Свицын успокоил Бальфура, но встревожил подполь-
щиков. Но некоторым даже нравился — Волгину, например,
Чикирисову...

Капитализм нарочно расслаивает рабочих, чтобы сплюс-
нуть с буржуазией ничтожную кучку верхушек рабочих
масс. С ними стычки будут неизбежны" (Ленин. "Доклад о
деятельности СНК на III съезде Советов").

— С ним можно будет сговариваться. Это умный чело-
век — говорил Волгин.

— Простой и прямой, — добавлял Чикирисов.

Вместе с новым директором на завод пришла Европа.
Сэр Андерсон, как и Джон Юз, был любителем лошадей,
Свицын купил себе автомобиль.

Эта машина положила начало большой карьере рабочего
технического цеха Кошеленко. Мотор почему-то громко

хлопал. Кошеленко рискнул взяться за его исправление и достиг бесшумной работы.

Кошеленко попадает в орбиту свицynского внимания, становится механиком, путем самообразования знакомясь с теорией. Изобретает трехпатронный станок для расточки колес и рационализирует станок для расточки букс шахтных вагонеток. Первый станок давал 110 колес за смену в то время, как на обыкновенном токарном выходило всего 10—15.

Кошеленко рационализирует ряд строгальных и долбежных станков, что уменьшило количество получаемых из Америки станков.

— Смотри, Кошеленко, — пошутил раз Свицын, — смотри, чтобы тебя не убили.

— Как?

— Ты же подрываешь американский экспорт станков. Американцы — народ деловой, им дешевле будет нанять кого-нибудь тебя убить, чем терять прибыли от твоих станков. В Америке это просто...

— Так у нас же не Америка, — несколько встревоженно возразил Кошеленко.

— Но станки американские здесь и агенты фирм, которые ими снабжают, тоже.

Когда-то Кошеленко сидел в тюрьме за причастность к подполью. Теперь он „переоценил ценности“, ему было не плохо, а тут Свицын пугает американскими агентами...

Свицын шутил не только с Кошеленко. Летая цехами, он частенько останавливался поболтать с рабочими. Ходил на свадьбы и на крестины или посылал своего представителя с подарками. Конечно, не ко всем...

Масса для него была покоренным зверем.

В разговоре с рабочими не раз говорил:

— Вот когда переоборудуем завод, тогда заживем...

Увеличилось количество парной воды, развозимой по квартирам, ремонт заводских квартир лучше делался, своевременно... Можно было остановить директора в цеху и попросить у него кровельного железа или кирпича на ремонт собственного домика...

Директор на листке из блокнота писал выдать...

Не всем...

Если мастера за старательную службу раньше получали ежегодную прибавку к месячному жалованью в размере трех-пяти рублей, то Свицын давал десять-пятнадцать.

Казалось, каждым своим жестом директор говорил:

— Старайтесь, и мы вас не забудем...

Снижать цены в борьбе с конкурентами, давать продукцию легче и дешевле — какой смысл, если можно без хлопот загребать дивиденды.

В конце 1901 года на XXVI съезде горнопромышленников России было принципиально решено объединить в синдикат железообрабатывающую промышленность, и в следующем году создается „Продамета“ („Первое Акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов“) с основным капиталом в 900 тысяч рублей. Вслед за этим возникают другие общества — для продажи чугунных труб, вил, проволоки и т. п.

В 1905 году создается „О-во для торговли минеральным углем Донецкого бассейна“ — „Продуголь“.

Эти два синдиката сыграли колоссальную роль в развитии донецкой промышленности. „Продамета“ окончательно организмовалась и окрепла в 1909 году, и уже через три года в ее руках было почти все производство железа в России.

Название продукта	Всего в России на рынке	Выпущено „Продаметой“	%%
Листовое железо	60.565.025	50.632.436	83,49
Листовое железо	17.682.556	13.448.822	81,23
Балки и швеллера	17.332.177	16.470.670	95,37
Железнодорожные рельсы	35.880.000	27.291.000	75,76
Бандажи и оси	2.784.821	2.734.821	100

От 75 до 95% железа, поступавшего на рынок, находилось в руках „Продаметы“. Ясно, что синдикат мог регулировать продукцию и цены как хотел.

Капиталы „Продаметы“ были почти исключительно французские. Львиная доля принадлежала франко-бельгийскому капиталу, шестая часть немецкому и двенадцатая — русскому — исключительно в отрасли сортового железа, при этом была группа предприятий, где русский капитал участвовал только частично, примешиваясь к франко-бельгийскому. Исключительно в руках заграничного капитала было концентрировано 68,95% сортового и 77,60% листового железа, 76,60% всех балок, 68,93% рельс, 85,50% бандажей и 85% осей — из всего количества объединенного синдиката.

К нему принадлежали крупные донецкие металлургические заводы, акции которых котируются на парижской и Брюссельской биржах. Среди них и Юзовский завод, в котором между собой боролись английские и французские банкиры.

Поэтому лорд Бальфур, спокойный за работу завода, переехал в Лондон, чтобы быть на одном из участков боя на Лондонской бирже. Вместо послушных „тоби“ — английских солдат, которых он бросал в атаку на буров, лорд

Бальфур бросал теперь в бой полки акций и других ценных бумаг. Трудно найти таких полководцев, которые применяли бы такие хитрости, как биржевые волки. Жажда наживы и азарт крупной игры заставляли мозг спекулянта лихорадочно работать, он максимально напрягался и часто рождал совершенно безумные комбинации, которые, однако, осуществлялись—мозги биржевых акул и мелкой рыбешки одинаково были отравлены тем же ядом наживы.

Биржевик боролся с биржевиком, ставки сплошь и рядом считались семизначными числами, а массы мелких вкладчиков, имевших ценные бумаги разных предприятий, являлись только лишь стадом овец, которое отправлялось на ту или иную бойню. Игра на бирже—как опиум. Не раз люди теряли последние копейки и все несли в храм биржевого молоха.

Если бы биржа раскрыла свои тайны, если бы можно было о них рассказать, получилась бы потрясающая книга, могущая конкурировать только лишь с описанием деяний Интеллижанс сервис—английской охраны, своими провокациями охватывающей большую часть земного шара.

Новороссийское общество составляло исключение—его завод не зависел от углепромышленников. Что же касается основного большинства металлургов, то они, создавши синдикат для ограбления потребителя, косились на „Продуголь“, созданный с той же целью. Точно так же, как и на „Продаруд“, „Продвагон“.

Если два последних синдиката не развились до угрожающих металлургам размеров, то „Продуголь“ их очень беспокоил. Он регулировал добычу угля и цены. Два отряда хищников стыкались в противоположных интересах. От „Продаметы“ шахтам был нужен металл, а заводам от „Продугля“—топливо.

В 1912 году из общей добычи Донбасса в 1.087 миллионов пудов „Продуголь“ добывал 638.058 тысяч пудов, т. е. несколько больше половины.

Как видно, „Продуголь“ был слабее „Продаметы“ относительно охвата своей отрасли промышленности. Причина здесь проста—рудников больше, чем заводов, им труднее торговаться о деле в общей добыче. В угольной промышленности, кроме больших акционерных обществ, были владельцами шахт и рудников отдельные лица—„дикие“ предприниматели. Будучи малыми хищниками—пока,—они питали надежды вырасти, поэтому на ограничение их добычи „Продуглем“ им было не выгодно соглашаться. Что же касается „Продугля“, то ему, как щуке, не было смысла, как с равным, договариваться с каким-то там карасем—его надо проглотить.

Развитие капитализма в России переходило на высшую

пень—все более решающую роль начинали играть банки и синдикаты. Как и в „Продамете“, первые скрипки в этом разбойничьем оркестре принадлежали иностранному капиталу—81% капиталов падал на долю франко-бельгийских банкиров.

„Продамета“ держала страну на голодном металлическом языке, это самое делал „Продуголь“ по линии топлива. По мнению синдиката, 20 млн. пудов угля Жилловского рудника совсем излишни, и рудник закрывается. Многим издается приказ сократить производство. Если этот приказ невыполнить и продать больше, чем обусловлено, то следовало платить „Продуглю“ пеню в размере 10 копеек с каждого пуда.

Члены „Продугля“ не развивают всех своих производственных возможностей. Из следующей таблицы видно, как уменьшилась добыча угля (цифры за 1913 год):

	Фактическая добыча	Возможная добыча
Брянских каменноугольных рудников	32,93 млн. пуд.	59,5 млн. пуд.
Бовское О-во	42,47 „ „	51,5 „ „
Государево-Байракских рудников	16,81 „ „	26,0 „ „
Екатерининских рудников	9,82 „ „	31,0 „ „
Ириновское горнопромышленное О-во	57,83 „ „	70,0 „ „
Ириновское к.-у. О-во	21,77 „ „	22,0 „ „
Коренев и Шипилов	14,65 „ „	19,0 „ „
Никитовских рудников	15,31 „ „	24,0 „ „
для разработки камен. соли и др.	44,78 „ „	55,0 „ „
Прохоровских к.-у. рудников	27,87 „ „	37,0 „ „
Смо-Русское к.-у. О-во	51,00 „ „	81,0 „ „
Шо-Марьевка	35,92 „ „	37,0 „ „
Шко-русское О-во Берестовицких рудн.	26,77 „ „	38,5 „ „
Итого	407,96 млн. пуд.	551,5 млн. пуд.

Только эти 13 предприятий не додали стране почти полмиллиона миллионов пудов в год.

„Продамета“ действовала точно так же. Сразу закрывался прекрасный оборудованный отдел проката сортового

железа и балок Никополь-Марипольского О-ва, на „РусскомProvidance“ уменьшается выработка листового железа и т. д. Политика синдикатов явилась причиной металлического и угольного голода в стране. Россия с ее колоссальными возможностями плелась в хвосте — капитализм имеет целью не развитие страны, а интересы прибылей.

Военный союз России и Франции обуславливал привнесение миллионных человеческих жертв со стороны России на пользу французских банкиров и рантье. Казалось бы логичным, что один союзник беспокоится о мощи другого. Правда о союзе говорилось только „высоким штилем“ в выступлениях дипломатов и в прессе. А в самом деле Россия была вассалом Франции. Французские ростовщики давно купили русского белого царя займами, которые Россия никогда не могла бы оплатить — проценты росли скорее, чем государственный бюджет. Российская бюрократия, полиция и жандармерия дорого стоили стране.

Франция должна была бы беспокоиться о силе своего вассала, но банкир предпочитал считать дивиденды, а рантье стричь купоны. Дивиденды были велики и так, зачем еще беспокоиться. Пусть Россия живет по своему принципу — Шапками закидаем.

Устав „Продугля“ — абсолютно секретный — лежал в Париже. Потребителей интересовал не так устав, как практика синдиката. Царский бюджет всегда дефицитен, поэтому управление железных дорог не могли не беспокоить цены „Продугля“.

Протестовал против его политики и потребитель. Екатерина нославская городская управа выступает против синдиката, всегда агрессивный буржуа Гучков беспокоится о военной мощи России. 106 депутатов Думы беспокоят Столыпина докладной запиской о синдикате, министр путей сообщения докладывает совету министров об убытках железных дорог и спрашивает, имеет ли он право поддерживать отдельные фирмы, чтобы осилить „Продуголь“. Совет министров приходит к заключению, что надо как-то ограничить аппетиты синдикатов и трестов.

Но заграничные банкиры имели могучий рычаг. Когда спекуляция „Продугля“ вызвала правительственное расследование, сразу упали курсы бумаг донецких предприятий. Вслед за ними упали русские государственные бумаги...

Перед угрозой финансового краха правительство должно было отступить и прекратить расследование.

Оно все же успело раскрыть интересные вещи. „Продуголь“ имел самую тесную связь с хозяйственным комитетом министерства путей сообщения, и он извещал синдикат о ценах конкурентов, о заказах и т. п. Во многих учреждениях делалось все необходимое синдикату — даже задерживали

равительственные распоряжения и телеграммы, чем-либо невыгодные „Продуглю“, а то и совсем исчезали.

Сам министр фон-Шауфус был на службе у синдиката... Раскрылось бы много кое-чего, но банкиры в Париже ждали кнопки...

Финансовый капитал солитером истощал страну.

Финансовый капитал—опора империалистических войн. Рабочие были беспомощны перед грозными синдикатами. Они диктовали цены на продукцию и на рабочую силу. Неизменно жала чудовищная машина эксплуатации, и нигде нельзя было найти отдушины.

Она была только одна — та, что могла вырвать взрыв революции.

Эпоха финансового капитала—эпоха империализма и пролетарских революций.

Сразу после основания „Продугля“ Рутченковские рудники, в него не вошедшие, были принуждены сократить свою добычу на 20% и очутились перед угрозой потери сталей своих контрагентов. Такая же судьба ожидала и будовские рудники. Все вблизи Юзовки.

„Продуголь“ наступал на „Продамету“ и, диктуя свою цену заводам, не имеющим собственной угольной базы, решил ударить и по наиболее сильному Юзовскому заводу.

Углепромышленники имели давние счеты с НРО, Юзово обманул их аппетиты, построивши завод с собственной угольной базой, дававший также топливо на рынок.

НРО выкрато жирные угольные, лакомые, куски, и „Продуголь“ решил его теперь несколько проучить. Там, где продавало свой уголь НРО, появились предложения „Продугля“ — более выгодные материалы.

Но заказчики НРО имели от него не только уголь, но и металл...

Тогда „Продуголь“ заходит с тыла. Он доказывает, что уголь НРО низкого качества.

Этого никак нельзя было сказать о смоляниновских жирнейших углях НРО, но разве в капиталистических странах не раз доказывали, что совершенно нормальные—но опасные люди — сумасшедшие.

Здесь же дело более легкое—уголь. Он молчит. За него говорит лаборатория, а их руководители продаются, как и все в капиталистическом обществе, начиная от государства и кончая кастрированным мальчиком, необходимым для „ангельского“ хора римского папы.

Но Свицын не мог позволить разбить себя...

Морщились акционеры НРО—дорого стоят лаборанты...

Но речь шла о престиже общества. Высокий престиж дает хороший заказ—так резонно доказывал новый директор.

Свицын был прав—морское ведомство подписало с НРО

Д

контракт о снабжении его углем Черноморского флота—это пустяки—заинтересовать пару чиновников, если анализы угля дали такие прекрасные показатели.

Этим контрактом Свицын нанес оглушительный удар углепромышленникам, которые всегда добивались получить в свои руки снабжение флота топливом. Но железнодорожный транспорт стоит дорого, и морское ведомство предпочитало для Балтики ввозить кардифский уголь, а Черноморский флот, находясь в плаваниях, больше снабжался углем в зарубежных портах, чем в отечественных. Подведенный же не раз скверным качеством топлива, флот относился очень подозрительно к поставщикам и ни с кем из них не подписывал солидных контрактов.

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ГОРЛОВСКОГО ШАХТНОГО РАЙОНА

Существует предание, что Петру I, во время одного из его походов к Азовскому морю, казаки из окрестностей села Лисичанска, как диковинку, преподнесли кусок каменного угля. „Этот черный камень,— говорили казаки,— горит лучше кизняка, и мы отапливаем им свои хаты и используем при ковке железа“.

Тогда император промолвил: „Минерал этот, если не для нас, то для потомков наших будет полезен“.

Но Петр I не оставил мысли о черном камне, который горит лучше кизняка. Черным камнем казаки пользуются при ковке железа. А железо— это пушки, ядра, ружья, пули, другие необходимые ему для широкой колонизаторской политики.

Энергично Петр берется за дело. 23 декабря 1722 года он издает приказ: „На Дон, в казачьи городки, в „Оленьи горы“ и в Воронежскую губернию к селу Белогорью для покупки каменного угля и руды“—объявил поддьячий Капустин—„из берг-коллегии послать нарочного и в тех местах каменного угля сажня на три и больше, и накопавши угодков по пять, привести в берг-коллегию: и исследовать, а чтобы легче было копать уголь и руду, губернатору Измайлову послать указ“.

Петр не только ищет уголь и руду на Дону; посылает нарочных на Днепр „для осмотра и поисков каменного угля“. А немного спустя 23 сентября 1724 года выписывает в Англии мастера для разведочных работ „буравами шуровать глубину“. Между тем, эти первые практические работы не привели ни к чему.

Начатое Петром дело энергично продолжал Потемкин. Он сам бывает в тех местностях, где найден уголь, отпускает средства для разведочных работ и поощряет тех, кто принимается за разработку угля.

Хотя у Потемкина звучит иной мотив, чем у „богопоманного“ Петра, мол, в Новороссийском крае совсем нет ископаемых, но основания для такого энергичного, даже жадного выискивания угля и руды среди пустой степи у первого и у второго одни и те же:— поживиться богатством завоеванного края, закрепить его за собой, не отдать никому.

Нюх у Потемкина, как мы видим, утонченный. Он напоминает пса на охоте, который после выстрела своего хозяина охотника, высунув язык, бешено мчится за убитым селезнем, так как знает, что ему — псу, во время сытого ужина перепадет кусок вкусного поджаренного на масле сизогрудого неудачника. И лично затраченной энергии и даже истраченных собственных средств жалеть нечего. Все сторицей оплатится.

Потемкин рассчитывал, что из всего богатства, найденного им в Новороссии, получит по крайней мере „львиную долю“. А богатства лежали так близко, стоило только протянуть руку. Чиновники донесли Потемкину о неисчислимых богатствах Новороссийского края. В скором времени князь после осмотра южной границы, снарядил профессора Леванидова, который, возвращаясь, ему — князю „столь лестное мнение подал“ о богатствах гор, расположенных вблизи Донца; тут по его словам, есть золото, серебро, железо, черный уголь, мрамор и другие камни...

Потемкину также не повезло, как и Петру. Он умер, не дождавшись результатов изысканий богатств. Но умер полный мысли, что в завоеванном его собственными руками крае найдены в самом деле неисчерпаемые богатства.

Сообщение профессора Леванидова сразу взбудоражило дремлющий край. Степной ветер от усадьбы к усадьбе принес неожиданное известие о богатствах.

Зашевелились местные помещики. На некоторое время они перестали сосать длинные, окованные золотом и серебром чубуки — щедрые дары Екатерины Великой.

В скорости там, где бушевали ветры по бесконечным степям, колыхая ковыль, где паслись уныло блея стада овец, где единственным голосом человека была тоскливая песнь пастуха над своей убогой долей, громадными грибами выросли курени и загоны.

Но техническая неграмотность пионеров каменного дела, и невозможность в тогдашних экономических условиях закрепощенной России организовать рыночный сбыт угля, прекратили на время угольную горячку.

Патриархальные дедовские средства, применяемые помещиками для обработки своих необъятных полей, были совсем непригодны для такого нового дела, как разработка каменного угля. Помещики наседали на крепостных, на даровую рабочую силу, но крепостные, не будучи заинтересованы, не подняли целины, под которой веками скрывались неисчислимые богатства края.

Однако Запорожье, а после уничтожения Сечи, „Новороссийский край“ постепенно населялся.

Одаренные щедрой рукой Екатерины, князья (Потемкин, Прозоровский, Вяземский и друг. получили по 100.000 де-

тин) основали на новых землях поместья, переводили рода крепостных из своих великорусских вотчин.

Вслед за большими вельможами, за верную службу, получили наделы офицерство по 1000 десятин, фельдфебели унтеры по 500 десятин.

За семь лет, от 1775 по 1782 „пожаловано“ около $4\frac{1}{2}$ миллионов десятин и переселено крестьян из средней России около 100 тысяч душ.

Еще до этого в Новороссию царское правительство пригласило сербов, которые оселившись основали так называемые „роты“. По предположению самодержавия сербы должны были выполнять специальные задания: охранять край от набегов турок и татар, а при случае и усмирять непокорных коренных жителей — запорожцев.

Позже, из южно-славянских земель царское правительство приглашает немцев и крымских готов, называвшихся греками, и румын. Всем переселенцам обещали бесплатную землю, лес для построек и даже деньги.

Переход Запорожья от военного положения к мирному вызвал новую волну переселенцев из густо заселенных губерний — Полтавской и Черниговской. Но этих не приглашали на новые земли, как приглашали вежливо сербов и немцев, а просто погнали в Новороссию. Правда, землю переселенцам обещали дать бесплатно.

Потянулись длинные ряды подвод и людей. Беднота шла пешком с малыми детьми на руках, с легкими сумками ищенских пожитков за утомленными плечами. Богатеи шли на возах. Вслед за возами на привязи — коровы. В тучах пыли, понурив в землю голову, плелись собаки. Впереди за верстой передвигался молчаливый обоз.

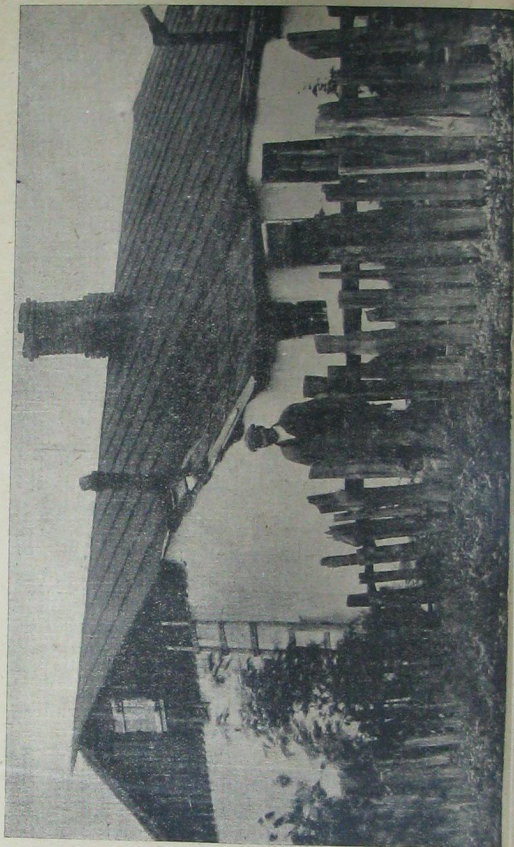
— Воды, кушать, — уже не плакали, не просили, а умоляли детские глаза полные отчаяния.

Много могил, больших и маленьких, едва прикрытых камнями сухой земли, оставили на своем пути переселенцы.

Обещанные земли встретили их безлюдьем, пустотой горной степи, ветрами суховеями и потрескавшимся от зноя подородным черноземом.

С большими трудностями заселялся теперешний Горловский район украинцами, русскими группами, молдаванами, сербами, болгарами, черногорцами, албанцами, кроатами, поляками, белоруссами. Кого приглашая, обманывая обещаниями, а кого кнутом загоняя, заселяло царское самодержавие Бахмутский уезд, куда входили теперешние Горловка, Бикитовка и другие города.

Болезни от перемены климата и воды, от скученности в палатах, а бывало и от отсутствия каких-либо помещений, массами погибали новоприбывшие. Немало погибло их от крымских и ногайских татар, опустошивших в 1762 году Бахмут-

ую провинцию. Все это привело к тому, что попытка колонизировать край иностранцами не имела успеха. Но переселенцы положили начало некоторым селениям. Селения росли, расширялись. Урожайная степная земля и широкие сочные пастбища привлекали переселенцев.

ДА ВЕТХОМ КАНАТИКЕ"

Приблизительно около 1806 года крестьяне Щербиновых хуторов и крестьяне села Железного почти одновременно открыли на своих землях залежи каменного угля.

Черный плотный массив угля спокойно лежал почти на поверхности земли. Постепенно один за другим подходили крестьяне, ласкали его шершавыми ладонями и корявыми пальцами, растирали в пыль комочки угля. То лежала крестьянская радость. Черная, какая-то необычайная, но радость. Радость реальная, которую они могли ласкать, ощущать руками. В глазах, в уголках рта играла улыбка удовлетворения.

Находка угля не была для них неожиданностью. Только что пережившись на новых местах, они уже знали, что в недрах их земель лежит уголь.

Сегодня крестьяне увидели уголь собственными глазами. Теперь они еще крепче будут держаться за свою землю. Даже сугубая нищета неспособна будет оторвать такого своего собственника от ничтожного кусочка своей земли.

Крестьяне не представляли себе как следует, что они могут делать с накопанным углем. Может быть будут отапливать хаты им вместо кизяка. Но соседи помещики и раньше уже давно добывают уголь и где-то сбывают его.

А вспомнили крестьяне — приехали к ним какие-то государственные люди, чиновники, осматривают землю и расспрашивают об угле. Все это не спроста. Тогда чего же ждать? Нужно сразу брать в руки свое счастье. Потом поздно будет.

Немедленно пригласили попа, отслужили молебен. Пласт угля так неожиданно вскрытый весеннею водой и ветрами, выкопали с краев, украсили снопами пшеничной соломы. На соломе лежали заступы, кирки. Ближе к попу стояла земля. Все богатеи — в праздничных поддевках, белых рубашках. Поп щедро окропил святой уголь и инструменты. Кресту первым подошел хозяин, на земле которого найден уголь. Потом, поплевав на ладони, взял кирку и с размаху рубанул пласт угля, никем еще не начатый. То же самое сделали и другие члены артели. А на следующий день "шахта" уже работала.

При помощи вырытых на поверхности земли ям спустились к открытому пласту угля и рубили его кирками. Рубанный уголь вытаскивали на поверхность ручными

коловоротами. Ствол такой шахты выкапывали не всегда вертикальный, а боковых стен не крепили. Поэтому очень часто земля обваливалась и добывать уголь становилось не безопасно. Если же воды, особенно весной, и земли заливали и засыпали ствол и ход, то такую шахту оставляли на произвол судьбы, начинали копать другую на новом месте. Поэтому ни одного пласта угля не только не разрабатывали, а на некоторых шахтах только успевали начать. О том, чтобы отвести воду никто и не думал, на это умения не хватало" — так описывает технику труда на Щербиновских шахтах Валкович.

Подобных шахт, „где кроме казны в каменноугольном деле работали помещики и даже крестьяне" — второй царский чиновник Ковалевский в 1828 насчитывает 23, преимущественно в Бахмутском и Славяно-сербском уездах.

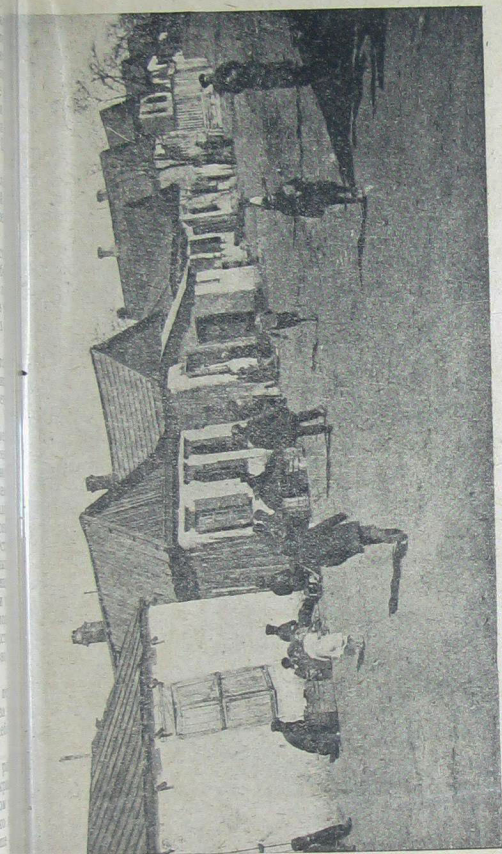
Добытый таким примитивным способом уголь крестьяне или сами отвозили на соляные промыслы, или за бесценок продавали помещикам. Последние имея и своих лошадей и крепостных, отвозили и свой и скупленный уголь тоже на соляные промыслы и только незначительную часть угля оставляют себе для домашнего употребления.

Круг потребителей угля, как видим, узкий, одни только местные соляные промыслы и сомкнутый в пределах исключительно своих окрестностей. А тем временем постепенно вырастают горы добытого и не проданного угля.

Чтобы спасти себя от неминуемого кризиса, помещики и артели богатых крестьян делают попытку завоевания рынков в пределах своих окрестностей. Они делают попытку внедрить среди крестьян пользование углем для отопления хат. Но эта попытка встретила неожиданного и решительный отпор от традиционных кизяков. Поражение настолько жестокое, насколько и неожиданное. Осталась еще одна и кажется последняя и единственная попытка, — захватить соседние окрестности. Только соседние, не дальше. Так как дальше не хватит ни ресурсов, ни транспорта. Но захватить соседние окраины тоже не удалось. Соседи шахтовладельцы были настроены также воинственно, они и сами лелеяли подобную мысль и безусловно дали решительный отпор „колонизаторам".

Десятки лет продолжалась эта незаметная с первого взгляда мелкая, но упорная борьба за потребителя, за рынок сбыта. Бахмутский район стремился подчинить себе Славяно-сербский и наоборот.

Отсутствие рынков сбыта сильно тормозило развитие каменноугольного дела, но рост шахт не прекращался. Если в 1828 году в Бахмутском и Славяно-сербском уездах насчитывали 23 шахты, то теперь на одних только землях щербиновских и железнянских крестьян их больше сотни.

Остатки старой Горловки. „Базарная“ улица.

Реформа 1861 года выбросила из села на рынок тысячные кадры самой дешевой рабочей силы. Голод и нищета гнали людей в поисках заработков.

Придя на рудники, крестьяне почти за кусок хлеба начинали работать на шахтах — шахтовладельцам. Не пугает и непривычная и даже не безопасная для жизни работа в шахте.

Условия жизни и работы шахтеров того времени описал корреспондент „Горного журнала“ Филькнер: „Ветер, сырость и мороз — вот три обстоятельства, с которыми приходится бороться закаленному здоровью их. Поистине следует признать, что только одна русская натура без стонов и упреков, без сетований и ропота имеет возможность перенести эти невзгоды. Может быть потому только, что русские рабочие не видели лучшего оборудования, они, так сказать, в силу привычки утратили чувство опасности, вылив в горло добрую рюмку водки, с веселой песней, в ветхом канатике спускаются в обледевшую шахту, между тем как в глазах немца она кажется вечной могилой.“

ОТ ЧУМАЦКИХ ОБОЗОВ К ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Прозрачные капли росы засверкали далекими отблесками солнца и постепенно покрыли всю степь. С шумом, напоминающим далекий невыразительный шелест, проснувшись — так шумит под ветром трава, сожженная солнцем, Красный круг неожиданно выкатился на небо и напомнил чумакам, что время двигаться. Догорал костер. Утренний ветер раздувал последние искорки. Волы лениво поднимались с земли, пережевывая жвачку. Они также знали время, когда нужно подставлять в ярмо шею. День будет горячим и душным. Нужно двигаться.

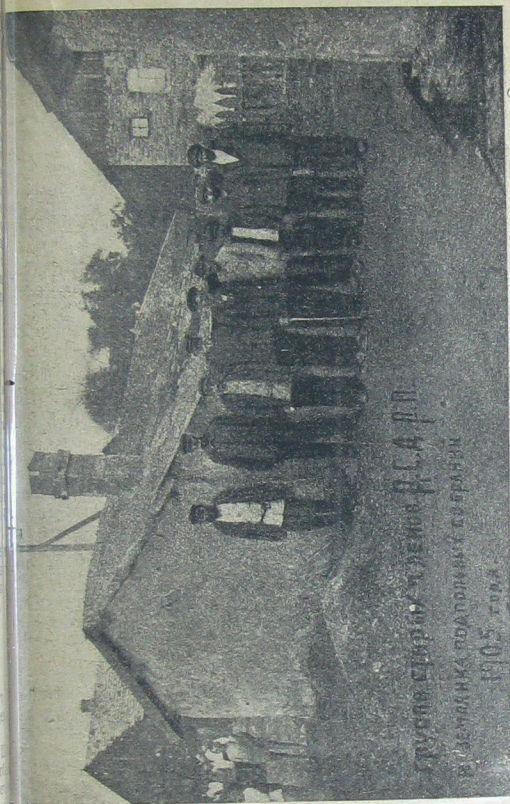
Медленно закивали длинными рогами волы. Медленно двинулись с места и заскрипели возы длинного чумацкого обоза. Ветер сорвал с возов тучи черной пыли, запылил без того черные полотняные рубашки и лица чумаков.

„Гей, їде чумаки, волів понукає,
Витре сльозу, долю згадає.
Везуть до Криму пшениченьку.
Безрідні чумаки, усіх сім...“

Идут безродные чумаки, погоняют волов, но везут не пшеницу, не соль, а каменный уголь, добытый на Щербининских крестьянских шахтах.

Длинный путь лежит перед чумацким обозом — от Щербинки до Севастополя. На кнутовище у проводника обоза воз которого впереди всех, уже четыре пометки — четыре дня. Сегодня проводник надрезал пятую. Пятый день идет степью обоз.

Не первый год возят чумаки уголь. Несколько лет они доставляли уголь для Севастопольского адмиралтейства.

Группа старых членов РСДРП
и землянка подпольных собраний
1905 года

Группа старых членов РСДРП и землянка подпольных собраний 1905 года на Щербиновке.

А во время Крымской кампании подряд на уголь взял Гаврилов — отец Бахмутского предводителя дворянства. Сколько Гаврилов положил в карман денег за подряд угля — не известно. Также неизвестно сколько платил он чумака за извоз. Но зная, что за доставку хлеба из южной части Бахмутского уезда в Мариуполь (120 верст) чумаки получали по 3 рубля с четверика, можно с уверенностью сказать, что за доставку угля чумаки получали значительно меньше.

Кроме Севастополя чумаки с углем бывали в Славянске, Харькове, Екатеринославе. Чумацкие обозы с углем в Севастополь, Славянск, Харьков и Екатеринослав — это первая стычка только народившегося капитализма с отечественным бездорожьем.

Отсутствие дорог, которыми можно было бы легко дешево сбывать добытый уголь, остро чувствуется с начала зарождения каменноугольной промышленности. Уголь находили везде, охотников разрабатывать его было много, но более или менее нормально работали шахты только там, где потребители угля были по соседству — например, соляные промыслы и казенные заводы.

Предприниматели в продолжении десятилетий сами энергично ищут путей для сбыта угля. На заре каменноугольного дела они обратили внимание на чумацкие обозы. Отважились и снарядили несколько обозов. Нет, перевозка волами очень дорога. Водный транспорт — вот что кажется забытым предпринимателями. Но и рек они не забывали. Только река Северный Донец могла иметь более или менее серьезное значение, но и она была непригодна для судоходства. Первые попытки в конце 30-х годов регулярно сплавлять уголь Северным Донцом встретились с большими препятствиями на этой реке: мелководье, корни деревьев, мельницы, плотины.

И водные пути безжалостно разрушили мечты предпринимателей. Осталось одно, что до сих пор они так упорно обходили и даже не хотели напоминать себе — это железная дорога.

Железная дорога не обманет надежд на наживу, она и потребитель угля, она и поставщик. Большие надежды возлагали углепромышленники на железную дорогу.

Уголь к этому времени как следует зарекомендовал себя в глазах русских чиновников. Не флегматичные волюнтаристы, быстроходная железная дорога должна доставлять его за водам, работающим на вооружение русской армии. Железная дорога крепким железным поясом навсегда привяжет завоеванный край великой России. Железная дорога будет быстро перебрасывать армию на юг к морям.

В 1868 году петербургские чиновники долго думали

кому отдать концессию на сооружение железной дороги. Запрашивали и первопрестольный град Москву: может она найдет кандидата? Такого кандидата нашла Москва. Это был миллионер Поляков, один из близких людей московского генерал-губернатора великого князя Сергея. После короткой беседы между Поляковым и князем Сергеем дело было почти решено. Через несколько дней кандидатуру Полякова обсуждали петербургские чиновники, а еще через несколько дней концессию „высочайше“ разрешил Александр II — „освободитель“. Передача концессии еврею Полякову хотя неинтересного и удивила чиновников, знавших Александра II, как отъявленного антисемита, но Поляков оказался и их старым приятелем и другом.

— А, Самуил Соломонович? Знаем, — говорили в один голос чиновники. — Это же старый и добросовестный интендантский поставщик. Самуил Соломонович — золотое дно. С ним не пропадешь. Не таковский, — потирали руки чиновники.

В салонах тоже тепло вспоминали имя Самуила Соломоновича и шепотом передавали один другому последнюю новость гениальной изворотливости коммерческого ума Полякова. Когда великий князь Сергей выгонял евреев из Москвы в „черту оседлости“, то Поляков додумался заработать и на несчастье своих единоверцев. Евреи, желавшие остаться в Москве торговать, записывались к Полякову в приказчики — этих поляковских приказчиков было несколько сот. Не один десяток тысяч положил Поляков себе в карман за счет этих приказчиков.

Условия концессии были следующие. На пути будущей железной дороги Поляков должен был соорудить рельсовый завод и шахты. Т. е. линия железной дороги должна быть выложена своими отечественными рельсами, а шахты должны обслуживать железную дорогу своим углем. В концессии, между прочим, было сказано, что земли, необходимые на сооружение шахт и завода, даются безвозмездно из земель государства.

Условия необычные, даже неосуществимые. Кроме того, были назначены слишком короткие сроки для постройки железной дороги. Но Поляков согласился на все. Жизнь научила его понимать, что законы русские чиновники пишут совсем не для того, чтобы их выполнять. Это особого рода интриго сплетенное кружево пышных фраз, которые следует только осторожно обходить. Поляков не впервые маневрировал в обходе законов. Он изучил эту несложную науку и делал это открыто у всех на глазах, обворовывая интендантство поставкой недоброкачественного товара.

Но на этот раз его простейшим образом обманули, обманули. Только взявшись за дело, Поляков выяснил, что земель на линии будущей железной дороги, необходимых

для сооружения завода и шахт в фонде государственных имуществ не было ни одного участка.

Поляков обиделся. Мошенники чиновники хотят обмануть его—комерции советника, старого зубра! Посмотрим. Смеется тот, кто смеется последним.

И не теряя времени, он скупает на правах отчуждения землю у крестьян Щербиновки, Железного и Никитовки. Быстро принимается Поляков и за основную работу—сооружение железной дороги.

Еще перед началом работ Поляков впервые встречается с Горловым, молодым и скромным инженером, приглашенным в качестве консультанта каменноугольного дела вместе с другими специалистами. Это он и посоветывал приобрести земли щербиновских и железнянских крестьян и отбирал участки наиболее пригодные, по его мнению, для будущей шахты.

Железная дорога для того времени была построена чрезвычайно быстро. Проложено 763 версты полотна меньше, чем за год. Из всех условий, под которыми Поляков подписался в концессии, он выполнил только одно—быстро построил железную дорогу. Такие бешеные темпы, каких до сих пор не видели царские чиновники, окончательно вскружили им голову. Они не досмотрели, что Поляков не только не построил завода и не заложил ни одной шахты, а даже проложил линию не отечественными рельсами, а обыкновенными дешевыми английскими.

Восторг был огромный. Восторгались все. Захлебывалась патриотическая пресса, помогая Полякову взобраться на отечественный щит и стать рядом с „истинно русскими“ капиталистами.

Поляков радовался. Концессия принесла ему огромную прибыль. Шахтовладельцы, особенно те, шахты которых находились вблизи железной дороги, радовались больше всего. В сиянии розовых надежд на неожиданное счастье, которое принесет им железная дорога, они осмеливались по приятельски пожимать руку Самуилу Соломоновичу, называя его на „ты“. Восторгались и чиновники, откопавшие такого темпераментного дельца. Теперь им было не до отечественных рельс. Чорт с ними. Чьи бы ни были рельсы, лишь бы была железная дорога. Ведь факт на лицо,—763 версты линии построены и построены меньше, чем за год. Российскому самодержавию тоже безразлично по какому рельсам будет ходить паровозы. Ведь победа Полякова—это победа и самого самодержавия. Проложив железную дорогу, самодержавие, этим самым, навсегда закрепляет за собой завоеванный край с его неисчерпаемыми богатствами.

МОТЫЛЬКИ

„К нам на юг налетело множество мотыльков-предпринимателей, которые со своими, а кое-кто и с чужими деньгами, стремглав бросились в объятия каменноугольного дела, обожгли на нем свои нежные крылышки или выражаясь вульгарным языком, понесли громадные убытки, взорились и в большинстве прекратили свою деятельность“.

Так красноречиво описывает каменноугольную горячку, захлывшую с невиданной силой после открытия Поляком железной дороги—очевидец Мевкус.

Мевкус издевается над неудачниками предпринимателями, злорадно хихикает. Не они старожилы—настоящие следники угля, не его родственники и друзья обожгли свои нежные крылышки, а те, которые налетели к нам.

Еще до постройки железных дорог, как только пронесся слух о концессии, крупные и мелкие предприниматели Донецкого края наострили уши, забеспокоились. К этим старожилам, монополистам—такими по крайней мере считали себя те, кто уже имел шахты—в скором времени присоединились и мотыльки, которых занес ветер с далекого севера. Из Петербурга, из Москвы,—на юг, уголь. Не замедлили и мотыльки украинские—харьковские, екатеринославские.

В один прекрасный день, когда весна, окончательно сформившись, оплодотворила деревья, поблекли бледно-розовые лепестки цветов, проснулись заспанные улицы Екатеринослава. Миниатюрные, модные тогда в имперском стиле (в подражание Петербургу), выстроенные особняки крупных и мелких господ как-то по-новому выглядели под озою бирюзовую листву, как будто горделивее поднимали головы, стройнее подбоченились имперскими с позолоченными шапками колоннами. Чаше, чем когда-либо, открывались ворота и выезжали тяжелые рыдваны, мягко утопая в пыли и выбоинах немощеных улиц, разгоняя своим движением коз и кур.

На обширной площади с посаженными под шнур деревьями, напоминавшими чем-то шеренгу солдат, застывших после громовой команды фельдфебеля—расположилось единственное здание присутствия в стиле генерала в парадной форме с выточенной грудью колоннад, украшенных позолоченными орлами.

Сегодня возле присутствия остановилось сразу несколько диванов.

Полицейский, взявшись за ручку дверей присутствия, чтобы пропустить важного, неуклюжего на вид барина, сразу заметил нахальную свинью, которая, опережая барина, заталась проскочить в открытую дверь.

— Минутку подождите, ваше благородие... Сказано, свинья необразованная, — и полицейский дав хорошего ту-мака свинье под бок, — прогремел:

— Аччу... Прошу — открыл тяжелую дверь.

Свинья визжа пробежала несколько шагов, остановилась возле одной из колонн и долго уныло чесала ушибленный бок.

— Нашествие какое-то, — сердился полицейский, пропуская господ и следя зоркими глазами за свиньями, которые услышав визгливый голос подруги одна за одной вылезали из луж.

Пока в присутствии шло совещание, кучера в ливреях под непосредственным надзором полицейского в дверях присутствия, отважно охотились на свиней.

Через некоторое время дверь присутствия открылась и выпустила шумную и веселую толпу господ всех сортов и рангов. Последним вышел важный неуклюжий барин с мечтательными влажными глазами. Он остановился на крыльце и долго всматривался куда-то вдаль через низенькие незаметные среди зеленых бугорков хатки. Когда глазам стало больно от солнечного блеска, щедро разлитого на горизонте, перевел взор на площадь. Заметил свой, теперь одинокий, рыдван и черную грязь лужи, где ворочались громадные колоды свиней, хрюкая от удовольствия и быстро поводя пяточками.

— И этот славный прекрасный град великой Екатерины я должен оставить. Этот родной пейзаж, это величавое здание присутствия, свою усадьбу, все... все должен оставить.

На этот раз рыдван не перепугал мирных посетителей лужи. Неуклюжий барин дремал на мягком удобном сиденьи рыдвана, все далее оставляя за собой родной пейзаж на площади присутствия. Панок уже мечтал о Донецком крае, об угле, о шахтах. Он лично не знал Полякова, но несколько лет сряду слышал о нем. Теперь же была надежда при помощи своих крупных связей познакомиться с ним лично. Такое знакомство не помешает. Потом панок совершенно переключил свои мысли на географическое и геологическое изучение Донецкого края, где через несколько дней должен был поселиться там на довольно продолжительное время. Похож ли тот неведомый край на его родной Екатеринослав? Есть ли там площади с величавыми зданиями присутствия? — И невольно удовлетворенно улыбался. Случай с свиньей в дверях присутствия рассмешил его и одновременно обрадовал. Это хорошее предзнаменование. Это к счастью. Оно и тогда еще в оба раза добродушной свиньи бежало за ним, хотело опере-

НАЧАЛЬНИКЪ
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНИЯ

Секретно

Исход. № 39342

ЗАКОНЧЕНО.

Декабря 20-го 1908

С. 14090

г. Екатеринославъ.

исполнение №
14087 по 7-му
производству.

Доносу, что 18-го сего декабря Военный Судъ уда-
лился въ совѣщательную комнату для постановки при-
говора по дѣлу о захватѣ въ декабрь 1905 года мятеж-
никами линіи Екатерининской желѣзной дороги и 19-го
декабря, въ 3 часа по-полудни, объявлена слѣдующая резо-
люція, - приговорены:

I) Къ смертной казни черезъ повѣшение тридцать два
человѣка, въ томъ числѣ Зубаревъ-Кузнецовъ и Ткаченко
Петренко и смотритель по-грузинго двора станции Гор-
ловки Сидоро

II) Къ безсрочной каторгѣ двѣнадцать человѣкъ, въ
томъ числѣ Гершъ Завадскій, убійца Капитана Карамыше-
ва. Въ моментъ совершенія преступленія Завадскому было
15 лѣтъ.

III) Къ каторгѣ на 8-мь лѣтъ шесть человѣкъ.

IV) Къ каторгѣ на 6 лѣтъ двѣнадцать человѣкъ.

V) Къ каторгѣ на 4 года двадцать пять человѣкъ, въ
томъ числѣ врачъ Шошиковъ и инженеръ Данчичъ.

VI) Къ каторгѣ на 2 года 8-мь мѣсяцевъ-пять человѣкъ.

Остальные оправданы, въ томъ числѣ и врачъ Кли-
генбергъ.

Полковникъ

Сидоро

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ

№ 2 Р. С.

дить его. И Донецкий край, и уголь — будущее счастье барина — также представлялось ему в образе лужи и свиней нежившихся в ней.

Нет более легкого способа разбогатеть, как иметь горы угля, которые прут на поверхность из недр земли. Бери заступ, загребай его, вези железной дорогой, которую вот-вот выстроит Поляков и богатей. Только одно немного беспокоило панка — это слово шахта. Он сегодня несколько раз слышал его из уст своих коллег. А спросить, что такое шахта, не решался. Неудобно. Не мог же он, извините, показать перед всеми свою неграмотность и неосведомленность в каменноугольном деле. Шахта — это наверно название местности, где добывают уголь, — успокоил себя барин. С богом, в новый путь, на шахты — нежно пробормотал, когда рыдван остановился во дворе усадьбы.

Между тем Поляков не медлил. Он уже скупал у щербиновских и железнянских крестьян земли и одновременно развернул земляные работы.

Сначала никто не верил, что это уже начало настоящих работ, что скрытые бугры — это уже линия будущей железной дороги.

— А рельсы? — спрашивали скептики.

— Пусть еще Поляков построй завод.

— Тут работы на несколько лет, не меньше.

Предприниматели не могли и не хотели верить, — как можно построить за год железную дорогу. Они привыкли к темпам чумацких обозов, они были свидетелями, когда по году, по два строили какие то соляные промыслы, и то что железные дороги. Смешно! Поляков хочет надуть мыльный пузырь. Но он неминуемо лопнет.

И только, когда Поляков через несколько недель начал подвозить рельсы, в постройку железной дороги поверили и скептики.

Теперь на строительство приезжали соседние помещики и местные предприниматели.

Возле балки остановился рыдван, запряженный четверкой вороных лошадей. Медленно вылезала из рыдвана тяжелая фигура знакомого нам неуклюжего панка из Екатеринослава и тяжело ступив несколько шагов, остановилась. Ее сопровождал моложавый панок, пропорционально подвижной по сравнению с малоподвижным существом барина. Несколько минут молча смотрели на строительство железной дороги.

— Три версты до железной дороги. Это же рукой подать. Допустим, если даже горстями носить уголь и то можно заработать. Вы счастливее, что судьба предназначила вам купить землю именно здесь. Я советую не терять времени, приступать к разведочным работам. Пока по

тотну пойдет первый паровоз, а мы уже будем иметь подкормить его.

Другие тузы приезжали издалека. Этим судьба предначила оселиться за 30—40 верст от железной дороги. И с завистью называли имена тех землевладельцев, земля которых лежала по соседству магической линии.

Но и эти не унывали. Со временем можно будет проложить к магистрали ветку. А теперь все надежды возлагали на эту железную дорогу, которая день и ночь шаг за шагом прорывала у степи целину, срезывала бугры, засыпала и выравнивала балки и двумя черными змеями бежала все вперед и вперед.

Большинство предпринимателей, хоть и очень хотелось завершить на строительство железной дороги, должны были объезжать ее и как можно скорее спешить в ближайшие села. Их приезжало в села иногда по несколько человек в один день.

Ставили крестьянам могорычи, с азартом дипломатов называли им нерентабельность с несколькими гривенниками в кармане соорудать шахты. Потом спорили и больно били по рукам.

— Берешь 75!

— Нет, простите, за 75 не будем кумами.

Отдохнув, снова шли по рюмке и снова с жаром хлопотали ладони. Крестьянин клялся, что земля богата, ой как богата углем. И предприниматели должны были набавлять. Торговали и арендовали земли в большинстве сел Доброго края, там где только находили какие-либо признаки присутствия угля. Цены росли с каждым днем. С 20—30 рублей за десятину, они за несколько месяцев возросли до мадальной по тому времени цифры—100 и больше рублей. Продавец, ни покупатель не интересовались, имеет ли земля, которую так рьяно торговали, уголь, или не имеет. Торговались в слепую. Товар некогда было рассматривать, думать. Единственное желание подстегивало покупателей—купить землю обязательно сегодня, так как завтра ее купит кто другой.

Как мотыльки на огонь, так спекулянты, маклеры налепали на наживу. Эти спекулянты наживались исключительно на покупке и перепродаже земельных участков. Пусть предприниматели потеют в поисках угля. Будет ли уголь еще годен на что-нибудь, если даже найдут его. А маклер, между тем, не волнуясь и не забивая себе головы, наживался изрядный капитал. Они будут только слезно просить сердного творца как можно больше продолжить время этого урожая.

Как сгоряча покупали и арендовали земли, точно так же сгоряча принимались и за разведывательные работы.

Как только находили какие-нибудь признаки угля, сразу же закладывали шахту.

Происходило своеобразное состязание угля с железной дорогой. Железная дорога неимоверными темпами шагала вперед к финишу, предприниматели неимоверными темпами искали уголь, закладывали шахты.

Кто раньше?

Кто раньше продаст железной дороге первые пуды добытого угля?

Вихрем шумела каменноугольная горячка. Помещики, крестьяне, свои и чужие предприниматели — все охвачены этой горячкой. С севера, с юга, с востока и с запада слетались „мотыльки“. Люди принадлежали к разнообразным социальным слоям и рангам — все они искали уголь и жаждали наживы.

И все это бушевало вокруг постройки железной дороги вокруг монолитной фигуры миллионера, подрядчика помещика и представителя самодержавия Самуила Соломоновича Полякова.

Неуклюжему барину из Екатеринослава по фамилии Терещенко „чертовски везло“. Это был обыкновенный средний размах помещик с деньгами, который благосклонно свои капиталы на „служение“ отечественной промышленности. Землю он купил к удивлению всех предпринимателей дешево и почти рядом с железной дорогой.

Разведочными работами Терещенко руководил лично. Его тяжелая фигура не раз неумоимо обходила весь участок. Иногда останавливался на каком-либо месте. Земля на этом месте казалась отличной от той, где производили разведочные работы. Тут она как будто чернее, жирнее. Сразу брал в руки заступ и выкапывал ком земли. Доломывал в руках, рассматривал, нюхал. Казалось, будто слышит запах угля. Он должен быть тут... Тут... На этом месте. Бежал к рабочим и приказывал начинать работы на новом месте. Но и на новом месте не находили никаких признаков угля.

Три месяца Терещенко добросовестно ищет уголь. Ни кому не доверяет, сам ищет. Ночью прилежно бьет палками клоны и выводит баланс расходов. Цифра округлилась, стала внушительной, доходила до четырех тысяч.

Терещенко ужаснулся, схватился за голову. Это был самый трагический момент в его жизни. Меркла надежда найти уголь, а с нею погибала надежда и на прибыли.

С тяжелым сердцем поднялся утром Терещенко, но это утро принесло ему радость. Нашли уголь. Первый кусок угля бережно спрятал в шкатулку. Он должен служить ему талисманом в дальнейшей работе.

Этот талисман Терещенко показывал соседям. Но все встретили известие о найденном угле безразлично.

— Так может быть вы уже и шахту будете заклады-
вать? — спрашивали соседи.

— Конечно. Через неделю думаю начать работы.

— Ну, закладывайте, бог на помощь.

Особенно советовали как можно скорее закладывать шахту Шейерман и Летуновский, недавно только заарендовавшие прекрасный уголь шербиновских крестьян.

Эти, превознося свой уголь, высказывали мнение, что уголь, найденный Терещенко, будет такого же высокого качества. Ведь их участки принадлежат к одним залежам, а их и отделяет семь-восемь верст.

За радостью не досмотрел Терещенко хитрых улыбок Шейермана и Летуновского и злорадных огоньков в глазах других соседей.

— Завидуют, — радовался Терещенко и справлялся как движается постройка железной дороги.

— Еще не скоро. И вряд ли ваш уголь будет необходим железной дороге.

— Говорите...

— Нет, нет, — говорили Терещенко — не пугайтесь, мы и сами.

Через некоторое время на земле Терещенко выросла шахта. Начали проходку. Тонкий, мизерный пласт угля как будто вылезал над мощными усилиями Терещенко. Несколько саженей пласт шел полого и сразу круто пошел вниз, почти вертикально. Для разработок такой пласт угля не годился. В отчаянии Терещенко приказал проходить ствол глубже и продолжал рыть дальше хода первого горизонта. Это была последняя агония полусумасшедшего и почти разорванного предпринимателя.

— Искать и искать. Я найду, должен найти, — часто говорил про себя похудевший Терещенко. Денег не хватало денег, пришлось заложить половину шахты.

Терещенко рыл и рыл землю, как крот зарывался глубже и глубже. Нашел второй пласт угля, но еще более тонкий, еще более мизерный. А однажды, когда работы были приостановлены из-за отсутствия средств, он сидел над стволом шахты и долго смотрел вглубь.

Воздух разрезал гудок паровоза. Терещенко вздрогнул. По вновь выстроенной линии бежал первый длинный состав, нагруженный углем. И Терещенко вспомнил, что Шейерман и Летуновский грузили вагоны прекрасного шербиновского угля.

Очевидец Мевису такими словами подытоживает каменную историю Терещенко.

Предприниматели полагались только на научные и не всегда верные указания, точных и предварительных исследо-

ваний угля они избегали, а рассчитывали исключительно на сказочные блага от Азовской железной дороги...

И совершенно закономерно, что горячка постепенно ослабевала, пока не наступила реакция, как неминуемый результат очень больших неудач. И общественное мнение начинает относиться к угольным предприятиям не только осторожно, но и с большим недоверием".

ПРИМЕЧАНИЕ: На землях железянских крестьян сооружены шахты № 1 и № 5. На землях шербиновских крестьян была построена шахта Центральная (теперь Дзержинка).